

Современникъ:
НИКОЛАЙ II
Разоблаченія.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Съ тайными документами и рѣчами царя.

3. — 4. Tausend

1910
Heinrich Caspari, Berlin
Verlagsbuchhandlung

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

Предисловіе ко 2-ому
изданію.

Не прошло еще года со времени выхода въ свѣтъ этой книги, какъ уже понадобился выпускъ новаго изданія. Это показываетъ, какой жгучій интересъ вызываетъ личность Николая II. И, какъ мы думаемъ, не напрасно. Въ нашихъ очеркахъ мы пытались показать, что Николай II не безвольный манекенъ, которымъ вертять какъ угодно его приближенные. Царь обладаетъ весьма опредѣленной настойчивой волей. Его желаніями, его стремленіями, поскольку это, конечно, исторически возможно, опредѣлялся за послѣднія пятнадцать лѣтъ ходъ событій въ Россіи.

Со времени выхода въ свѣтъ этой книги обнаружилось немало фактовъ еще болѣе подтверждающихъ правильность такой оцѣнки личности Николая II. Въ виду этого мы считали нужнымъ использовать этотъ матеріалъ и подвергнуть тщательной обработкѣ предлагаемые читателю очерки. Совершенно заново написаны очерки: „Entre les deux топ соеиг balance“ и „Жеребцы Его Высочества“. Включенъ также очеркъ, не входившій въ первое изданіе, носящій заглавіе: „Государь

хочетъ знать всю правду.“ Въ особомъ указателѣ читатель найдетъ источники, которыми пользовался авторъ при составленіи своихъ очерковъ.

Да поможетъ эта книга разсѣять тотъ мнѣ-
ческій туманъ, которымъ окутана личность Нико-
лая II!

Современникъ.

Вмѣсто предисловія.

Болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, въ холодный октябрьскій день 1894 года, умиралъ въ Ливадіи „длѣнникъ русской революціи“, „культурный дикарь“, царь Александръ III. И въ послѣднія минуты своей жизни онъ оставался вѣренъ себѣ, съ упрямствомъ маньяка не желая ни съ кѣмъ дѣлиться властью, на зло необходимости, не смотря на полную физическую немощь и серьезный востой въ дѣлахъ. Онъ засыпалъ надъ бумагами, но самое слово „регентство“ приводило его въ бѣшенство. Его самолюбіе старало уже отъ того, что ему приходилось подчиняться врачебнымъ распоряженіямъ профессора Захарьина, лѣчившаго его тяжелый недугъ; ему царю — подчиняться требованіямъ своего раба и подданнаго, хотя-бы онъ былъ даже лейбъ-медикомъ! И вотъ наконецъ Александръ III неожиданно отказывается принимать Захарьина, а вмѣсто него приглашаетъ Іоанна Кронштадтскаго и другихъ поповъ-чудодѣевъ, дабы они своими молитвами спасли ему жизнь. Возмущенный профессоръ хочетъ послѣ этого немедленно покинуть Ли-

вадію, но Черевинъ „приказываетъ“ ему остаться, угрожая въ противномъ случаѣ задержать его при помощи полиціи. И вскорѣ послѣ этого изъ Петербурга вызываются хирурги Вильчковскій и Выводцовъ, чтобы бальзамировать бранные остатки Александра III. Нефритъ, болѣзнь сердца, гранулезное пораженіе въ области почекъ и крайнее растройство нервовъ не поддававшіяся лѣченію Захарьина и нѣмецкаго профессора Лейдена, разумѣется не были устранены и молитвами „патентованныхъ молельщиковъ“. Царь Александръ III сталъ трупомъ.¹⁾

Взоры всей Россіи обратились теперь на Николая II. Хотя и въ Россіи судьба страны не зависитъ и не можетъ зависѣть всецѣло отъ воли монарха, но все же, благодаря самодержавному образу правленія, вліяніе царя на ходъ событій настолько велико, что естественно то любопытство, которое вызвала личность новаго царя.

„Что представляетъ собой Николай II?“ Безъ конца обсуждался этотъ вопросъ и высказывались самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ; многое, что казалось тогда неяснымъ въ личности и характерѣ Николая, стало понятнымъ. Бурные, тяжелые, многострадальные годы пронеслись съ тѣхъ поръ надъ Россіей и

¹⁾ см. укр. лит. А. 2.

помогли разсѣять мнѣическій туманъ, окружавшій Самодержца Всероссійскаго. И всетаки, еслибы теперь поставить тотъ же самый вопросъ „что представляетъ собой Николай II?“, то врядъ ли изъ сотни отвѣтовъ нашлись бы хотя лишь два, вполнѣ тождественные.

„Я спросилъ“, рассказываетъ французскій журналистъ, „у одного сановника, который часто бывалъ у царя, какого онъ о немъ мнѣнія. Сановникъ, немного подумавъ, отвѣтилъ: „Полковникъ? (такъ въ шутку называютъ царя.) Гм! Онъ быстро воспринимаетъ, быстро схватываетъ сущность дѣла, лишь только собесѣдникъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ. Какъ разъ противоположность своему отцу. Александръ III былъ неповоротливымъ и въ умственномъ отношеніи; долго и подробно приходилось ему объяснять каждую мысль, каждый провѣтъ, чтобы услышать въ концѣ концовъ слова: „Я этого не понимаю. Вы въ слѣдующій разъ мнѣ объясните лучше.“ Николаю-же докладывать — прямо удовольствіе.“¹⁾

Такъ-же, какъ французскій журналистъ, отзываются и многіе изъ его нѣмецкихъ коллегъ. „Царь интеллигентенъ, уменъ, образованъ, онъ хочетъ добра своему народу, весь поглощенъ мыслями о прогрессивныхъ реформахъ, и если всѣ

¹⁾ см. ук. лит. В. 16.

эти идеалистическія стремленія сводятся на нѣтъ, то виновата въ этомъ лишь бюрократія. Она скрываетъ правду отъ царя и при помощи исполнительныхъ органовъ извращаетъ смыслъ законовъ изданныхъ царемъ въ интересахъ своего народа.“

Но вотъ что рассказываетъ о Николаѣ II сенаторъ стоявшій очень близко ко двору: „Царь — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ; не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патриархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Фёдоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какой нибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобы подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ „Его Величество заняты и принять не могутъ“. Доклады онъ неподписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) „Новаго Времени“ въ руки не беретъ! Правда, Александръ III былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслить... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ,

кричить на него — Николай очень трусливъ и его легко запугать¹⁾ ...“

„Ахъ, да развѣ онъ что нибудь понимаетъ?“ съ досадою говорить о царѣ наслѣдникъ — нынѣ „бывшій“ наслѣдникъ — Михаилъ. — „Бѣдный запуганный молодой человѣкъ“ — говорить про него Левъ Толстой. — „Путешествіе въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа“ писалъ во время франко-русскихъ торжествъ enfant terrible реакціи Дрюмонъ. — Но не иное впечатлѣніе производитъ онъ и на престоноародѣ. „А царь-то нашъ скучный-прескучный“ — говоритъ одесская баба.²⁾

„Ну, что?“ спрашиваетъ во время царскихъ дней въ курскѣ слѣпой старикъ своего свата. — „Да что, свать, ничего яснаго отъ царя нѣтъ!“³⁾

Итакъ всѣ эти отзывы, какъ разъ противорѣчатъ мнѣнію французкаго журналиста о способностяхъ и талантливости царя. Но онъ это объясняетъ тѣмъ, что толпа не можетъ отдѣлаться по своей глупости отъ символовъ. Всѣ предшественники Николая при вступленіи на тронъ немедленно же облачались въ генеральскій мундиръ. Николай II же остался по доброй волѣ, изъ благо-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

²⁾ Ibidem.

³⁾ см. ук. лит. Б. 12.

говѣнія къ усопшему отцу, въ чинѣ полковника, дарованнаго ему Александромъ III. И вотъ въ придворныхъ кругахъ царю даютъ кличку „полковника“. „Даже министры его такъ называютъ въ его отсутствіи“, рассказываетъ дальше французскій журналистъ. „Полковникъ — эта кличка въ ихъ глазахъ обозначаетъ добродушное существо, полное наилучшихъ намѣреній, но безъ всякаго авторитета“. ¹⁾ И такъ иностранный біографъ Николая II долженъ все таки сознаться въ концѣ концовъ, что окружающіе царя не высокаго мнѣнія о его умственныхъ способностяхъ. Мы приводили достаточно отзывовъ раздѣляющихъ это мнѣніе, начиная съ царскаго брата Михаила и кончая курскимъ „сватомъ“, отправившимся поглазѣть на торжества. Казалось-бы что въ Россіи всѣ, какъ-разъ наперекоръ мнѣнію иностранныхъ журналистовъ, согласны съ тѣмъ, что „много есть болвановъ, первый — царь Романовъ“, какъ гласятъ слова пѣсенки петербургскихъ рабочихъ. Но вотъ послушайте, что говоритъ другая пѣсенка, также весьма популярная среди рабочихъ и крестьянъ. Въ ней Николай II выглядывающій изъ-за прозрачнаго псевдонима Берендея, представляется уже вовсе не такимъ простачкомъ или Иванушкой-дурачкомъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 16.

Какъ во городѣ столичномъ,
Во дворцѣ живетъ отличномъ,
Царь страны той Берендей
(Подъ нимъ двадцать пять царей),
Съ нимъ живутъ и двѣ царицы,
Двѣ заморскія дѣвицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то жена.
Еще есть у нихъ пришлодь,
Сынъ — наследничекъ растеть.
Всѣ живутъ который годъ
Безъ печали, безъ заботъ,
Сладки вина попиваютъ,
Виноградомъ заѣдаютъ.
На готовомъ царь живетъ,
А идетъ ему доходъ:
Получаетъ онъ зарать
Сорокъ тысячъ рублей въ часъ.
Не беретъ совсѣмъ бумажекъ —
Ни рублевокъ, ни сотняжекъ —
А беретъ онъ только злато
(Звать страна его богата),
Корабли имъ нагружаетъ,
Въ банкъ за море отправляетъ.¹⁾

Николай-Берендей этой пѣсни, начальникъ надъ двадцатью-пятью царями-губернаторами, показываетъ намъ царя въ совершенно новомъ видѣ. Здѣсь онъ хитеръ, прозорливъ, когда отправляетъ награбленные деньги въ Лондонскій Банкъ, чуя неминуемую побѣду Русской Революціи. Правда нравственный обликъ его въ этой пѣснѣ не осо-

¹⁾ см. ук. лит. А. 4.

бенно привлекателенъ. Но и въ оцѣнкѣ нравственной стороны личности царя мнѣнія не менѣе расходятся, чѣмъ въ оцѣнкѣ его умственныхъ способностей. Вотъ одинъ изъ отзывовъ наиболее благопріятныхъ для царя: „По чувству человѣчности Николая II можно пожалѣть. Онъ, говорятъ, добръ, страстно хочетъ облагодѣтельствовать Россію и не менѣе страстно жаждетъ „понимать дѣла“. „Мы искренно жалѣемъ государя какъ человѣка“, говоритъ либеральный фрондеръ въ газетѣ „Освобожденіе“, и ошибки царя объясняетъ не злой волей, а „неустойчивостью молодого человѣка“.¹⁾

Не безъ сочувствія и сожалѣнія относится къ царю знаметитый англійскій романистъ и поэтъ Мередитъ. Но при всемъ сочувствіи, онъ не можетъ его оставить на томъ пьедесталѣ, который воздвигнула нѣмецкая и французская печать. Онъ долженъ признаться, что царь, хотя бы и не по своей винѣ, падаетъ нравственно все ниже и ниже. „Онъ жалкое, слабое существо и всѣ мы должны пожалѣть его въ его паденіи. У него нѣтъ собственной воли...“²⁾

Невольно вспоминаются безчисленные анекдоты, рассказываемые о безволіи царя. Приведемъ одинъ изъ самыхъ остроумныхъ:

Во время первыхъ крупныхъ студенческихъ без-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 12.

²⁾ см. ук. лит. А. 15.

порядковъ является къ царю Ванновскій и заявляетъ, что теперь надо дать студентамъ свободу и удовлетворить ихъ требованія; иначе нѣтъ возможности поддержать порядокъ. Царь, выслушавъ его, отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ!“ За Ванновскимъ влетаетъ Плева и кричитъ: „Засѣчь ихъ надо! По тюрьмамъ ихъ! Въ Сибирь сослать! Иначе нельзя!“ Царь кротко отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ“. Но тутъ его „любезная супруга“, смущенная этимъ отвѣтомъ, замѣчаетъ, что онъ только-что хотѣлъ дать студентамъ свободу. Онъ обращаетъ на нее свой смущенный взоръ и отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ съ тобой, Сашенька!“¹⁾

Не хуже слѣдующая басня: Разъ царю приснился страшный сонъ. На берегу Невы стояли три коровы: одна жирная, другая тощая и третья слѣпая. Жирная корова вдругъ приблизилась къ тощей, начала кусать ее, и въ концѣ концовъ съѣла. А слѣпая корова стояла при этомъ и издавала лишь удивленно свое „мэ-мэ“. Попы-ворожен призванные царемъ объяснили сонъ такимъ образомъ: „Жирная корова — это бюрократія. Тощая это изголодавшійся народъ. Бюрократія съѣдаетъ его, а при этомъ стоишь ты царь, слѣпая корова, и издаешь свое бессмысленное „мэ-мэ!“²⁾

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

²⁾ Ibidem.

Эту же „слѣпоту“ царя, это невѣдѣніе народнаго горя рисуеъ въ мрачныхъ трагическихъ тонахъ нѣмецкій сатирическій журналъ въ картинѣ озаглавленной „Der blinde Zar“ (слѣпой царь). Постараемся описать эту картину: Земля залита кровью. Всюду валяются трупы. На горизонтѣ багряное зарево. Освѣщенный этимъ заревомъ медленно идетъ Николай II. Ноги его спотыкаются о трупы. Кровяное море почти касается колѣнъ. Но онъ ничего не видитъ и медленно идетъ дальше, — онъ слѣпъ. И какой-то злой рокъ толкаетъ его все дальше и дальше на его пути, пока онъ самъ не захлебнется въ морѣ крови, пролитой имъ самимъ.¹⁾ „Злой рокъ“, это въ глазахъ благожелателей царя, то бюрократія, то великіе князья, а то просто дворцовая челядь, знаковая Россіи подъ именемъ „звѣздной палаты“. Не царь толкаетъ другихъ на кровавые подвиги, а другіе его. „Онъ какъ чувствительная пластинка воспринимаетъ внѣшнія вліянія и рабски слѣдуетъ имъ“, говоритъ тотъ же авторъ, который восторгался добротой царя и его желаніемъ „облагодѣтельствовать Россію.“²⁾ И Мередитъ, симпатизирующій царю, объясняетъ его поступки вліяніемъ великихъ князей. „Что же касается великихъ князей“, говоритъ онъ, „то это враги рода чело-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 21.

²⁾ см. ук. лит. Б. 12.

вѣческаго. Во всемъ мірѣ не найдется человѣка, который бы пожалѣлъ объ ихъ исчезновеніи.“¹⁾ Иного мнѣнія авторъ статей въ *Quarterly Review*, Не отрицая слабохарактерности Николая, признавая вліяніе постороннихъ, онъ все же и его самого не можетъ освободить отъ всякой отвѣтственности.

„Неустойчивый, нерѣшительный, самодовольный, измѣнчивый, онъ тасуетъ своихъ любимцевъ сообразно перемѣнѣ настроенія, позволяя кликтъ случайныхъ, темныхъ и опасныхъ людей присваивать себѣ функціи его отвѣтственныхъ министровъ, тогда какъ предложенія послѣднихъ оставляются безъ вниманія, ихъ предостереженія пропускаются мимо ушей, а мѣры принимаемыя ими для защиты государства не только вмѣняются ни во что, но принимаются враждебно, какъ проявленіе непослушанія....“ Объясняетъ онъ поведеніе царя слѣдующимъ образомъ: „...Николай Александровичъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на средоточіе всего міра, миротворца человѣческаго рода, какъ на носителя цивилизаціи среди „желтыхъ“ и иныхъ „варварскихъ“ расъ, и какъ на правителя, дающаго своему народу чуть не всевозможныя блага. Глядя на эту свою фантастическую миссію вполне серьезно, онъ постоянно и непосредственно вмѣшивался въ каждое государственное дѣло, будь

¹⁾ см. ук. лѣт. А. 15.

оно внутреннее, или международное, подрывая естественное теченіе правосудія, разрушая, разоряя своихъ подданныхъ, хвастаясь своей страстной любовью къ миру, и въ то же время вовлекая свой народъ, отягоченный налогами, во всѣ ужасы кровопролитной и ненужной войны....¹⁾

Тутъ вспоминается намъ другая заграничная карриатура. „Рождество. Всюду елки, на которыхъ навѣшаны игрушки для дѣтей. Но у „Ники“ нѣтъ елки. Ему лейбъ-казакъ, вмѣсто елки, приноситъ висѣлицу нагруженную человѣческими трупами. А „Ника“ радостно улыбается.“²⁾

Здѣсь звучитъ еще новая нотка: Николай не только вѣшатель, но кромѣ того и наивный дикарь, не умѣющій скрывать своего упоенья кровью. Другая карриатура рисуется его уже менѣе наивнымъ, но зато болѣе лицемѣрнымъ и фарисействующимъ. Между грудъ убитыхъ гражданъ стоятъ висѣлицы, на которыхъ висятъ казненный студентъ и рабочій. Царь приводитъ къ повѣшеннымъ свою дочку и съ улыбающимся лицомъ говоритъ, что теперь, наконецъ, онъ будетъ жить въ дружбѣ со своимъ народомъ.³⁾

Еще ядовитѣе карриатура подъ заглавіемъ: „Какъ царь участвуетъ въ войнѣ“. Лицо Николая II

¹⁾ см. ук. лит. Б. 27.

²⁾ см. ук. лит. Б. 28.

³⁾ см. ук. лит. А. 10.

изображено довольно удачно; изъ одного глаза катится большая крокодилова слеза. Плачущій самодержецъ сидитъ за столомъ и на швейной машинѣ Зингера шьетъ что-то бѣлое, должно быть подштанники для раненыхъ на полѣ сраженія солдатъ.¹⁾ Какъ бы въ подтвержденіе этихъ каррикатуръ лицо близко стоящее къ Николаю, подчеркиваетъ въ качествѣ „основного недостатка личности Николая II — полнѣйшее отсутствіе прямоты, искренности, смѣлости“ т. е. иными словами признаетъ царя лжецомъ, фарисеемъ и трусомъ.²⁾

О личности царя благодаря цензурнымъ условіямъ свободно писать возможно только за границей. Поэтому матеріалы для его біографіи скудны и разбросаны. Но всетаки мы могли бы еще долго продолжать перечень разнорѣчивыхъ мнѣній о личности царя, если бы не боялись утомить читателя. Да кромѣ того всѣ эти мнѣнія, столь противоположныя и разнорѣчивыя, являются какимъ то таинственнымъ шифромъ, къ которому невольно подыскиваешь ключъ, чтобы устранить мнимыя противорѣчія и разгадать личность царя. Но неужели эта личность такъ таинственна и загадочна, такъ тяжело поддается психологическому анализу, что требуется столько усилій, чтобы понять ее? И не далъ ли талантливый публицистъ Амфитеатровъ

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

²⁾ см. ук. лит. Б. 12.

ключъ для этой загадки, написавъ свою сатиру о „Господахъ Обмановыхъ“? По его мнѣнію „Ника-Милуша“ незрѣлый, зеленый, неустановившійся молодой человѣкъ, измѣнчивый во взглядахъ и настроеніяхъ. И поэтому люди мало знающіе его, склонны ошибаться, если принимаютъ каждое его слово въ серьезъ, судя по двумъ-тремъ словамъ о характерѣ царя. Но дадимъ лучше слово самому біографу „Ники-Милуши“.

„Весь домъ читалъ „Гражданинъ“, читалъ и „Ника-Милуша“, хотя злые языки говорили, и говорили правду, будто подговоренный мужичекъ съ ближайшей желѣзнодорожной станціи носить ему потихоньку и „Русскія Вѣдомости“. И будто сидитъ, бывало, Ника-Милуша, якобы „Гражданинъ“ изучая, — анъ, подъ „Гражданиномъ“ то у него „Русскія Вѣдомости“. Нѣтъ папаша въ комнатѣ, онъ въ „Русскія Вѣдомости“ вошьется. Вошелъ папаша въ комнату, — онъ сейчасъ страничку перевернулъ и пошелъ наставляться отъ кн. Мещерскаго, какъ надлежитъ драть кухаркина сына въ три темпа, и получилось изъ такой Никиной двойной читанной бухгалтеріи два невольныхъ самообмана.

— Твердый дворянинъ изъ Ники будетъ! думалъ отецъ.

На станціи же о немъ говорили:

— А сынокъ-то не въ папашу вышелъ. Сво-

бодомыслящій! Это ничего, что онъ тихоня. Но смотрите! Вотъ достанутся ему Большіе-Головотяпы, онъ себя покажетъ! Отъ всѣхъ этихъ дворянскихъ папашиныхъ затѣй-рацей только щепочки полетятъ.

И отецъ, и станція равно глубоко ошибались. Изъ всего, что было Никѣ темно и загадочно въ жизни, всего темнѣе и загадочнѣе оставался вопросъ:

— „Что собственно я, Никандръ Обмановъ, за человѣкъ, каковы суть мои намѣренія и убѣжденія?

Отъ привычки урывками читать „Гражданинъ“ не иначе, какъ въ перемежку съ потаенными „Русскими Вѣдомостями“, въ головѣ его образовалась совершенно фантастическая сумятица. Онъ совершенно потерялъ границу между дворянскимъ охранительствомъ и доктринерскимъ либерализмомъ и съ полною наивною повторялъ иногда свирѣпыя передовицы кн. Мещерскаго, воображая, будто цитируетъ защиту земскихъ учреждений въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, либо, наоборотъ, пробѣжавъ изъ подъ листа „Гражданина“ передовицу московской газеты, говорилъ какому-нибудь сосѣду:

— А здорово пишетъ въ защиту всеобщаго обученія грамоты князь Мещерскій!¹⁾

Итакъ, по Амфитеатрову ларчикъ просто от-

¹⁾ см. ук. лит. А. 1.

крывался. Путанница въ головѣ царя; благодаря этой путаницѣ противорѣчающія другъ другу мнѣнія высказываемыя царемъ, а отсюда истекають уже разнорѣчивыя оцѣнки личности царя.

Не слишкомъ ли просто это объясненіе?

И снова передъ нами выступаютъ неразрѣшенные вопросы. Умень царь или не умень? Вѣдаетъ что творить — или не вѣдаетъ? Орудіе ли онъ въ рукахъ другихъ или сознательный руководитель правительства? „Слѣпая корова издающая полное недоумѣнія мѣ-мѣ“, или „страстный идеалистъ, умный и благородный, но безсильный передъ лицомъ коварной бюрократіи“? Или же наконецъ ни то, ни другое; не особенно умный, но и не совсѣмъ дуракъ; просто „хитрый и расчетливый Берендей“, любящій власть, и энергично отстаивающій ее, несмотря на прочую безвольность и нерѣшительность, покидающихъ его лишь въ этомъ вопросѣ?

На всѣ эти вопросы мы попытаемся дать отвѣтъ въ предлагаемыхъ читателю очеркахъ. Сопоставляя и анализируя поступки царя, его частную жизнь и политическія выступленія, пользуясь матеріаломъ тщетно хотя и тщательно охраняемымъ правительствомъ отъ свѣта гласности, мы надѣемся дать отвѣтъ, единственно возможный отвѣтъ на вопросъ:

Что же такое наконецъ представляетъ собой Николай II?

ДѢТСТВО,
ОТРОЧЕСТВО,
ЮНОСТЬ.

Когда Николай II вступилъ на престолъ ему было всего 26 лѣтъ. Какъ онъ прожилъ до тѣхъ поръ, какъ выросъ, какъ провелъ свою юность, объ этомъ знали мало. Въ то время какъ его двоюродные братья Кирилль и Борисъ Владиміровичи росли на виду у всѣхъ, какъ ихъ видѣли мальчиками, дерущимися и ругающимися самыми отборными словами во время своихъ прогулокъ по аллеямъ Царскосельскаго парка, Николай II проводилъ свое дѣтство скрытый отъ любопытныхъ взоровъ. Но и объ отрокѣ мало слышно, и лишь сдѣлавшись офицеромъ, его худенькая фигурка, облаченная въ гвардейскій мундиръ, изрѣдка мелькаетъ на улицахъ столицы. Его физическая немощь, блѣдное лицо со впалыми глазами, все это внушало обывателю жалость и предположеніе, что наслѣдникъ славный, симпатичный, но несчастный юноша. Говорили о „тяжелой рукѣ“ Александра III, давящей своего сына, жалѣли наслѣдника какъ жертву властолюбія своего отца. Даже зоркій Амфитеатровъ не разглядѣлъ фальши этихъ обы-

вательскихъ фантазій, и нарисовалъ намъ „Нико-Милушу“, забитаго деспотическимъ отцомъ.

„Сынъ Алексѣя Алексѣевича, новый и единственный владѣлецъ и вотчинникъ Большихъ Головатиновъ, Никандръ Алексѣевичъ Обмановъ, въ просторѣчїи Ника-Милуша былъ маленькій, милый, застѣчивый молодой человѣкъ, съ робкими, красивыми движеніями, съ глазами, то ясно-довѣрчивыми, то грустно обиженными, какъ у серны въ звѣринцѣ.

Предъ отцомъ онъ благоговѣлъ и во всю жизнь свою ни разу не сказалъ ему: нѣтъ. Попросился онъ, кончая военную гимназію, въ университетъ — родитель посмотрѣлъ на него холодными, тяжелыми глазами на выкатѣ:

— Зачѣмъ? Крамоль набираться?

Никандръ Алексѣевичъ сказалъ:

— Какъ вамъ угодно будетъ папенька.

И такъ какъ папенькѣ было угодно пустить его по военной службѣ, то не только безропотно, но даже какъ бы съ удовольствіемъ проходилъ нѣсколько лѣтъ въ офицерскихъ погонахъ. Въ полку имъ нахвалиться не могли, въ обществѣ прозвали Никою-Милушею и прославили образцомъ порядочности; все сулило ему блестящую карьеру. Но какъ скоро Алексѣй Алексѣевичъ сталъ старѣть, онъ приказалъ сыну выйти въ отставку и ѣхать въ деревню. Сынъ отвѣчалъ:

— Какъ вамъ угодно будетъ, папенька.

И — только Марина Филиповна осмѣлилась, было, заикнуться предъ своимъ непреклоннымъ повелителемъ :

— Но вѣдь онъ можетъ быть въ тридцать пять лѣтъ генераломъ.

На что и получила суровый отвѣтъ :

— Прежде всего, матушка, онъ дворянинъ и долженъ быть дворяниномъ. А дворянское первое дѣло — на землѣ сидѣть-съ! Да-съ! Хозяиномъ быть-съ! И когда я помру, желаю, чтобы сію священную традицію могъ онъ принять отъ меня со знаніемъ и честью.

И сидѣлъ Ника-Милуша въ Большихъ-Головятинахъ, Обмановкѣ тожъ, безвыходно, безвыѣздно, — къ хозяйству не приучился, ибо теоріи то дворянско-земельныя старикъ хорошо развивалъ, а на практикѣ ревнивъ былъ и ни къ чему сына не допускалъ :

— Гдѣ тебѣ! Молодъ еще! — Приглядывайся: коли есть голова на плечахъ, когда нибудь и хозяинъ будешь.

— Слушаю, папенька. Какъ вамъ угодно, папенька.¹⁾

Картина эта, рисующая молодость Николая, лишь отчасти правильна. Правильно въ ней дрябло — благоговѣйное отношеніе сына къ отцу. Правиль-

¹⁾ см. ук. лит А. 1.

но можетъ быть и то, что у сильнаго волей Александра III было презрительно-высокомѣрное отношеніе къ безхарактерному сыну; возможно, что возникали и въ царской семьѣ недоразумѣнія, при чемъ слабая воля покорялась болѣе сильной: Николай II подчинялся Александру. Но безусловно невѣрно, что эти недоразумѣнія происходили на идейной почвѣ, на почвѣ столкновенія принциповъ. Ни въ какіе университеты Ника-Милуша не собирался, никакихъ крамолъ нигдѣ и никогда не набирался. Манежъ или плацъ, вино, карты, дорого стояющія женщины и дешевыя побѣды надъ ними — все это вполнѣ удовлетворяло молодого цесаревича.¹⁾ Говорили, что онъ держался въ тѣни, чтобы до поры до времени скрывать свои настоящія мысли и взгляды передъ отцомъ. Но какія взгляды и мысли нужно было ему скрывать? О чемъ думалъ, о чемъ мыслилъ этотъ молодой человекъ? Въ какой пригонъ поѣхать, гдѣ лучшее вино, и какъ бы веселѣе кутнуть съ дядюшкой Сергѣемъ Александровичемъ!

Антагонизмъ съ Александромъ III? Но на какой почвѣ? Вспомните, что такое представлялъ собой Александръ III!

„Онъ не былъ тираномъ: на это у него не хватало воображенія Калигулы или Ивана Грознаго, и болѣзненный полетъ фантазіи великихъ истори-

¹⁾ см. ук. лѣт. Б. 12.

ческих тирановъ былъ чуждъ ему. Но ему были чужды и порывы великихъ историческихъ героевъ, ихъ вѣра въ дѣло, въ себя, въ народъ. Какъ ходульны должны были ему казаться хотя бы слова Петра I: „а себя ему щадить нечего, была-бы велика и счастлива Россія“. Самое противопоставленіе самодержца и Россіи ему казалось, конечно, неправдиво — патетичнымъ. Поколебавшись первые дни, а затѣмъ безхитростно повѣривъ теоріи божественнаго Промысла, раздѣляющаго съ нимъ бразды правленія, царь все время совершенно искренно отождествлялъ себя съ Россіей, какъ онъ ее представлялъ себѣ. Эта Россія была въ сущности увеличенной или, вѣрнѣе, бесконечно-повторенной копіей съ личности самого Александра III. Какъ онъ попросту и безъ фразъ, чисто по-зоологически, отправлялъ свои царскія функціи, такъ и вся Россія должна была исполнять свои: мужикъ обязанъ вносить подати, а не взнесъ, ложиться подъ розгу и, получивъ полагающееся по закону количество, снова отправляться на работу для взноса податей; дворянинъ долженъ былъ поставлять царю гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, попросту и безъ гордости внушая мужику почтеніе къ „твердой власти“, потыкавъ его при случаѣ властно но безъ азарта въ лицо; газетчикъ обязанъ былъ изо дня въ день доносить о разныхъ происшествіяхъ дома и заграницей, по возможности безъ

разсужденій, а если и разсуждая, то въ направленіи, угодномъ царю и отечеству; и т. д.

Дики ему должны были казаться эти странные люди, всѣ эти штундисты, всѣ эти Сигиды, всѣ эти революціонеры. Онъ — царь, а развѣ онъ желаетъ отыскивать какой-то особой вѣры: онъ скромно и просто вѣруетъ въ побѣдоносцевскаго бога. Онъ — царь, а развѣ онъ лѣзетъ не въ свои дѣла: онъ не торгуетъ, не пишетъ статей, — кажется и другіе могли-бы заниматься своими личными дѣлами, предоставивъ ему спокойно заниматься своими, т. е. хозяйничаньемъ надъ своей всероссійской вотчиной.“

„Къ Александру III болѣе, можетъ быть, чѣмъ къ кому-либо другому, приложимо замѣчательно-глубокое названіе, „культурный дикарь“, которымъ П. Л. Лавровъ обозначаетъ чловѣка, живущаго обычаемъ и традиціей, несмотря на свое положеніе въ современномъ обществѣ, образованіе и пр. Традиція, безхитростное слѣдованіе тому, что было навязано ему прошлымъ, составляетъ основную черту характера Александра III. Онъ еще могъ понимать значеніе и игру интересовъ — на то онъ былъ не простымъ, а культурнымъ дикаремъ, т. е. живущимъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на борьбѣ личныхъ и классовыхъ интересовъ. Когда ему показалось выгодно, онъ пошелъ на союзъ съ Франціей, вопреки своимъ монархическимъ традиціямъ.

Но область личнаго убѣжденія, которое борется съ рутинной и личнымъ интересомъ, была для царя книга съ семью печатами. И вотъ въ чемъ тайна невыносимо-тяжелаго гнета царя надъ Россіей. Онъ упрямо шелъ противъ всего, что жило исторической жизнью, развивалось мыслило, и страдало, и онъ опирался на отживающія культурныя силы, на интересы господствующихъ классовъ, на эгоистическія стремленія отдѣльныхъ личностей.“¹⁾

По поводу чего же было возставать Николаю противъ отца? Развѣ онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кто „развивался, мыслилъ и страдалъ?“

Не было ни одного хотя бы самаго незначительнаго факта изъ молодости Николая который бы указывалъ на это. Наоборотъ, теоріи отца ему были какъ разъ подъ руку. Указывая каждому „свое мѣсто“, онъ указывалъ „свою функцію“ и наслѣднику престола. Эта „функція“ состояла разумѣется не въ подготовленіи къ труднымъ обязанностямъ монарха. На то онъ и помазанникъ Божій, чтобы безъ приготовленій, безъ выучки, только при помощи Божьей милости постичь немедленно по міропомазаніи всю премудрость „управленіе землей русской“. Поэтому и „функція“ наслѣдника престола можетъ ограничиваться „использованіемъ“ жизни.

И наслѣдникъ „пользовался“. Не разъ товарищи

¹⁾ см. ук. лит. Б. 22.

по полку тащили его мертвецки пьяного домой, не разъ рассказъ о какомъ-нибудь дебошѣ цесаревича передавался изъ устъ въ уста. Не изъ скромности держался въ тѣни Николай. Политическій расчетъ заставлялъ его скрывать отъ любопытныхъ взоровъ свой образъ жизни. Разказы о его веселомъ житѣи могли подорвать престижъ будущаго царя среди народа. Да и передъ Западной Европой неловко распространяться о чисто азіатскихъ увеселеніяхъ цесаревича; вѣдь придется ему со временемъ жениться на одной изъ западно-европейскихъ принцессъ. Другое дѣло, если о подвигахъ Николая Александровича шушукуются въ петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ. Тамъ былъ молодцу не укоръ. А что у „молодца“ знанія не велики, что онъ этимъ не разъ поражалъ на придворныхъ раутахъ, что за бѣда — будутъ министры, они сдѣлаютъ „черную работу“, или вѣрнѣе „поручатъ“ ее сдѣлать кому нужно! Работа — это не *compte il faut*. Ученье — это тоже своего рода работа. Поэтому не бѣда, если *le prince* не учится. Ему прочтутъ пару лекцій *ad usum delphini* — этого достаточно.

Нѣтъ, не въ домѣ Романовыхъ мѣсто драмамъ между „отцами и дѣтьми“!

Не назвать же въ самомъ дѣлѣ „драмой“ событія предшествовавшія кругосвѣтному путешествію цесаревича. Обыкновенно разказываютъ,

что Александръ III, строго преслѣдовавшій распутство приближенныхъ, не обращалъ вниманія на похождения старшаго сына, пока одна изъ связей цесаревича не приняла болѣе серьезнаго характера. Тогда якобы боясь „*mésalliance'a*“ (вѣдь не мало страдало его самолюбіе при воспоминаніи о морганатическомъ бракѣ собственнаго отца), Александръ III приказалъ сыну разорвать связь и обручиться съ Алисой Гессенской. Но сынъ, привязавшись серьезно къ какой-то дѣвушкѣ (ея имя называютъ разнo), наотрѣзъ отказался съ ней порвать. И вотъ, чтобы дать ему возможность „остыть и одуматься“, его отправили прогуляться вокругъ свѣта.¹⁾

Все это мало вѣроятно. Образъ жизни цесаревича врядъ ли подготовилъ его для глубокаго и серьезнаго чувства. Не кутежи съ Сергѣемъ Александровичемъ могли въ немъ воспитать уваженіе къ женщинѣ. Для него женщина и проститутка были синонимами. Вѣдь извѣстно же, что та же самая балетная танцовщица, которая дарила ему свою благосклонность, лежала и въ объятіяхъ его „Августѣйшихъ Родственниковъ“ — великихъ князей. Врядъ ли поэтому какая нибудь глубокая привязанность послужила яблокомъ раздора между отцомъ и сыномъ. Александръ хотѣлъ женить

¹⁾ см. ук. лит. А. 17.

сына — это вѣрно. Николай противился — это возможно. Но причина была, вѣроятно, другая. Александръ III предъявлялъ строгія требованія членамъ своей семьи. Нужно ему отдать справедливость: образъ жизни этого тупоумнаго самодура былъ безупреченъ. На поведеніе сына онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, пока тотъ былъ молодъ и холостъ. Женатому онъ его бы не простилъ. Цесаревичъ это зналъ и уклонялся отъ женитьбы. Вотъ какіе расчеты руководили имъ при отказѣ жениться, и вотъ изъ какихъ побужденій обывательская молва съумѣла состряпать сплетню, въ которой роль Николая куда болѣе симпатична, чѣмъ въ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, въ скоромъ времени послѣ указанныхъ инцидентовъ появились сообщенія о томъ, что цесаревичъ отправляется въ кругосвѣтное путешествіе, чтобы ознакомиться съ дальними странами, ихъ обычаями и народами. А черезъ нѣкоторое время послѣ этого стали появляться и официальные реляціи объ этомъ путешествіи.

„Чѣмъ болѣе длилось путешествіе, тѣмъ длиннѣе становились реляціи, а чѣмъ болѣе удлинялись реляціи, тѣмъ болѣе чувствовалось, что въ нихъ чего-то, и при томъ самаго интереснаго, не достаетъ. Ни въ скупости на слово, ни въ пренебреженіи къ подробностямъ ихъ обвинить нельзя было. Напротивъ — гладко и

картинно, въ классическомъ стилѣ официальнаго живоописанія они повѣствовали намъ о природѣ странъ, посѣщенныхъ цесаревичемъ; рисовали пейзажи Индіи, виды ея городовъ и храмовъ; передавали всѣ подробности обстановки пировъ устроенныхъ въ честь цесаревича; рассказывали какъ его чествовали, какія ему дѣлали встрѣчи, говорили привѣтствія, какія зданія и мѣста онъ посѣщалъ, и только о томъ, что дѣлалъ и говорилъ самъ цесаревичъ, не было ни одного слова.¹⁾

Объяснялось это весьма просто. Первый разъ цесаревичъ появился среди людей, принадлежащихъ не только къ „своему кругу“. И не привыкшіе къ страннымъ вкусамъ и интересамъ салоновъ Зимняго Дворца, всѣ были поражены нравственнымъ и духовнымъ убожествомъ будущаго самодержца. Теперь сталкивались съ нимъ ежедневно моряки, иностранцы, журналисты и всѣ они были поражены пошлостью и безцвѣтностью его ума. Цесаревичъ мало говорилъ. Но не изъ политическихъ соображеній. Мы уже говорили, что ему нечего было скрывать отъ отца. Расходился онъ съ нимъ лишь во взглядѣ на необходимость ранней женитьбы. Причиной его молчанія также не была глубина натуры, не отвращеніе размѣнивать сильныя ощущенія на мелкую монету разговоровъ

¹⁾ см. ук. лит. А. 17.

съ чужими людьми. Нѣтъ! Цесаревичу было просто не о чемъ говорить. Ничто не возбуждало его интереса, ничто не производило на него впечатлѣнія. Или же впечатлѣнія были такъ неглубоки, что поражали даже его окружающихъ. Видно было — Николай скучалъ. И оживалъ онъ лишь „дома“, т. е. на кораблѣ въ „своемъ кругу“. Здѣсь ему уже не приходилось корчить изъ себя „высокаго гостя“, здѣсь не требовалось встрѣчаться съ людьми, стоящими ниже его по соціальному положенію и презираемыми имъ за это. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на палубѣ и смотрѣлъ, какъ его братъ Георгій и греческій наслѣдный принцъ занимались боксомъ или карабкались по мачтамъ.

Къ нему былъ прикомандированъ кн. Ухтомскій, человѣкъ знающій и образованный. Онъ долженъ былъ читать Николаю лекціи о народахъ и странахъ, которыя они посѣщали. Но не желая портить своихъ отношеній къ будущему царю, и видя у него отсутствіе всякихъ серьезныхъ интересовъ, князь Ухтомскій врядъ ли докучалъ Николаю научными бесѣдами и занятіями.

Николай предпочиталъ этимъ занятіямъ наслаждаться предвкушеніемъ будущей власти. Сдержанный въ гостяхъ, когда это было необходимо, онъ немедленно терялъ всякое чувство мѣры, какъ только могъ предполагать, что не найдетъ доста-

точно сильнаго отпора. Англійскія газеты того времени рассказываютъ, что во время путешествія цесаревича на корабль „Память Азова“, „произошло серьезное столкновение между капитаномъ этого парохода и сопровождающимъ цесаревича княземъ Барятинскимъ. Этотъ послѣдній, соображаясь съ желаніемъ цесаревича“, говорятъ газеты, „позволилъ себѣ отдавать разныя приказанія пароходной командѣ, а управляющій пароходомъ, капитанъ Ломанъ, запретилъ ей исполнять ихъ, давъ понять своимъ пассажирамъ, что никто, кромѣ него, не имѣетъ права распоряжаться на кораблѣ. Говорятъ, что вслѣдствіе этого столкновения, въ командѣ начали даже обнаруживаться попытки къ возмущенію, но они тотчасъ же были прекращены энергичнымъ капитаномъ, который увидѣлъ себя вынужденнымъ отослать нѣкоторыхъ непокорныхъ назадъ въ отечество и перевести на ихъ мѣсто матросовъ изъ экипажа корабля, сопровождавшаго „Память Азова“.¹⁾

Не иронія ли судьбы, что все это происходило на томъ же кораблѣ „Память Азова“, который 15 лѣтъ спустя замѣнивъ Андреевскій флагъ краснымъ знаменемъ присоединился къ Русской Революціи и угрожалъ самодержавному царю!

Вспомнилъ ли тогда Николай о бурѣ въ ста-

¹⁾ см. ук. лит. А. 17.

канѣ воды, произведенной имъ въ качествѣ цесаревича на этомъ же кораблѣ?

Все разскзанное нами о путешествіи Николая — мелочи; но эти мелочи не лишены были крупного значенія. Онѣ показываютъ, какое впечатлѣніе произвелъ и не могъ не произвести Николай, какъ только онъ впервые показался среди людей, не принадлежащихъ къ кругу, который Романовы называютъ „своимъ“.

11 мая 1891 года на Николая, находившагося тогда въ Токио, было произведено покушеніе. Причины этого покушенія до сихъ поръ въ точности не выяснены: кто указывалъ на романтическую подкладку, кто говорилъ, что Николай оскорбилъ японскую святыню, кто наконецъ увѣрялъ, что Николай сдѣлался жертвой фанатика-японца, ненавидѣвшаго всѣхъ иностранцевъ. Не имѣя возможность провѣрить вѣрность каждаго изъ этихъ слуховъ, мы не станемъ дальше на нихъ останавливаться. Скажемъ лишь, что при характерѣ Николая насъ не удивило бы, если одно изъ двухъ первыхъ предположеній оказалось правильнымъ. Какъ бы то ни было — Николай получилъ ударъ по головѣ, при чемъ и это не выяснено, саблей ли или тупымъ орудіемъ. О по-

слѣдствіяхъ этого удара намъ еще придется говорить въ слѣдующихъ очеркахъ.¹⁾ Непосредственно же послѣ покушенія Николай покинулъ Японію и направился въ Сибирь, гдѣ участвовалъ при заложеніи новаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. При вступленіи на сибирскую территорію была издана частичная амністія, изъ которой были исключены всѣ политическіе. Скажутъ, что виновать въ этомъ былъ Александръ III. Но пусть обратитъ читатель вниманіе на то, что намъ неизвѣстно ни одно слово сказанное Николаемъ въ пользу политическихъ, ни одинъ шагъ предпринятый имъ, чтобы распространить и на нихъ амністію.

Но онъ не могъ сказать этого слова, онъ не могъ сдѣлать этого шага — ибо онъ былъ согласенъ съ отцомъ. Готовясь къ тому, чтобы взять со временемъ власть въ свои руки, онъ долженъ былъ ненавидѣть тѣхъ, кто пытался ее ограничить, и не могъ противодѣйствовать отцу въ борьбѣ съ этими людьми.

Послѣ путешествія отношенія съ отцомъ стали снова ровныя и нормальныя. Николай II далъ согласіе обручиться съ гессенской принцессой и вскорѣ его исполнилъ. Отношенія между отцомъ и сыномъ были настолько хороши, что Александръ,

¹⁾ См. очеркъ „Заговоры противъ царя“.

въ общемъ недовѣрчиво отстранявшій сына отъ дѣлъ, разрѣшилъ Николаю председательствовать въ Комитетѣ Помощи Голодающимъ. Во время этихъ засѣданій Николай снова показалъ, что можетъ себя сдерживать, когда считаетъ это необходимымъ; что хотя и не обладаетъ умомъ и знаніями, то не лишенъ извѣстной расчетливости, когда рѣчь идетъ о его интересахъ. На всѣхъ засѣданіяхъ Николай — молчалъ. Онъ молча согласился даже съ тѣмъ, когда вынесли резолюцію, что въ борьбѣ съ голодомъ частная инициатива „отнюдь не должна быть стѣсняема“. Будучи царемъ Николай показалъ, что прекрасно понималъ опасность грозящую самодержавію при всякаго рода народной самодѣятельности. И тогда онъ врядъ ли находился въ невѣдѣніи относительно этой опасности, и несомнѣнно несмотря на голодъ отстоялъ бы свой взглядъ — если бы не боязнь потерять популярность. Несмотря на отсутствіе ума, своего рода инстинктъ соблюденія своей выгоды подсказывалъ ему, что пока онъ наследникъ — приходится беречь популярность. Будучи царемъ и опираясь на силу пулеметовъ онъ уже не боялся поставить ту же самую популярность на карту.

Намъ ничего не извѣстно о томъ, чтобы Александръ III не былъ доволенъ развитіемъ своего сына. Наоборотъ, высказываютъ, что онъ вполнѣ убѣдился, что сынъ раздѣляетъ его взгляды о

святости и незыблемости самодержавія. И если онъ беспокоился передъ смертью, то лишь потому, что боялся, что у Николая не хватитъ энергій отстоять свою позицію противъ внутреннихъ враговъ или свое мнѣніе противъ увѣщеваній придворныхъ либераловъ, которые всюду мерещились Александру, но которыхъ въ дѣйствительности не существовало.

И поэтому всё разсказы о томъ, что Александръ послѣ долголѣтней размолвки съ сыномъ, призвалъ его къ своему смертному одру для примиренья — неправдopodobны. Александръ поввалъ его, чтобы еще разъ передъ смертью высказать то, что онъ считалъ квинтэссенціей государственной мудрости: незыблемость самодержавія. И если передъ смертью онъ составилъ манифестъ, который долженъ былъ опубликовать Николай при вступленіи на престолъ, то это отнюдь не являлось насиліемъ надъ волей сына. Николай принялъ манифестъ изъ рукъ отца съ благодарностью и благоговѣніемъ.¹⁾

И какъ могъ онъ сомнѣваться въ цѣлесообразности политики „железнаго кулака“? „Либераль Александръ II“ былъ убитъ бомбой, а „столпъ самодержавія Александръ III“ умиралъ естественной смертью! Не указывало ли это пути? И не думаль

¹) см. ук. лит. А. 2.

тогда Николай, что придется ему расплачиваться впоследствии за отцовскіе грѣхи.

Вполнѣ искренне прозвучала, повтому первая рѣчь Николая послѣ смерти Александра III. Въ ней не было ни одного слова, которое бы противорѣчило взглядамъ царя, восшедшаго на престолъ, или его прежнимъ поступкамъ. Пусть текстъ составилъ Побѣдоносцевъ или кто-нибудь другой, по смыслу рѣчь — Николаевская. Она — заключительный аккордъ тѣхъ самодержавныхъ мелодій, которыя звучали во время всей молодости Николая II.

Вотъ слова произнесенныя царемъ на Высочайшемъ выходѣ въ Москвѣ 31 октября 1894 г.:

„Тяжко и больно быть теперь въ Москвѣ, которую такъ искренне любилъ Мой незабвенный Батюшка; но Императрица и Я находимъ сердечное утѣшеніе въ молитвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ Мнѣ Господь служить Нашей горячо любимой родинѣ такъ же, какъ служилъ ей Мой покойный Отецъ, и вести ее по указанному имъ свѣтлому и лучезарному пути.“¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. Б. 13.

Если въ горе, несомнѣнно искреннее, по поводу смерти отца, всетаки вкрадывалась радость, то причиной тому было не то, что Николай освободился отъ отцовскаго гнета, а то, что онъ забралъ въ свои руки свободу 130 милліоновъ людей.

Медовый мѣсяць.

Не ожидали-ли вы, читатель, что мы васъ пригласимъ въ царскую спальню, чтобы здѣсь подсматривать альковныя тайны Зимняго Дворца? Или вы ждали разслѣдованій о томъ, остался ли Николай послѣ свадьбы съ Алисой вѣренъ своей старой привязанности? Или разрѣшеніе другихъ похожихъ проблемъ?

Вы ошиблись, читатель. Не о медовомъ мѣсяцѣ Николая Александровича и Александры Федоровны собираемся мы говорить, а о томъ какъ раскрылись для молодого царя полныя страстной истомой нѣги и ожиданія, пламенныя объятія — русскаго либеральнаго общества!

Послѣ всего, что мы рассказали о Николаѣ это покажется страннымъ! Не могли же не знать либералы объ оргіяхъ Николая! Не могли же они объяснять ихъ исключительно задоромъ молодости, зная что онѣ представляютъ единственный интересъ Николая. А о происшествіяхъ на „Памяти Азова“ говорили вѣдь не однѣ англійскія газеты! Какой поступокъ Николая, какое слово дало хотя бы лишь поводъ къ ихъ упованіямъ?

Увы, они вѣрили, надѣялись, потому что иначе они должны были признать свои мечты неосуществимыми. Народа они боялись, своимъ собственнымъ силамъ не довѣряли, оставалась одна надежда — молодой царь! Александръ III находилъ, что каждый долженъ дѣлать свое дѣло. Развивая эту мысль можно-бы сказать: дѣло царя царствовать, а дѣло либераловъ мечтать и уповать на реформы сверху.

Какіе ничтожные случаи давали иногда поводъ оптимистическому настроенію либераловъ, примѣромъ тому пусть послужитъ слѣдующій рассказъ, сохранившійся въ заграничной газетѣ того времени.

„Глухою осенью 1894 г., днемъ по Невскому проспекту шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. Офицеръ шелъ, не привлекая ничьего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютинны ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго Дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 часа дня и фонъ Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генераль ...

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворець ...

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ дѣйствительно, ни кто иной, какъ Николай II, самодержецъ всероссійскій — и фонъ Валя собралась толпа. Царь продолжалъ идти по тротуару; фонъ Валя шель по проѣзду, почтительно изогнувшись.

— Но, генераль, я вышелъ догулять ...

— Это невозможно, Ваше Величество ...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой, слова „царь! царь!“ переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое „ура“, полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды, и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу ... А въ это время изъ Зимняго же Дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Аничковъ дворець къ вдовствующей императрицѣ (или какъ ее здѣсь называютъ, къ „покойной“ императрицѣ). „Мальчикъ“ получилъ большой выговоръ, и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ.“¹⁾

Казалось бы на что ничтожный инцидентъ! Царю надоѣла вѣчная охрана и онъ прошелся безъ

¹⁾ см. ук. лит. В. 22 и В. 15.

лейбъ-шиковъ по Невскому. Царемъ онъ былъ всего нѣсколько дней, зла сдѣлать никому еще не успѣлъ и потому покушеній бояться было нечего. Это понималъ даже трусливый и не особенно умный Николай. И нечѣмъ тутъ было восторгаться, не въ чемъ видѣть причины для упованій.

А вышло наоборотъ. Перечисляя всѣ факты дающіе поводъ возлагать надежды на Николая не-премѣнно упоминался и этотъ.

Приведемъ еще примѣръ. 2-го ноября царь принялъ въ Аничковомъ дворцѣ членовъ Государственнаго Совѣта. Англійская газета такимъ образомъ описываетъ эту сцену:

„Многимъ до сихъ поръ памятно первое появленіе императора въ одномъ изъ историческихъ учрежденій имперіи. Стоялъ сырой, холодный ноябрьскій день 1894 г. Члены Государственнаго Совѣта, изъ которыхъ многіе были ветеранами, служившими еще прадѣду царя, были созваны, чтобы отдать честь новому монарху. Они собрались за-долго до назначеннаго времени, одѣтые въ пышные наряды, прикрывъ свое внутреннее „я“ придворной маской благоговѣнія и восторга. А онъ пришелъ и ушелъ, какъ дуновеніе вѣтра въ песчаной пусты-нѣ, оставивъ ихъ протирающими глаза отъ изумле-нія. Они ожидали царскаго величія, но вмѣсто того увидѣли ребяческую неловкость, шаркающую по-ходку, бросаемые изподтишка взгляды и спазмати-

ческіе жесты. Маленькій, тщедушный юноша, прошелъ бочкомъ въ комнату, гдѣ эти посѣдѣвшіе савонники ожидали его. Опустивъ глаза, онъ быстро произнесъ пронзительнымъ фальцетомъ одну, единственную фразу: „Господа, отъ имени моего покойнаго отца благодарю васъ за вашу службу.“ Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, повернулся и вышелъ. Присутствующіе переглянулись между собой — одни въ изумленіи, другіе съ горечью, многіе — вознося внутренне молитвы къ небу о судьбахъ націи; послѣ неловкаго молчанія они наконецъ разошлись по домамъ.“¹⁾

Но такъ какъ въ концѣ концовъ нельзя было опубликовать этой короткой фразы произнесенной молодымъ царемъ, не оскандаливъ его, то на слѣдующій день въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе слѣдующаго рода:

„2-го ноября въ Аничковомъ дворцѣ Государю Императору благоугодно было обратиться къ председателю и членамъ Государственного Совѣта со слѣдующими словами:

„Волею Всевышняго тяжкое горе обрушилось на всѣхъ Насъ; безвременно скончался дорогой „Родитель Мой, Императоръ Александръ III.“

„Покойный Государь не успѣлъ передъ смертью передать Мнѣ Свою волю о выраженіи благодарности членамъ Государственного Совѣта за ихъ вѣр-

¹⁾ см. ук. лит. В. 25.

ную Ему службу. Но, зная, какъ незабвенный Мой Отецъ былъ всегда доволенъ трудами Государственнаго Совѣта, Я смѣло могу взять на Себя право благодарить васъ отъ Имени Почившаго. Да поможетъ мнѣ Богъ нести тяжесть государственнаго служенія, преждевременно на Меня возложеннаго. Надѣюсь, господа, на ваше полное содѣйствіе.“¹⁾

Казалось бы въ оцѣнкѣ этого происшествія не могло бы быть двухъ мнѣній. Самолюбивый молодой царь, несмотря на все самолюбіе, неувѣренъ въ себѣ и благодаря этому не показываетъ своего настоящего лица. „Общество“ же ухитрилось увидѣть въ поступкѣ Николая скромность, и хвалило, что онъ робѣлъ передъ „сѣдыми совѣтниками усопшаго отца“!

Вотъ какъ описываетъ всѣ эти „надежды и упованія“ историкъ-публицистъ Конни Циліакусъ:

„Многіе мелкіе факты указывали на то, что новый царь не склоненъ проявлять особенной снисходительности по отношенію къ чрезмѣрно своевольной бюрократіи. Такъ напр., въ первые дни царствованія онъ сдѣлалъ весьма строгій выговоръ петербургскому градоначальнику фонъ Валю за то, что тотъ приказалъ сорвать траурные флаги съ дома Строгановой, которые она велѣла вывѣсить, получивъ, какъ родственница императорской фамиліи, частное извѣстіе о кончинѣ царя, не дождав-

• ¹⁾ см. ук. лит. Б. 13.

шись официального уведомления. Объ этомъ было доложено императору, который, получивъ еще нѣсколько жалобъ отъ иностранныхъ газетныхъ корреспондентовъ на притѣсненія градоначальника, посадилъ его на три дня подъ арестъ. Затѣмъ Николай II тотчасъ же уничтожилъ систему охраны, которая существовала при его отцѣ и доведена была до чрезвычайной крайности. Во время бракосочетанія новаго государя всякому внимательному наблюдателю бросалось въ глаза, какъ все въ этомъ отношеніи измѣнилось. То, что Николай II придавалъ меньше значенія придворному этикету, чѣмъ его предшественники, встрѣчено было съ удовольствіемъ. Онъ далъ рескриптъ на имя московскаго генераль-губернатора вел. кн. Сергѣя Александровича и подписался: „любящій васъ племянникъ!“ Подобные факты считались многообъщающими признаками и усердно комментировались, хотя всѣ понимали, что они касались только личнаго характера царя, а не его политическихъ взглядовъ.“

„Но и по отношенію къ послѣднимъ отмѣчались тоже благопріятные признаки. Польскій епископъ Попель получилъ приказаніе принимать присягу новому царю на русскомъ языкѣ, и передалъ этотъ приказъ подчиненному ему духовенству. Многія духовныя лица, съ епископами Сандомірскимъ и Люблинскимъ во главѣ, прочитали однако, присягу въ польскомъ переводѣ, на что генераль-губерна-

торъ Гурко отвѣтилъ репрессіями, арестами и штрафами. Но одинъ изъ членовъ высшей польской аристократіи обратился къ невѣстѣ царя принцессѣ Алисѣ Гессенъ-Дармштадской съ просьбой о заступничествѣ, результатомъ чего была личная телеграмма Николая II къ Гурко, съ приказаніемъ разрѣшить полякамъ приносить присягу на ихъ родномъ языкѣ . . .“

„Но больше всего поражало его отношеніе къ Финляндіи. Финляндцы воздержались отъ принесенія присяги и поздравленій до тѣхъ поръ, пока царь, какъ вел. князь финляндскій, конституціонный монархъ страны, не обнаружилъ своего манифеста къ ней. То, что царь, не взирая на это, не отказался отъ такого манифеста — шагъ, который ему весьма совѣтовали — разсматривалось въ Россіи, какъ доказательство либеральныхъ его взглядовъ, и у всѣхъ, напряженно слѣдившихъ за ходомъ событій, надежды вспыхнули еще ярче.“

„Даже иностранная пресса, повидимому, раздѣляла эти надежды. Во всѣхъ странахъ Европы газеты говорили о предстоящихъ въ Россіи реформахъ, какъ о совершившемся фактѣ. А въ самой Россіи и въ Польшѣ газеты переполнены были хвалебными гимнами царю и его намѣреніямъ, увѣреніями въ вѣрноподданическихъ чувствахъ, изъявленіями народной любви и многими другими того же характера. Подобнымъ отношеніемъ, вѣроятно, раз-

считывали возбудить въ молодомъ монархѣ такое стремленіе къ популярности, которое побудило бы его поступать такимъ образомъ, чтобы еще болѣе насладиться ею.“¹⁾

Послѣднія слова Циліакуса объясняютъ все. Не общество вѣрило въ либерализмъ царя, а — хотѣло его самого въ немъ увѣрить! Старыя пѣсни, старыя погудки! Не могли же въ самомъ дѣлѣ серьезно усмотрѣть либерализмъ въ перечисленныхъ фактахъ. „Наказаніе“ фонъ Валя объяснялось по просту тѣмъ, что у Николая была личная неприязнь противъ него. Еще будучи наслѣдникомъ, Николай имѣлъ крупное столкновеніе съ нимъ, когда во время одного кутежа въ какомъ-то петербургскомъ ресторанѣ наткнулся на градоначальника, который требовалъ закрытія кабака въ предписанный часъ, несмотря на присутствіе въ немъ „высокаго гостя“. Къ тому кара постигла фонъ Валя не за произволъ по отношенію къ простому обывателю, а за то, что онъ осмѣлился наложить штрафъ на родственницу царя. Такого же рода мотивы чисто личного или семейнаго характера руководили царемъ, когда онъ нарушилъ этикетъ по отношенію къ Сергѣю Александровичу. Лишь воспоминанія о веселомъ образѣ жизни, вести который научилъ его дядюшка, побудили его на официальномъ рескриптѣ подписаться „любящимъ племянникомъ“.

¹⁾ см. ук. лит. А. 18.

Никакого либерализма нельзя также усмотрѣть въ поведеніи царя по отношенію къ Польшѣ и Финляндіи. Просто царь рѣшилъ направить первые удары въ другую сторону: — противъ либеральствующихъ земцевъ, а Польшу и Финляндію пока оставить въ покоѣ. Къ тому нужно же было щегольнуть передъ Западной Европой своимъ либерализмомъ. Но то что онъ былъ вполне солидаренъ съ мѣропріятіями Гурко, которыя онъ нашелъ нужнымъ до поры до времени отмѣнить, показываетъ тотъ фактъ, что недолго спустя Гурко получилъ лично отъ царя крупную награду.

Ярко и выпукло высказался Николаевскій „либерализмъ“ лишь нѣсколько недѣль спустя: 17-го января 1895 г.

Тогда встрѣтились лицомъ къ лицу, либеральное общество въ страстномъ любовномъ призывѣ раскрывавшее свои объятія, и молодой царь, съ презрѣніемъ и негодованіемъ оттолкнувшій непрощенную любовь. И отвергнутой красавицѣ пришлось охлаждать свой любовный пылъ въ мѣстахъ „не столь отдаленныхъ“, хотя „сѣверныхъ и прохладныхъ“, удивляясь какъ это она не поняла Николая и сочла его бурбонскій окрикъ за нѣжный лепетъ скромнаго влюбленнаго.

Но объ этомъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Семейная сценка.

„17-го января представители дворянствъ, земствъ и городовъ собрались въ Николаевской залѣ. Привѣтствовавъ собравшихся и выйдя на середину залы Его Императорское Величество произнесъ слѣдующія слова :

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ со-
„словій, съѣхавшихся для заявленія вѣрно-
„подданническихъ чувствъ, искони присущихъ
„каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что
„въ послѣднее время слышались въ нѣ-
„которыхъ земскихъ собраніяхъ голоса
„людей, увлекавшихся безсмыслен-
„ными мечтаніями объ участіи предста-
„вителей земства въ дѣлахъ внутренняго
„управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я,
„посвящая всѣ свои силы благу народному,
„буду охранять начало самодержавія такъ
„же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его
„Мой незабвенный, покойный Родитель.“

Такъ описывается въ Правительственномъ Вѣстникѣ историческая сцена 17-го января 1895 г.¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. В. 13.

Но на сухомъ казенномъ языкѣ этого изложенія теряется весь драматизмъ этой сцены, остается непонятнымъ ея глубокий смыслъ, остаются неясными причины, почему лишь эта сцена вырвала либераловъ изъ прекраснодушнаго оптимизма, разорвала иллюзіи политическаго медоваго мѣсяца, показавъ во всей ея непривлекательности голую, истинную личность молодого царя.

Да, онъ нравственно оголился въ эту минуту. Физиологическая ненависть ко всему прогрессивному, болѣзненное самолюбіе, паническій ужасъ передъ возможностью, что у него отнять хотя крупицу власти, — все это ярко, болѣзненно ярко сказалось въ эту минуту.

Но предоставимъ слово лучше всего одному изъ участниковъ этой сцены, одному изъ земцевъ-делегатовъ, который описываетъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этой сцены. Вотъ, что онъ пишетъ:

„Передъ своею рѣчью царь выступилъ шага три впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ невѣрной ноты, подымался все выше и кончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но хотя бы простаго достоинства. Это были полуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя

голову, кидается напроломъ во исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это былъ манекенъ царя, автоматъ, загниотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатлѣніе было болѣзненно и сильно именно жалкой истеричностью и автоматизмомъ. Въ серединѣ рѣчи послышался рѣзкій звукъ: одинъ изъ предводителей, стоявшихъ передъ царемъ съ хлѣбомъ-солью, повидимому человѣкъ нервный (единственный допущенный представитель тверского земства, Уткинъ), уронилъ съ подноса солянку. Воронцовъ-Дашковъ кинулся подымать ее. Рассказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: „Qu'est ce qu'il leur explique?“ (Что онъ имъ объясняетъ?) — „Il leur explique“ — отвѣчала спрошенная — „qu'ils sont des imbéciles“. („Онъ объясняетъ имъ, что они идиоты.“)¹⁾

Приводя это описаніе старика-земца, мы все же должны указать на одну неточность, кроющуюся въ немъ. Делегатъ-земецъ называетъ эту царскую рѣчь, „исполненіемъ чужого и чуждаго ему предписанія“. Это не вѣрно. Вся предыдущая жизнь Николая (вспомните инцидентъ на „Памяти Азова“¹⁾) указываютъ ясно на то, что царь самъ былъ въ достаточной мѣрѣ власто-

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

любивъ, чтобы и безъ всякихъ „науськиваній“ кого-бы то ни было, „охранять начало самодержавія твердо и неуклонно.“

Но что заставило Николая лишній разъ подчеркнуть это именно 17-го января? Что побудило его именно въ тотъ день къ этимъ „жалкимъ истерическимъ выкрикиваніямъ“?

Въ отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ объясненіе тому сильному впечатлѣнію, которое произвела рѣчь Николая на земцевъ съѣхавшихся въ Петербургъ, чтобы поздравить его съ восшествіемъ на престолъ. Никакихъ попытокъ къ ограниченію самодержавія не дѣлалось; даже никакихъ пожеланій въ этомъ направленіи произнесено не было. Въ адресахъ, льстивыхъ и подобоострастныхъ выражалась лишь надежда, что земствамъ дадутъ право, „выражать свои мнѣнія“, да и то лишь „по вопросамъ ихъ касающимся“. О томъ, чтобы кого-нибудь обязывали „считаться“ съ этими мнѣніями и помину не было. Вотъ примѣръ адресъ тверского земства, наиболѣе „рѣзкій“ и „революціонный“ по тону и содержанію, который вызвалъ особенно рѣзкое негодованіе царя.

„Мы питаемъ надежду,“ писали тверичи — и это самое „страшное“ мѣсто адреса — „что съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной. Мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при не-

уклонномъ исполненіи закона какъ со стороны народа, такъ и представителей власти, ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣримъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учреждений будутъ неизменно охраняемы. Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учреждений выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся (sic!), дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ начертаній Вашего Императорскаго Величества.“¹⁾

Этотъ адресъ Николай отказался принять, а на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала высочайшая резолюція:

„Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія.“²⁾

Гласный Родичевъ, внесшій проектъ этого

¹⁾ см. ук. лит. А. 11.

²⁾ см. ук. лит. А. 12.

адреса и закончившій его словами: „Господа, въ настоящую минуту наши надежды, наша вѣра въ будущее, наши стремленія всѣ обращены къ Николаю II... Николаю II наше ура!“ — былъ устраниенъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ участія въ депутаціи и лишенъ права впредь участвовать въ выборахъ и общественныхъ собраніяхъ.

Такъ разсѣялись иллюзіи либераловъ. Такъ выяснился для всѣхъ, кто не затыкалъ ушей и не закрывалъ сознательно глазъ, курсъ политики намѣчаемой царемъ. Тѣ, для которыхъ по непонятнымъ причинамъ не были достаточно ясны слова его первой рѣчи, „о свѣтломъ и лучезарномъ пути“ Александра III, должны были прозрѣть, когда услышали, что „безсмысленными мечтаніями“ называется надежда, что „голосъ нужды народной достигнетъ престола“, что „права (дарованныя самимъ же самодержавіемъ!) отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ будутъ неизблемо охраняемы“. Ссылка и лишеніе правъ Родичева, провозгласившаго „ура Николаю“, ясно показало, что Николай не только намѣтилъ „курсъ“, но и желалъ объявить его во всеуслышаніе. Правда либералы и тутъ отъ упованій лишь перешли къ „увѣщаніямъ“, издавъ нелегально „открытое письмо“ къ царю. Но Николай II въ данномъ случаѣ оказался болѣе реальнымъ и трезвымъ политикомъ чѣмъ либералы: онъ отъ „словъ“ перешелъ

къ „дѣлу“ и всѣ его шаги въ этомъ направленіи, всѣ его дѣйствія въ первыя годы правленія до того цѣлесообразны, стройны, логичны, послѣдовательны, что приходится прямо удивляться тѣмъ лицамъ, которые и дальше продолжали уповать на то, что „онъ одумается“.

Закончимъ же этотъ очеркъ пѣсенкой весьма распространенной въ 1895 г. и довольно остроумно и удачно отмѣтившей смыслъ и значеніе исторической сцены 17-го января.

Вотъ эта пѣсня:

Принахмуришь очи строгія —
Чтобы въ корнѣ зло пресѣчь —
Коноводамъ демагогіи
Царь сказалъ такую рѣчь:
„За благія пожеланія
„Вась я всѣхъ благодарю;
„Но бессмысленны мечтанія
„Власть урѣзать мнѣ, царю.
„Ахъ, калики переходкіе!
„Либералы! дикари!
„Провинціалы толстокожіе!!
„Савколоты изъ Твери!!!
„Или вы воображаете
„Въ самомъ дѣлѣ (какъ умно!)
„Что собою представляете
„Вы парламента зерно?
„Далеко верну до колоса,
„Не пришла еще пора:
„Дамъ пока Вамъ право голоса
„Лишь для возгласовъ: ура!⁽¹⁾“

¹⁾ см. ук. лит. А. 15.

Первые ягодки.

Послѣ яркихъ цвѣточковъ Николаевского краснорѣчія вскорѣ появились и первыя ягодки его реакціонной политики.

Николай какъ будто рѣшилъ сразу открыть глаза всѣмъ классамъ населенія, сразу показать, что онъ хочетъ, и чего „не допуститъ“.

78 петербургскихъ литераторовъ самыхъ различныхъ направленій попробовали черезъ комиссію прошеній „высказать“ царю свои болѣе чѣмъ скромныя желанія. „Благоволите, Государь, принять литературу подъ сѣнь закона!“ вотъ что просили литераторы. Не льготъ, не поощренія, а лишь „чтобы литература не стояла внѣ правосудія“, чтобы кары постигающія ее назначались не въ административномъ порядкѣ, а судомъ, по закону.¹⁾

Наивные! Не вѣдали они, что и безъ цензуры, при наличности самодержавнаго произвола, можно придушить литературу, даже при соблюденіи комедіи суда. Ибо при самодержавіи — настоящаго суда нѣтъ и быть не можетъ. Царскіе слуги

¹⁾ см. ук. лит. А. 19.

„творящіе судъ“, лишь слѣпые исполнители, разыгрывающіе жалкую комедію.

Но для литературы даже эта комедія „формальности“ показалась Николаю лишней. Онъ не счелъ нужнымъ лицемѣрить. Одному изъ 78-ми литераторовъ, подписавшихъ петицію, академику Бильбасову, черезъ околоточнаго надзирателя былъ доставленъ Высочайшій отвѣтъ: „оставить безъ всякаго послѣдствія“. И рѣзкій тонъ резолюціи, и способъ ея доставленія, все это ясно подчеркивало желаніе Николая въ корнѣ пресѣчь всякія „безсмысленныя мечтанія“.¹⁾

И желаніе именно Николая — а не кого-либо другого. Противъ обыкновенія онъ принялъ петицію, прочелъ ее и собственноручно начерталъ свою резолюцію.

Для подтвержденія своего взгляда онъ черезъ правительственные органы сразу началъ осыпать всевозможными карами печать. Въ первый же годъ новаго царствованія было закрыто 6 органовъ и отказано въ разрѣшеніи 86 изданіямъ. Въ списокъ запретныхъ сочиненій было включено не менѣе 250 книгъ, до тѣхъ поръ свободно продававшихся и обращававшихся въ Россіи, — между ними много произведеній Толстого, рассказовъ Короленко, сочиненій Спенсера и т. д. Вслѣдъ

¹⁾ см. ук. лит. А. 12.

затѣмъ были окончательно запрещены 72 сочиненія на малороссійскомъ языкѣ, исключительно поэтическія и беллетристическія.¹⁾

Эти безчисленныя кары обрушились на печать всего за одинъ годъ. Воистину царь рѣшилъ „оставить безъ послѣдствій“ просьбу „поставить литературу подъ сѣнь закона“.

* * *

Николай успѣшилъ ознакомить съ своей „программой“ не только „общество“, въ лицѣ земцевъ и литераторовъ. Вѣдь и среди „народа“ могли находиться „безсмысленные мечтатели“, и нужно было въ корнѣ пресѣчь ихъ „увлеченія“.

Въ Ярославлѣ въ мартѣ 1895 г. происходила забастовка заводскихъ рабочихъ. Чтобы разогнать рабочихъ собравшихся на улицѣ призывается войско. Невооруженная толпа рабочихъ бросается въ бѣгство. Но солдаты даютъ по приказу офицеровъ залпъ по толпѣ уже обратившейся въ бѣгство. Въ результатъ — 13 убитыхъ наповадь и громадное число тяжело раненыхъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными съ тыла.

Никакого суда и слѣдствія надъ виновниками этой бойни не назначается. Наоборотъ. Царь

¹⁾ см. ук. лѣт. А. 18.

собственноручно надписываетъ на докладѣ: „весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ беспорядковъ“. А командующій войсками округа, Костанда, сообщая о „милостивыхъ“ словахъ царя, передаетъ „царское спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ“ и офицерамъ — „искреннюю благодарность за умѣлое и своевременное употребленіе оружія“...¹⁾

Но самые „опасные“ мечтатели находились повидимому среди крестьянъ.

Задыхаясь въ голодѣ и нищетѣ, безправіи и темнотѣ, избиваемые по закону и безъ закона, жертвы всякаго помѣщика, кулака, урядника, земскаго, унижаемые безъ конца, они всетаки еще не потеряли человѣческаго достоинства, не „примирились“ съ своей горькой участью, а надѣялись и уповали. Имъ казалось, что батюшка-царь не знаетъ истины, что „господа“ ее скрываютъ отъ него. Если царь „узнаетъ“, онъ не можетъ не дать имъ земли, онъ не можетъ не сократить „начальство“.

Эти упованія показались Николаю еще болѣе опасными, чѣмъ пожеланія земцевъ. Тѣ говорили платонически о томъ, „чтобы гласъ нужды народной достигъ царя“; эти весьма реально и недвусмысленно хотѣли „земли и воли“.

¹⁾ см. ук. лит. А. 12, А. 16, Б. 15.

А что станетъ тогда съ царемъ, самымъ крупнымъ помѣщикомъ? Вѣдь и у него придется отобрать, хотя бы лишь часть земли. А если урѣзывать „права“ начальства, то какъ же выколачивать непосильныя подати? Какъ добывать 100 милліоновъ для коронаціонныхъ торжествъ и милліарды на содержаніе „молодцовъ-фанагорійцевъ“ и прочихъ устоевъ самодержавія?

И увидѣвъ эти грозные вопросы, Николай рѣшилъ сразу же „осадить“ крестьянъ, заставить ихъ во чтобы то ни стало примириться съ своей судьбой.

Во первыхъ, для этого требовалось понизить умственный уровень народа. Поэтому въ 1895 году предпринимается систематическій походъ противъ Комитета грамотности, результатомъ котораго является полное прекращеніе его просвѣтительной дѣятельности.

Но и нравственное самосознаніе опасно для правительства. Чувство собственнаго достоинства можетъ толкать народъ на неудовольство. И это чувство нужно пресѣчь и придавить въ корнѣ. Въ началѣ 1895 г. любимецъ Николая, московскій губернаторъ Булыгинъ, дѣлаетъ строжайшій выговоръ земскимъ начальникамъ своей губерніи, за то, что они „иногда допускаютъ въ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія и вообще съ сельскимъ населеніемъ р у к о п о ж а т і е

при привѣтствіи, разговоръ сидя и прочія отличительныя вышности обращенія равнаго съ равнымъ“, и грозитъ увольненіемъ, если кто-нибудь изъ его подчиненныхъ станетъ продолжать эти „фамиллярности“.¹⁾

Но царь и здѣсь не прячется за спину своихъ ставленниковъ. Съ собственной рѣчью выступаетъ онъ передъ крестьянствомъ въ дни Коронаціи въ Москвѣ. Волостнымъ старшинамъ собравшимся во дворъ Петровскаго дворца онъ заявляетъ,

„чтобы они помнили слова сказанныя „Александромъ III на томъ же мѣстѣ волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи его „на царство.“

„Между вами (т. е. старшинами) есть „многіе, слышавшіе ихъ сами. Я (т. е. Николай) хочу, чтобы эти слова служили „Вамъ твердымъ руководствомъ.“²⁾

Какія же слова Александра III имѣлъ ввиду его сынъ? Что онъ хотѣлъ сказать крестьянамъ?

Слова, на которыя ссылался молодой царь гласятъ:

„Слѣдуйте совѣтамъ и руководству „вашихъ предводителей дворянства, и „не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли,

¹⁾ см. ук. лит. А. 16.

²⁾ см. ук. лит. В. 13.

„даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному.

„Эти слухи распускаются нашими вра-
„гами...“¹⁾

Крестьянамъ — ни земли, ни воли. Рабочимъ — свинцовыя пули молодцовъ-фанагорійцевъ. Литераторамъ и просвѣтителямъ — тюрьма и штрафы. Грозный окрикъ и ссылка — мечтателямъ-земцамъ.

Но на кого-же хотѣлъ опираться въ своей борьбѣ Николай II? Съ чьей помощью надѣялся онъ побѣдить весь народъ? Вѣдь видѣлъ же онъ всеобщее пробужденіе (иначе были бы лишними всѣ его грозныя мѣры!), вѣдь понималъ же онъ, что предстоитъ ему борьба!

На чью помощь рассчитывалъ Николай, показывая его рѣчь, произнесенная лишь нѣсколько минутъ спустя послѣ приѣма волостныхъ старшинъ 18-го мая 1896 г.

Обратившись къ представителямъ дворянства онъ между прочимъ сказалъ:

„Благодарю васъ сердечно за ваши
„чувства и за вашу вѣрную службу.
„Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство
„всегда будетъ, какъ оно и было опо-
„рою престола....“

Но зная, что дворянство не безкорыстно является этой „опорою“, царь счелъ всетаки нужнымъ обѣщать кое-какія „награды“.

¹⁾ см. вк. лит. Б. 13.

„Мнѣ извѣстно трудное время (?) пере-
„живаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте
„спокойны, Я не забуду его нужду, въ
„моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего до-
„рогого отечества. Душевно благодарю васъ
„за ваше теплое участіе въ нашихъ торже-
„ствахъ.“¹⁾

„Я не забуду вашу нужду“, говоритъ Николай II дворянамъ. Но при этомъ онъ имѣетъ ввиду не широкія культурныя нужды и запросы, которые дворянство имѣетъ наравнѣ съ другими сословіями россійскаго государства: дворяне-земцы попадаютъ въ опалу, дворяне-литераторы, подписавшіе вмѣстѣ съ другими писателями петицію, оставляются безъ вниманія; дворянинъ князь Вяземскій протестующій противъ избіенія студентовъ на Казанской площади — получаетъ высочайшій выговоръ.

Нужды лишь тѣхъ дворянъ не забываются, интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами народа. Лишь тѣ дворяне признаются „опорами престола“, которые отстаиваютъ узкосословные интересы.

Имъ царь обѣщаетъ въ своей рѣчи всякія льготы. Ими онъ пополняетъ кадры бюрократіи, имъ онъ какъ чиновникамъ отдаетъ 13 % всего государственнаго бюджета.²⁾ Имъ онъ обѣщаетъ, не-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 13.

²⁾ см. ук. лит. А. 18.

прикосновенность ихъ землевладѣнія, хотя бы это покупалось цѣною вымиранія и обнищанія многомилліоннаго крестьянства.

Имъ наконецъ онъ въ коронаціонномъ манифестѣ оказалъ всякія льготы и милости. Въ то время какъ рѣчью отъ 18-го мая укрѣплялась власть дворянъ-помѣщиковъ надъ крестьянами и давалась возможность дальнѣйшей эксплуатаціи, дворянамъ-чиновникамъ прощались всѣ нарушенія закона. Ибо единственными счастливыми получившими амнистію, при изданіи коронаціоннаго манифеста, оказались — чиновники, находившіеся подъ судомъ за злоупотребленіе властью!¹⁾

Всѣ они освобождались отъ непріятныхъ послѣдствій своихъ преступленій, а тѣ, которые изъ-за нихъ пострадали, должны были утѣшиться и нести свои потери, какъ могли.

¹⁾ см. ук. лит. А. 18.

При звукахъ

чарующихъ

вальса

Гремитъ балльный оркестръ. Въ вихрѣ вальса кружатся упоенныя танцами пары. Мелькаютъ шитые золотомъ мундиры дипломатовъ, придворныхъ, военныхъ, блестятъ драгоценные камни на грудяхъ пышныхъ женщинъ, оголенныхъ по придворному этикету.

Вина льются рѣкой. Залъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. Блескъ, роскошь.

Въ зеленомъ преображенскомъ мундирѣ, Анненскую ленту черезъ плечо, среди пиршества и веселья, сидитъ — Николай.

Вспоминаетъ ли онъ о томъ, что произошло въ то же утро?

Вспоминаетъ ли онъ о томъ, какъ приглашенныхъ имъ же гостей, выносили въ то же утро раздавленными, окровавленными, безформенными трупами, сотнями, тысячами, десятками тысячъ?

Вспоминаетъ ли онъ все это?

Врядъ-ли. Иначе какъ могъ бы онъ въ этотъ день народнаго горя, когда по винѣ чиновниковъ-бюрократовъ на Ходынскомъ полѣ легло 10 000 людей, въ этотъ же самый день отправиться на балъ къ французскому посланнику!

Но и Николаю и имъ всѣмъ — это ни по чемъ!

Они пьютъ, веселятся, танцуютъ. Да, правъ Николай: бессмысленны мечтанія, что голосъ нужды или горя народнаго достигнетъ царскаго трона.

Уже сами по себѣ коронаціонныя торжества въ маѣ 1896 г. являлись чудовищнымъ цинизмомъ.

Во многихъ деревняхъ крестьяне пухли отъ голода, въ Подольской, Волынской и Киевской губерніяхъ еще не исчезли послѣдствія свирѣцествовавшей въ предыдущемъ году холеры, а въ это время царь предпринимаетъ важное государственное (?) дѣло: онъ рѣшаетъ торжественно возложить на себя корону, для этого приглашаетъ со всѣхъ концовъ свѣта королей, принцевъ и т. д., а у голодающаго и больного холерой народа отбираетъ — 100 милліоновъ!¹⁾

100 милліоновъ — т. е. втрое больше того, что правительство тратитъ за цѣлый годъ на народное образованіе!

Вотъ что пишетъ по поводу этихъ торжествъ бывший въ то время въ Москвѣ извѣстный американскій писатель, нынѣ умершій, Роб. Ингерсолъ. Слова его стоитъ привести:

„Читая описанія царской коронаціи, процессій, празднествъ, парадовъ, варварской роскоши, волотыхъ тканей и сверкающихъ драгоценныхъ камней,

¹⁾ см. ук. лит. А. 16.

я не могъ не думать о бѣдныхъ мужикахъ, о выбивающихся изъ силъ полугодныхъ милліонахъ, о темныхъ, невѣжественныхъ массахъ, принадлежащихъ царю тѣломъ и душой.“

„Я думалъ о спинахъ истерзанныхъ кнутомъ, о тысячахъ заключенныхъ, томящихся по тюрьмамъ, за то, что осмѣлились лепетать о свободѣ, о толпахъ людей, которыхъ подобно скоту, гонять по ужаснымъ дорогамъ, ведущимъ въ сибирскій адъ.“

„Московскія пушки грохотали не достаточно громко: ни звонъ колоколовъ, ни трубные звуки не могли заглушить стоновъ заключенныхъ ...“¹⁾

Р. Ингерсоль писалъ это однако до ходынской катастрофы.¹ Что долженъ былъ онъ сказать, когда эти празднества продолжались и послѣ Ходынской гекатомбы?

Опишемъ же впечатлѣніе этихъ ужасовъ, такъ же со словъ очевидца этихъ событій.

Вотъ что онъ говоритъ:

„Пируетъ русскій царь, пируетъ, окруженный всѣми отживающими силами стараго міра, доморощенными холопами въ ризахъ и мундирахъ, чужестранными послами, представителями буржуазіи и милитаризма. Всюду блескъ, роскошь, азіатское великолѣніе и внѣшній европейскій лоскъ. Приглашенъ участвовать въ этомъ династическомъ ве-

¹⁾ см. ук. лит. А. 18.

сельи и онъ, темный, изголодавшійся изстрадавшійся народъ: для него царскіе слуги припасли дешевыхъ пряниковъ и орѣховъ, кумачныхъ платковъ и оловянныхъ кружекъ съ двуглавымъ орломъ. И народъ тронулся, какъ трогается всякая стихійная сила... Но тутъ оказалось, что никому и въ голову не пришло заровнять ямы и овраги, закрыть, какъ слѣдуетъ, колодцы въ полѣ; за то деревянные проходы на дорогѣ къ баракамъ съ лакомствами были придуманы словно для настоящей охоты на народъ, въ видѣ суживающихся воронокъ, или, какъ народъ назвалъ ихъ послѣ, „западень“. А тутъ еще, говорятъ, власти нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что задача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ . . . Цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ бараковъ, и эти живыя волны чувствующихъ, страдающихъ существъ перекатывались, раздавливая тѣхъ, кто нечаянно попалъ въ яму, кто ослабѣлъ, изнемогъ и падалъ. Трупы, словно остатки отъ кораблекрушенія, взмывались то тамъ, то здѣсь на поверхности этого моря искаженныхъ лицъ, безсильно всплескивающихъ рукъ, сжатыхъ кулаковъ, среди стона, проклятій и криковъ умирающихъ. Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности

освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю А наверху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный виміамъ молоху самодержавія¹⁾

.....
.....
.....
.....
.....

И лишь 12 часовъ спустя весь дворъ и Николай II — пировали у французскаго посла!

.....
.....
.....
.....
.....

То что радовались и пировали чиновники-бюрократы понятно! Вѣдь они со словъ очевидца, „нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что раздача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ ...“

Ихъ планъ прекрасно былъ выполненъ. Десятки тысячъ рублей нажили они на „угощеніи“, —

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

а что при этомъ погибло 10 000 человѣкъ — имъ какое до этого дѣло!

Не даромъ очевидцы передаютъ такія сцены:

„Начальство торопится убирать трупы; убитыхъ и раненыхъ сваливаютъ на однѣ и тѣ же телѣги. Одинъ военный врачъ хочетъ сдѣлать перевязки и оказать помощь нѣкоторымъ раненымъ.

— Ваше высокопревосходительство! — обращается онъ къ стоящему тутъ же военному министру — распорядитесь выдѣлить раненыхъ: ихъ можно еще спасти.

— Не ваше это дѣло — заоралъ министр — я вамъ дѣлаю выговоръ; спокойствіе Его Величества важнѣе вашихъ раненыхъ.“¹⁾

Но можетъ быть это клевета на Николая II?

Можетъ быть онъ не зналъ о словахъ военнаго министра?

Можетъ быть онъ самъ былъ убитъ горемъ?

Вѣдь вышелъ же указъ, что каждой семьѣ убитыхъ дано будетъ изъ государственныхъ средствъ по 1000 р., каждый изъ раненыхъ, находившійся въ московскихъ больницахъ, получить воистину проклятую коронаціонную кружку отъ царя и бутылку вина отъ его матери.

Но, увы, этотъ указъ вышелъ лишь для успокоенія общественнаго мнѣнія западной Европы! Признаковъ искренняго горя въ немъ было мало!

¹⁾ см. ук. лит. А. 16.

Эти тысячи рублей, вѣдь выплачивались не изъ царскаго кармана, а изъ — государственныхъ доходовъ.

Т. е. иными словами, сначала пригласили народъ на торжества, затѣмъ вмѣсто угощенія перебили, искалѣчили, лишили жизни и — этотъ самый народъ заставили расплачиваться за это кровавое угощеніе.

Что же касается раздачи по бутылкѣ вина на больного, то тутъ со словъ очевидца оказалось слѣдующее. „Укралъ ли кто или сбился со счету, а можетъ быть и нарочно обсчиталъ — но только число присланныхъ бутылокъ было ниже числа лежавшихъ въ больницѣ пострадавшихъ.“¹⁾

Вотъ какъ выразилъ Николай свое горе!

И нужно ему отдать справедливость — царь опять поступилъ весьма хитро и обдуманно: онъ убилъ двухъ зайцевъ сразу.

Съ одной стороны заграничныя газеты восторгались великодушіемъ царя, его добрымъ сердцемъ; — а съ другой стороны дѣйствія царя, лишили возможности потерпѣвшихъ подать гражданскій искъ на виновниковъ несчастія, чтобы они возмѣстили имъ убытки.

Объ уголовной отвѣтственности виновниковъ и говорить нечего.

¹⁾ см. ук. лп. А. 20.

Наоборотъ. Главный виновникъ, вел. кн. Сергѣй Александровичъ, губернаторъ Московскій, въ карманахъ котораго очутился „выигрышъ“ отъ „Ходынской аферы“, былъ назначенъ приказомъ отъ 26-го мая Командующимъ войсками Московскаго военнаго округа.¹⁾

Не даромъ прошли кутежи молодого Николая. Онъ вспомнилъ своего „ментора кутежей“ и мало смущаясь тѣмъ, что его руки забрызганы кровью, осыпалъ его царскими милостями.

И какъ же иначе? Вѣдь у него царь научился „веселиться по царски“.

И теперь онъ продолжалъ веселиться.

Въ то же утро, когда уносятся въ могилы тысячи труповъ крестьянъ и рабочихъ, царь заявляетъ (см. рѣчь 18-го мая) представителямъ крестьянъ же, чтобы они бросили надежду выйти изъ положенія вѣчной нищеты.

И въ то же утро когда великіе князья и чиновники-дворяне, чтобы набить карманъ, убиваютъ на Ходынкѣ десятки тысячъ людей, царь заявляетъ, что дворяне-бюрократы твердѣйшая опора царскаго престола.

А вечеромъ онъ при „звукахъ чарующихъ вальса“ на французскомъ балу.

Но ужасъ и боязнь идутъ по пятамъ. А что если народъ отомститъ?

¹⁾ см. ук. лит. А. 20.

И вдругъ всё войска стягиваются къ Кремлю.

Тутъ онъ опять спокоенъ. Кругомъ штыки — пиръ продолжается.

И лишь три дня спустя, 21-го мая, еще не успѣла высохнуть кровь на Ходынскомъ полѣ, какъ окруженный войсками въ Ходынскомъ лагерѣ Николай подымаетъ чарку вина и пьетъ за здоровье войскъ его охраняющихъ.¹⁾

А затѣмъ идутъ другія празднества.

Другіе тосты, другія рѣчи.

Но суть все же одна.

Царь пируетъ.

Снова горятъ огни, снова разносятся тонкія блюда, снова льется рѣкою вино, и снова вальса чарующіе звуки.

.
.
.

Но вдругъ раздается рѣзкій диссонансъ. Среди пиршествъ и веселья раздался голосъ, заставившій царя, несмотря на его нежеланіе, вспомнить о томъ, что вся его роскошь, блескъ его пировъ — могутъ быть въ одну минуту снесены лавою народнаго негодованія.

10 дней послѣ „Ходынки“ раздался полный силы и отваги голосъ протеста.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 13.

То были петербургскіе рабочіе, поднявшіеся на защиту своихъ правъ, на борьбу за человѣческое существованіе. Всѣ прядильныя и ткацкія фабрики и нѣкоторые заводы Петербурга стали съ 29-го мая: 35 000 рабочихъ бросили работу недовольные тѣмъ, что ихъ заставили не работать 3 дня коронаціи и хозяева не хотятъ имъ платить за эти дни. Тутъ же они потребовали: сократить рабочій день до $10\frac{1}{2}$ часовъ, повысить заработную плату и улучшить обращеніе съ рабочими.¹⁾

Перый разъ передъ Николаемъ раздался голосъ протеста!

Земцы и литераторы выражали пожеланія, крестьяне — упованія. Достаточно было грознаго окрика, и создавалась иллюзія, что все остается по старому.

Но рабочіе — требовали!

Тутъ окрикъ не помогъ бы. Тутъ приходилось, или — уступить, или — бороться.

И эта дилемма вставшая впервые передъ Николаемъ 29-го мая 1896 г. не переставала его тревожить въ теченіе всего его царствованія.

Какъ онъ пытался, выйти изъ нея, покажутъ слѣдующіе очерки.

¹⁾ см. ук. лит. А. 16.

„Государь

ХОЧЕТЪ ЗНАТЬ

ВСЮ ПРАВДУ.“

„Государь хочетъ знать всю правду ... Какъ назначенный Высочайшей волей предсѣдатель совѣщанія, я ручаюсь, что никто ни за какое ... заявленіе, какъ бы оно ни было рѣзко по существу, не понесетъ никакой отвѣтственности.“

Такъ заявилъ передъ началомъ совѣщанія о нуждахъ сельско — хозяйственной промышленности отъ имени царя Сергѣй Юльевичъ Витте.¹⁾ А недолго спустя, когда въ скромномъ и урѣзанномъ видѣ эта „правда“ высказывалась въ комитетахъ, то посыпались административныя воздѣйствія и „Высочайшіе“ выговоры. Суджанскій предводитель дворянства Евреиновъ и князь Долгоруковъ получили „Высочайшій“ выговоръ съ предупрежденіемъ, что ихъ устранять отъ должности въ случаѣ повторенія. Орловскому земству и другимъ заявляется, что „Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись“. За другими уѣздными комитетами, гдѣ были высказаны болѣе или менѣе откровенныя сужденія, начальникамъ губерній предписано имѣть строжайшій надзоръ.²⁾

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

²⁾ Ibidem.

Мы считали не лишнимъ напомнить этотъ эпизодъ. Безчисленны легенды о „средостѣннѣ“ между царемъ и народомъ. Передъ тѣмъ, какъ дать оцѣнку дѣятельности Николая II нужно убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли Николай не знаетъ, что творится въ его странѣ. Мы указывали, что всѣ мѣропріятія царя за первый годъ его царствованія были удивительно выдержаны и послѣдовательны. Передъ тѣмъ, какъ доказать то же самое обо всемъ послѣдующемъ царствованіи Николая II, мы хотѣли бы разсѣять эту мифическую легенду о „средостѣннѣ“ и показать, что царь „зналъ правду“, зналъ, поскольکو хотѣлъ. Не при помощи Филиповъ, Клоповыхъ и Мещерскихъ, о которыхъ рѣчь впереди. Ихъ онъ приглашалъ для развлечения. Бесѣды съ ними, выходцами чужихъ ему міровъ, удовлетворяли лишь извѣстной потребности въ эксцентричномъ, лишь причудамъ и прихотямъ. Совѣтниковъ онъ избиралъ изъ людей болѣе серьезныхъ. Среди окружающихъ его было много такихъ, которые могли бы разсказать кое что о томъ, что творится за стѣнами дворца. Но такихъ онъ не хотѣлъ слушать. Напрасно Вяземскій, членъ Государственнаго Совѣта, разсказываетъ царю о бойнѣ, устроенной Клейгельсомъ на Казанской площади. Онъ назначаетъ Клейгельса генераль-адъютантомъ и, когда министры ему объясняютъ, что это вызоветъ всеобщее негодованіе, онъ отвѣчаетъ: „Мнѣ совершен-

но все равно, кто что говоритъ; я знаю, что дѣлаю.“ Нѣсколько дней спустя Клейгельсъ вызываетъ всѣхъ чиновъ петербургской полиціи и заявляетъ имъ: „я счастливъ передать Вамъ, что Государь Императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ, начиная съ весны нынѣшняго года.“¹⁾ Князь Волконскій рассказываетъ царю объ ужасахъ, творимыхъ въ „Крестахъ“ — и не находитъ ни малѣйшаго интереса и сочувствія въ царѣ.²⁾ Князь Львовъ въ личной аудіенціи указываетъ на беззаконія, совершенныя министромъ фонъ-Плеве, своимъ рассказомъ не достигаетъ никакихъ результатовъ. Ибо царь уже раньше все зналъ и одобрялъ.³⁾

Сколько депутацій принялъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ Николай. Земцы, крестьяне, рабочіе, чиновники военные и статскіе, художники и литераторы — всѣ перебивали на аудіенціяхъ у царя. И если бы царь хотѣлъ, онъ могъ бы узнать отъ нихъ ту правду, которой онъ якобы такъ жаждалъ.

„Государь хочетъ знать всю правду.“ — Правильному пониманію этихъ словъ способствовалъ князь Мещерскій. Преданный приверженецъ царя, столпъ російской реакціи, но *enfant terrible* благо-

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

²⁾ см. ук. лит. В. 12.

³⁾ *Ibidem*.

даря старческой болтливости, онъ раскрылъ въ своей газетѣ тайну полишинеля. По его словамъ совѣщанія 1903 года вполне оправдали ту цѣль, съ какой они были предприняты: всѣ откровенно высказались и, благодаря этому, удалось установить степень благонамѣренности каждаго изъ земскихъ дѣятелей.¹⁾

Ибо не нужды сельско-хозяйственной промышленности, не нужды вообще какой-нибудь отрасли государственнаго хозяйства интересуютъ монарха. Лишь „благонадежность“ или „неблагонадежность“ его подданныхъ, лишь размѣры „смуты“ и мѣры борьбы съ нею интересуютъ царя. Интересныя разоблаченія по этому поводу сдѣлалъ В. Л. Бурцевъ. Въ его руки попалъ экземпляръ „Царскаго Листка“, единственной газеты, которую регулярно читаетъ Николай II и изъ которой онъ черпаетъ свои свѣдѣнія о россійскихъ событіяхъ. „Газета“ эта носитъ заглавіе „Свода заслуживающихъ вниманія свѣдѣній, полученныхъ Департаментомъ Полиціи“. Листокъ не печатается, а издается рукописно. Его составители и редактора — члены комитета иностранной цензуры, работающіе по указаніямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ годъ выходитъ 10—15 тетрадей, — каждый томъ заключаетъ 500—600 стр. На каждой тетради имѣются: 1) по-

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

мѣтки Николая II, 2) справки о томъ, когда и гдѣ журналъ рассмотрѣнъ царемъ, 3) замѣтки ген.-адъютанта Гессе, самаго близкаго къ царю человека, всегда внимательно читавшаго эти доклады Деп. Полиціи, какъ это можно видѣть по его помѣткамъ на поляхъ.“

„На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, борьба съ революціей. Царя очень занимаетъ, что дѣлаютъ эмигранты въ Лондонѣ или Парижѣ, что печатается въ тайныхъ типографіяхъ, кто и какъ предательствуетъ, какія письма перехвачены, что вообще слышно по части искорененія крамолы. Въ видѣ приложений въ листкѣ имѣется много очень любопытныхъ гектографированныхъ и печатныхъ прокламацій, копій съ перехваченныхъ писемъ и отобранныхъ при обыскахъ рукописей, билетовъ лотерей, устроенныхъ съ революціонными цѣлями и т. д.“

„Своды“ переполнены перехваченными письмами, которыя съ почты тотчасъ послѣ перлюстраціи попадаютъ къ Николаю II, какъ это видно по датамъ, между прочимъ и перехваченнаго письма Л. Толстого. Что полиція обыкновенно пользуется перехваченными письмами —, это извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кто отрицаетъ съ думской кафедры существованіе въ Россіи черныхъ кабинетовъ, но чтобы перехваченныя письма чуть не по телеграфу докладывались царю — это едва ли кому могло прийти въ голову. Герценъ рассказывалъ въ „Колоколѣ“,

что однажды Александру II принесли изъ тогдашняго III отдѣленія, списокъ лицъ, посѣщавшихъ лондонскаго эмигранта, — Александъ II бросилъ въ печь этотъ списокъ, не читая его, считая для себя позоромъ читать доносы. А теперь какой прогрессъ!... Царскій Листокъ почти сплошь состоитъ изъ доносовъ, изъ перехваченныхъ писемъ, изъ шпионскихъ донесеній, изъ показаній предателей... и подь всѣмъ этимъ; „Прочель съ удовольствіемъ“ ...

„Повидимому Николай II очень доволенъ тѣмъ, какъ составляются доклады Министромъ Внутреннихъ дѣлъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ характеръ Царскаго Листка не измѣняется: его составители, очевидно, попадаютъ въ точку и удовлетворяютъ спросу.“¹⁾

Цѣною своей жизни идеалистъ-мечтатель Евгенийъ Шауманъ пытался разбить воображаемое „средостѣніе“ между царемъ и народомъ, „довести до свѣдѣнія государя всю правду.“ Ему казалось, что, убивая любимца царя, Бобрикова и лишая самого себя жизни, онъ заставитъ царя призадуматься, внимательнѣе присмотрѣться къ событіямъ, происходящимъ въ Россіи. Какимъ наивнымъ незнаніемъ жизни, какимъ непониманіемъ Николая отзываются строки предсмертнаго письма молодого мечтателя! „До свѣдѣнія Вашего Величества не до-

¹⁾ см. ук. лп. В. 2.

водится ни истинное положеніе дѣлъ въ странѣ, ни требованія ея законовъ. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, что правдивое изложеніе истиннаго положенія дѣлъ хоть сколько-нибудь въ близкомъ будущемъ дошло до Вашего Величества“

„Ваше Величество! Одновременно я своей рукой жертвую и своей жизнью, пытаюсь симъ еще разъ убѣдить Ваше Величество въ тяжести положенія дѣлъ, господствующаго какъ въ Вел. Кн. Финляндскомъ, такъ и въ Польшѣ, Балтійскомъ краѣ, да и вообще во всей Державѣ Россійской Зная доброе сердце и благородныя намѣренія Вашего Величества, я умоляю Ваше Величество лишь о тщательномъ изученіи истиннаго положенія дѣлъ во всей державѣ со включеніемъ Финляндіи, Польши и Балтійскаго края.“

„Съ глубочайшимъ вѣрноподданическимъ уваженіемъ“, такъ заканчиваетъ молодой мечтатель свое письмо, „остаюсь Державнѣйшаго, Милостивѣйшаго Императора и Великаго князя, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Евгенийъ Шауманъ.“¹⁾

Но мечтаніямъ Шаумана не суждено было осуществиться. На мѣсто убитаго Бобрікова царь назначаетъ генераль-губернаторомъ Финляндскимъ князи Оболенскаго, прославившагося своимъ избіе-

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

ніемъ харьковскихъ и полтавскихъ крестьянъ и считавшагося въ то время не меньшимъ оплотомъ реакціи, чѣмъ знаменитый Бобриковъ. И „во всей державѣ со включеніемъ Финляндіи, Польши и Балтійскаго края“ не измѣняется курсъ.

„Государь хочетъ знать всю правду“ — какой ироніей звучать эти слова!

„Государь хочетъ знать всю правду.“ Но, можетъ быть, зная ее, онъ въ ней не разбирается? Послѣ всего сказаннаго уже нельзя оспаривать, что свѣдѣнія о русскихъ событіяхъ доходятъ до царя, что они могутъ дойти до него, если они его только интересуютъ. Но, можетъ быть, эти свѣдѣнія подавляютъ его своимъ количествомъ и равнообразіемъ? Быть можетъ, не имѣя возможности въ нихъ самостоятельно ориентироваться, онъ прибѣгаетъ къ совѣту своихъ приближенныхъ и подпадаетъ ихъ вліянію? Быть можетъ, зная всю правду, онъ не понимаетъ ее, несмотря на „благороднѣйшія намѣренія?“

Отвѣтъ на эти вопросы мы постараемся дать въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ.

Entre les deux
mon coeur balance . . .

Красивая комнатка въ стилѣ рококо. На столахъ и этажеркахъ граціозныя фарфоровыя фигурки. Въ мягкомъ креслѣ, обитомъ свѣтлорозовой матеріей, слегка развалившись сидитъ маркиза.

Сидитъ она и внимательно разсматриваетъ себя въ маленькомъ ручномъ зеркальцѣ. Смотритъ на бѣлую шею, перетянутую черной бархатной лентой, смотритъ на пышныя волосы, покрытыя пудрой, на маленькую черную „мушку“, только-что посаженную на правую щеку.

Смотритъ — и томно вздыхаетъ.

Затѣмъ подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ висятъ два портрета: одинъ-молодого франта, женственнаго и нѣжнаго, въ шелковомъ голубомъ фракѣ; другой — воина съ краснымъ лицомъ въ шрамахъ, сильнымъ и энергичнымъ взглядомъ и неряшливымъ нарядомъ.

И снова вздыхаетъ маркиза. И въ раздумѣ подходитъ къ старомодному гармоніуму, кладетъ пальцы на клавиши и начинаетъ играть.

И зазвенѣли струны подъ аккомпаниментъ ея грустному голосу.

Грустна и наивна ея пѣсня :

„Entre les deux mon coeur balance
Et je ne sais le quel aimer.
Entre les deux mon coeur balance.“

* * *

Въ такомъ наивно-слащавомъ духѣ, какъ переданная нами только-что сценка, почему то любятъ представлять Николая II.

Какъ прекрасная маркиза времянь рококо, которой равно нравятся и любовникъ-поэтъ и воинъ-любовникъ, рисуется Николай то заигрывающій съ либерализмомъ, то съ реакціей.

„Entre les deux mon coeur balance et je ne sais le quel aimer“ — „между обоими колеблется сердце и не знаю кого полюбить“ — это якобы камертонъ Николаевской политики.

Вспомните анекдотъ рассказанный нами въ предисловіи о трехъ разговорахъ царя съ Ванновскимъ, Плеве и „Сашенькой“. Развѣ онъ не подтверждаетъ этого обычнаго взгляда?

Стараются представить Николая какимъ-то колеблющимся, неувѣреннымъ, нерѣшительнымъ, слабовольнымъ, мячемъ въ рукахъ его же собственныхъ любимцевъ.

Чѣмъ инымъ, казалось, можно бы объяснить вѣчныя колебанія его политики какъ не нерѣшительностью царя и вліяніемъ окружающихъ? Се-

годня любимецъ — реакціонеръ: и политика реакціонная. Завтра либераль въ милости — и раздаются либеральныя фразы Николая.

А самъ царь вѣчно колеблется, вѣчно мѣняетъ симпатіи.

Въ такомъ видѣ представлялись событія не только европейскому, но и россійскому обывателю. Даже „Новое Время“, которое имѣло бы полное основаніе быть довольнымъ политикой царя впадало иногда въ недоумѣніе. Въ номерѣ отъ 13-го апрѣля 1904 года вылилось его раздраженіе въ видѣ сатирическаго стихотворенія. Чтобы избѣжать скандала, правительство сдѣлало видъ, что не поняло, къ кому относится эта сатира; но два дня спустя, придравшись къ какой-то невинной статьѣ, запретили на продолжительный срокъ розничную продажу газеты.¹⁾

Вотъ портретъ царя нарисованный „Новымъ Временемъ“.

РАЗДВОЕНІЕ.

Что за мученіе адское!
Въ сердцѣ моемъ все раздвоено:
Чую въ себѣ я и воина,
Чую я нѣчто и штатское:
Страсти имѣютъ двойную
Власть надъ душой моею хрупкою,
Брежу и мира я грубкою,
Жажду немного и драки я.

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

О, состоянье тревожное!
Долю клянц я проклятую . . .
Я и за истину ратую,
Мило порой мнѣ и ложное,
Тропы люблю я привычныя,
Лѣзу и въ чашу я дикую;
Душу имѣю двуязычную,
Рѣчи веду двуязычныя,
Кто-жъ я? Родился-ль избранникомъ?
Мамкой ушибленъ по теменю?
Или же смутнаго времени
Просто являюсь я данникомъ? . . .

„Въ четвергъ министра хоронили, а бѣдный государь пріѣхалъ только на выносъ, тоже страшно боится, провожать не пошелъ . . .“ Такъ рядовой изъ дворцовой стражи писалъ домой послѣ убійства Сипягина. „Жисть хуже нашего, государь все опасается и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ Дворцѣ все одно, что арестованный; только и развлечения — играетъ со своими собаками; выпустить когда штукъ пять, а когда восемь: они на него такъ и прыгаютъ, и бѣгають съ ними по саду, а видать только изъ Морского Адмиралтейства; а то бѣгають по крышамъ или играетъ съ братомъ въ лапту; вотъ какое тяжелое положеніе ихъ!“¹⁾

Не подобное ли объясненіе дается обывателемъ нерѣшительности и колебаніямъ Николая? Вѣдь

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

нельзя же требовать рѣшительности и послѣдовательности отъ Митрофанушки въ царской коронѣ, гоняющагося по крышамъ! Безконечно количество анекдотовъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ.

Въ предисловіи мы приводили со словъ одного сенатора сценку изъ семейной жизни царя. „Онъ даже „Новаго Времени“ въ руки не беретъ“, восклицалъ горестно сановникъ.

„Но онъ и доклады подписываетъ, не читая“, увѣряютъ другіе. „Быль предложенъ законъ о вознагражденіи помѣщиковъ балтійскихъ губерній за убытки, понесенные ими отъ введенія правительственной монополіи на продажу спирта. Г. Витте былъ того мнѣнія, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ должно быть выплачено нѣсколько милліоновъ рублей; большинство Государственнаго Совѣта полагало, что сумма эта должна быть уплачена сразу. Витте сообщилъ царю объ этомъ разногласіи и царь обѣщавъ утвердить мнѣніе меньшинства. Министръ сообщилъ въ письмѣ къ секретарю Государственнаго Совѣта (въ то время г. Плеве), что государь утвердитъ мнѣніе меньшинства, какъ только соотвѣтственные документы будутъ въ его рукахъ. Въ свою очередь г. Плеве сообщилъ содержаніе письма всѣмъ членамъ совѣта. Тогда многіе изъ сановниковъ, видя, что оппозиція бесполезна, измѣнили свое мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, свой *votum*. Такъ что меньшинство неожиданно превра-

тилось въ большинство. Въ свое время всѣ документы были предъявлены царю, который изъ всей исторіи помнилъ только, что обѣщаль г. Витте отвергнуть мнѣніе большинства. Не читая бумагъ и не давая себѣ труда подумать, онъ выполнилъ свое обѣщаніе и такимъ образомъ заранѣе осужденное мнѣніе сдѣлалось закономъ.“¹⁾

„Въ 1902 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Государственный Совѣтъ единогласно постановилъ „принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія“. Николай приказалъ „пересмотрѣть вопросъ“. Государственный Совѣтъ повторилъ то-же рѣшеніе. На соотвѣтственную „меморію“ царь положилъ краткую резолюцію:

„Когда захочу, тогда отмѣню.“²⁾

Когда министръ Ванновскій передъ уходомъ въ отставку сталъ высказывать свои „последнія соображенія“, Николай сталъ высказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣлъ то и дѣло на часы. На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда-нибудь „Его Величество“, тотъ отвѣтилъ: „Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщаль мнѣ нынче показать двухъ жеребцовъ ... я и тороплюсь.“

Старикъ, не кончивъ своего „политическаго за-

¹⁾ см. ук. лвт. В. 27.

²⁾ см. ук. лвт. В. 15.

вѣщанія“, вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и разрыдался какъ ребенокъ“¹⁾

Но уже послѣднія двѣ сценки должны заставить призадуматься. Пусть въ угоду тому или другому любимцу царь мало-важные вопросы рѣшалъ въ ту или другую сторону. Пусть въ описанной нами выше сценѣ общается Витте присоединиться къ мнѣнію меньшинства; пусть потомъ подписываетъ резолюцію даже не читая ея. Пусть онъ въ другой разъ, умиленный радушнымъ приѣмомъ курскаго дворянства, по просьбѣ губернскаго предводителя, распоряжается немедленно удовлетворить ходатайство о пособіи изъ суммъ казны на постройку института для благородныхъ дѣвицъ.²⁾

Все это лишь рѣшенія вопросовъ, которые для Николая не имѣютъ особеннаго значенія. Ибо что значутъ для царя 250 тысячъ рублей, ассигнованныхъ въ Курскѣ, когда эта сумма идетъ не изъ его собственнаго кармана, а изъ казны! Также безразличенъ для него срокъ, въ теченіи котораго должны быть выплачены милліоны остзейскимъ баронамъ, разъ эти милліоны выплачиваются также не изъ его кармана, а изъ казны!

Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о суммахъ, вложенныхъ имъ самимъ и его родственниками въ предпріятія на Ялу. Тутъ не помогаютъ мольбы

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

²⁾ см. ук. лит. В. 12.

того же самага Витте, которому раньше такъ легко давались всевозможныя обѣщанія. Несмотря на всѣ его просьбы, по личному желанію царя провоцируется война.

Когда царь два раза подрядъ отвергаетъ меморію Государственнаго Совѣта объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, то ясно, что здѣсь не колебаніе царя подѣ вліаніемъ приближенныхъ: ибо рѣшеніе его совѣтниковъ было вынесено единогласно.

„Когда захочу, тогда отмѣню“, начерталъ онъ на докладѣ. Но не слѣдуетъ ужъ слишкомъ просто, слишкомъ наивно понимать эти слова. Не только мимолетными настроеніями руководится Николай II. Онъ знаетъ, что хочетъ. Не желаніе, какъ можно скорѣй увидѣть жеребцовъ, заставляетъ его оборвать Ванновскаго на послѣдней аудіенціи. Онъ лишь пользуется этимъ поводомъ, чтобы какъ можно болѣе рѣзко и грубо показать, что не желаетъ слушать Ванновскаго. „Когда захочу, тогда отмѣню“ — а Ванновскій осмѣливается настаивать на какихъ-то реформахъ.

Да, неоднократно всплываютъ похожія сценки. Но всѣ эти „жеребцы его Высочества“, всѣ эти мимолетные интересы, которыми якобы руководится царь и искуснымъ использованіемъ которыхъ приближенные его якобы вліяютъ на царя, все это видимость.

За этой видимостью скрывается упорная настой-

чивая воля царя, настойчивое непоколебимое желаніе его всѣми силами сохранить тотъ строй, при которомъ ему такъ хорошо живется и при которомъ высшій законъ его самодурное: „Когда захочу, тогда отмѣню.“

Если были замѣтны колебанія царя, то обуславливались они исключительно силой отпора общественнаго движенія, который онъ встрѣчалъ на этомъ пути. Не симпатіи царя, колеблющіяся между реакціей и либерализмомъ, не нашептыванья приближенныхъ, не оторванность отъ жизни, не мимолетныя фантазіи, а лишь оцѣнка реальной силы противника были рѣшающимъ факторомъ при колебаніяхъ Николая.

Если возможно говорить о какомъ-нибудь вліяніи царскихъ совѣтниковъ, то проявлялось оно исключительно въ воздѣйствіи на эту оцѣнку.

О связи колебаній въ политикѣ царя съ мѣняющейся силой противниковъ и ихъ оцѣнкой Николаемъ — въ слѣдующемъ очеркѣ.

„Жеребцы Его Высочества“
или
„Когда захочу, тогда отми́ню“?

Итакъ — не „жеребцы Его Высочества“, не „игра въ лапту“ и т. д. составляютъ исключительный интересъ Николая II.

У него дѣйствительно политическая цѣль, политическія задачи.

Но эта цѣль вызываетъ невольно недоумѣніе. Не разъ либералы пытались доказать Николаю II, что его личные интересы вовсе не связаны съ незыблемостью самодержавія.

Великіе князья, его прочіе родные и приближенные, не могли бы дѣйствительно такъ безответно хозяйничать при дѣйствительномъ конституціонномъ строѣ. Ихъ упорная борьба за незыблемость самодержавія поэтому понятна. Для нихъ этотъ вопросъ сводится къ возможности продолжать или не продолжать свои „финансовыя операціи“!

Но Николаю вѣдь эти операціи не нужны. Его доходы и при конституціи могли бы быть урѣзаны въ очень слабой мѣрѣ: вѣдь не мало милліоновъ переправлено предусмотрительнымъ „Берендѣемъ“ въ Лондонскій банкъ!

Нѣтъ, тутъ причина другая и поразительно простая!

„Когда захочу, тогда отмѣню“ начерталъ царь на докладѣ Государственнаго Совѣта.

И этой полноты власти, этой возможности отмѣнять лишь тогда, когда ему хочется, Николай ни за что не хочетъ лишиться!

Правда, его самодержавіе не неограниченное: оно ограничивается не бумажными законами, писанными параграфами, а реальной силой противника.

Вспомните умиленіе обывателей по поводу соблюденія „конституціонности“ Николаемъ по отношенію къ Финляндіи при вступленіи на престолъ. „Царь рѣшилъ оставить Финляндію до поры до времени въ покоѣ и направить первые удары въ другую сторону,“ писали мы по тому поводу. Четыре года спустя въ 1899 году уже начинается походъ противъ Финляндіи. Никакія взыванія къ „доброму сердцу и благимъ намѣреніямъ Его Величества“, никакія упоминанія о законности, о царскихъ обѣщаніяхъ не помогаютъ. Но помогаетъ русская революція 1905 года, къ которой присоединяются финляндцы отвоевывая обратно свои старыя права. Проходитъ опять пять лѣтъ, революція временно подавлена и въ 1910 году появляется царскій манифестъ, снова уничтожающій финляндскую конституцію.

Финляндія это классическій примѣръ того, какъ

царь подь натискомъ противника дѣлаеть уступки, но сейчасъ же беретъ ихъ обратно, какъ только предполагаетъ у врага отсутствіе силъ, чтобы отстоять завоеванное.

У врага!

Ибо враги Николая не только финляндцы и прочіе „инородцы“, но и всѣ его подданные, не принадлежащіе къ столпу самодержавія: дворянству; всѣ рабочіе, крестьяне, студенты, интеллигенты и прочіе „внутренніе враги“, на которыхъ посыпались бичи и скорпіоны уже въ первый годъ его царствованія.....

Читатели помнятъ слова Николая II къ волостнымъ старшинамъ во время коронаціонныхъ торжествъ. Возвѣщенные здѣсь „начала“ послѣдовательно проводились. „Продовольственное дѣло изъ рукъ земствъ было передано новоиспеченнымъ „земскимъ начальникамъ“. Эти разумѣется защищали помѣщичьи интересы и клали подь сукно всякія ходатайства сельскихъ сходовъ объ отпускѣ имъ ссуды на обмѣненіе или на прокормленіе голодающихъ, чтобы такимъ образомъ заставить голодныхъ мужиковъ за бездѣнокъ наниматься къ нимъ же или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ. Крестьяне во многихъ мѣстахъ работали на помѣщика 3—4 дня въ недѣлю (больше чѣмъ при крѣпостномъ правѣ), и всетаки не выбивались изъ нищеты.“

„И вотъ въ мартѣ 1902 г. начинаются крестьянскіе беспорядки. Движеніе это, какъ пожаръ, заливаешь цѣлый рядъ губерній: изъ Полтавской и Харьковской губерній, гдѣ оно зародилось, оно перебрасывается въ Кіевскую, Саратовскую, Черниговскую, Воронежскую, Тамбовскую и др. Всюду крестьяне толпой подѣзжаютъ на повозкахъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, вызываютъ барина, просятъ его добромъ подѣлиться хлѣбомъ, иногда даже предлагаютъ плату, конечно низкую, а получивъ отказъ, предлагаютъ помѣщику съ семьей сейчасъ-же уѣхать, сами-же взламываютъ замки, наполняютъ телѣги хлѣбомъ и, иногда поджегши усадьбы, уѣзжаютъ домой. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне ни разу не прибѣгли къ насилію надъ личностью помѣщиковъ, хотя ихъ жизнь была всюда въ рукахъ толпы.“

„И отплатило-же имъ за это добродушіе царское правительство! Возставшія деревни Полтавской и Харьковской губерній скоро были наводнены сворой полицейскихъ, казаковъ, солдатъ съ губернаторами во главѣ и — пошла свистѣть розга... Сѣкли безпощадно, звѣрски; пороли такъ, что изо рта и носа жертвы текла кровь; давали по 100, даже по 200 ударовъ. Въ трехъ деревняхъ Полтавской губерніи выпороли поголовно все населеніе: и стариковъ, и дѣтей, и дѣвушекъ; у многихъ отъ порки отваливались куски

мяса; нѣкоторыхъ заставляли до смерти. Нѣсколько крестьянъ сами повѣсались, не вынеся унижительнаго истязанія. Особенно звѣрски неистовствовалъ харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ наслаждался стономъ истязаемыхъ жертвъ и приговаривалъ „это вамъ, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили а еще по 30 отъ меня!“ Подъ Полтавой царскіе опричники прибѣгли, кромѣ того, къ разстрѣлу крестьянъ. Крестьяне при этомъ заявляли: „Стрѣляйте, намъ нечего терять!“ . . .

„Нечего и говорить, что этими свирѣпыми мѣрами возстаніе крестьянъ скоро было подавлено. Въ „бунтовавшія“ деревни были помѣщены солдатскіе постои, безъ удержа грабившіе крестьянъ, насилуовавшіе ихъ женъ и дочерей. А тутъ же по сосѣдству шли роскошныя пиршества господъ офицеровъ съ помѣщиками: они праздновали усмиреніе возставшихъ рабовъ. Сверхъ того, многіе крестьяне были арестованы и преданы суду.“

„Наконецъ правительство наложило на деревню 800 000 рублей штрафа для возмѣщенія неизвѣстно кѣмъ подсчитанныхъ убытковъ господъ помѣщиковъ.“ . . .¹⁾

Увы, эти экзекуціи повторялись впоследствии такъ часто, что они стали чуть ли не зауряднымъ явленіемъ русской жизни.

¹⁾ см. ук. лит. А. 16.

И если мы на нихъ остановились такъ долго и подробно, то лишь для того, чтобы указать личную вину въ нихъ Николая. Онѣ производились не только съ его вѣдома, но и съ его согласія!

Николай лично выражаетъ передъ лицомъ крестьянъ свою солидарность съ „эксекуторами“ и грозить имъ тѣмъ же при повтореніи беспорядковъ.

Вотъ его слова, произнесенныя 1-го сентября 1902 г. въ Курскѣ, во время приѣма старшинъ и сельскихъ старостъ:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съумѣетъ, я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ беспорядковъ.“

И подъ конецъ рѣчи Николай осмѣливается заявить, что „богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божьимъ.“¹⁾

Этимъ путемъ разбогатѣлъ вѣроятно и Николай съ „Царской Фамиліей“!

Князь Оболенскій, руководитель этихъ эксекуцій, удостоивается высочайшихъ царскихъ милостей. На торжественномъ обѣдѣ фонъ-

¹⁾ см. ук. лит. А. 14.

Плеве отъ имени царя передаетъ ему орденъ и поцѣлуй.¹⁾

Читатель помнитъ, какъ въ 1902 году, несмотря на единогласную просьбу Государственнаго Совѣта, Николай не хотѣлъ отмѣнить тѣлеснаго наказанія.

Три года спустя онъ его все таки „отмѣнилъ“. Въ манифестѣ, изданномъ по поводу рожденія цесаревича Алексѣя, отмѣнялось тѣлесное наказаніе. Но это не было „уступкой“, а лишь — фарисействомъ! Отмѣнялось тѣлесное наказаніе по закону, а истязанія по произволу оставались и послѣ манифеста, и лица усиленно примѣнявшія ихъ, вроде Ренненкампа, Меллеръ-Закомельскаго и т. д., пользовались царской милостью.

Этотъ манифестъ былъ фарисействомъ, потому что онъ хотѣлъ внушить симпатію къ царю крестьянамъ, изнемогавшихъ подъ непосильнымъ бременемъ войны. Поэтому и прощались тѣ деньги, которыя крестьяне еще были должны за землю, полученную при освобожденіи. Выколотить ихъ не было все равно никакой возможности. Если же заявить, что крестьянамъ ихъ выплачивать дальше не нужно, то это можетъ показаться „милостью“.

Аграрныя волненія 1905 г. всетаки заставляютъ уступить и Николаю. Отвѣтственность съ

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

себя онъ пытается переложить на Государственную Думу. Онъ надѣется, что Дума откажетъ крестьянамъ въ землѣ и ненависть крестьянъ будетъ отвлечена въ сторону. А тѣмъ временемъ царь все повторяетъ, „что его наиболѣе заботитъ вопросъ объ устройствѣ крестьянскаго быта и облегченіи земельной нужды трудящагося крестьянства....“ (см. рѣчь отъ 2 февраля 1906 г.).

Но надежды царя не оправдываются.

Дума высказывается за отчужденіе земли въ пользу крестьянъ, царь Думу распускаетъ и — становится снова въ глазахъ крестьянства виновникомъ его нужды.

Интригамъ царя по отношенію къ Думѣ въ связи съ аграрнымъ и прочими вопросами посвященъ особый очеркъ.....

* * *

*

Такимъ же образомъ объясняются и кажущіяся колебанія царя по отношенію къ рабочимъ.

Мы уже отмѣтили „царское спасибо“ войскамъ разстрѣливавшимъ бастовавшихъ рабочихъ въ 1895 г. Забастовки вѣдь были лишь въ одномъ Ярославлѣ! Значить, можно пока съ врагомъ не считается!

Но лишь только забастовка принимаетъ такіе грандіозные размѣры, какъ въ 1896 г., то „интересъ“ немедленно возрастаетъ и немедленно созывается

особое совѣщаніе, результатомъ котораго является законъ 2-го іюня 1897 г.

Въ немъ устанавливаются разные санитарныя мѣры, которые должны быть введены въ фабричныхъ предпріятіяхъ. Но самымъ важнымъ является въ немъ то, что имъ запрещается работать болѣе $11\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки.

Рабочіе успокаиваются — и правительство путемъ циркуляровъ, ограниченій и т. д. сводитъ опять на нѣтъ, имъ же самимъ изданный законъ.

Въ 1901 г. снова крупныя волненія — и снова „кажущіяся“ уступки.

Начинается комедія Зубатовщины. Подъ руководствомъ агента охраннаго отдѣленія организуются союзы, въ которыхъ разрѣшается рабочимъ бороться за экономическіе интересы, чтобы ихъ такимъ образомъ отвлечь отъ политической борьбы. Въ нѣкоторыхъ городахъ жандармы даже заставляютъ хозяевъ исполнять требованія предъявленныя рабочими.

Но повидимому правительство всетаки не вполне увѣрено въ успѣхъ этой политики: въ 1901 г. учреждается особая фабрично-заводская полиція, почти всѣ фабричныя центры объявляются на „положеніи объ усиленной охранѣ“ и т. д., и т. д.

И все это происходитъ опять съ вѣдома и согласія Николая.

6-го декабря, принимая въ Зимнемъ дворцѣ высшихъ представителей жандармской полиціи, онъ произноситъ слѣдующія „знаменательныя слова“:

„Я очень радъ васъ видѣть, господа!
„Надѣюсь, что союзъ установившійся се-
„годня между мною и корпусомъ жандар-
„мовъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ.“¹⁾

А губернаторъ фонъ-Валь, подвергавшій въ маѣ 1902 г. участниковъ демонстраціи тѣлесному наказанію, назначается — флигель-адъютантомъ.

И въ то же время, въ 1902 г., передъ депутаціей рабочихъ на Балтійскомъ заводѣ царь произноситъ лживыя и лживыя слова:

„Трудитесь честно, ведите себя спокойно
„и не давайте смущать себя дур-
„нымъ людямъ, которые такіе же
„враги вамъ, какъ враги и мнѣ.“²⁾

Но повидимому рабочіе не раздѣляли этого мнѣнія, а считали наоборотъ, что тѣ, кто враги Николаю, имъ вовсе не враги, — и въ 1903 г. забастовка обхватываетъ почти всю Россію.

Въ Одессѣ, въ Томскѣ, въ Ростовѣ, въ Баку, Ватумѣ, Златоустѣ, Ригѣ — всюду происходятъ беспорядки. И борьба происходитъ не какъ

¹⁾ см. ук. лит. В. 13.

²⁾ Ibidem.

хотѣлось Николаю и Зубатову исключительно на экономической почвѣ: провозглашаются политическіе лозунги.

Царь видитъ, что не лживо-ласковыми словами отвлечь рабочихъ отъ борьбы, и снова пускаетъ въ ходъ пули.

Въ одномъ Златоустѣ убитыхъ 69 и раненыхъ 100!

Но опасность всетаки тревожить: нужно придумать другой способъ, чтобы отвлечь рабочихъ отъ борьбы.

Расчитываютъ на самыя низкіе инстинкты подонковъ населенія — въ Кишиневѣ устраивается погромъ.

Но повтореніе его ни въ Гомелѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не удастся: выступаетъ еврейская самооборона, а ей на помощь русскіе сознательные рабочіе.

И ненависть противъ Николая возрастаетъ еще больше: лѣтомъ того же 1903 г. возобновляется забастовка въ цѣломъ рядѣ южныхъ городовъ. Стаечная буря обхватываетъ больше 200 000 рабочихъ всѣхъ промысловъ.

Разумѣется и слѣдующіе погромы удались бы, если-бы Николай пустилъ въ ходъ войска, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1905 г.

Но тогда онъ еще стѣснялся, или вѣрнѣе опасался Европы. Онъ не зналъ еще, что

иностранные банкиры готовы дать займы денегъ и погромщику, лишь были бы высоки проценты.

Поэтому то, онъ счелъ нужнымъ разыграть комедію, увѣрялъ, что хотѣлъ послать для разслѣдованія дѣла собственнаго адъютанта, и лишь отказался отъ этого, потому что уже посланъ Лопухинъ.

Разумѣется, что если-бы и былъ посланъ адъютантъ, то съ такой же цѣлью какъ и Лопухинъ: не выяснить, а скрыть правду!

2¹/₂ года спустя, послѣ октябрьскихъ погромовъ, Николай уже срываетъ маску: всѣ приговоренные къ заключенію за участіе въ погромахъ получаютъ — помилованіе, всѣ участвовавшіе въ самооборонѣ — каторгу.

Жандармскій же ротмистръ печатавшій погромныя прокламаціи въ тайной типографіи — получаетъ повышеніе.

И напрасно сомнѣваются, что все это произошло съ согласія Николая, не хотятъ вѣрить въ его фанатическій шоввинизмъ.

Самъ Плеве увѣрялъ Янжула, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь!

И ему удалось подтвердить это собственноручной замѣткой царя, начерченной на поляхъ доклада о законопроектѣ, ограничивавшемъ еще болѣе право жительства евреевъ въ Сибири.

Николай собственноручно начерталъ:

„Евреи, покидающіе черту осѣдлости, ежегодно наполняютъ цѣлыя области Сибири своими противными лицами. „Это невыносимое положеніе должно „измѣниться“...¹⁾

И кто не помнитъ наконецъ эпизода съ знаменитымъ скрипачемъ Падеревскимъ? Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ дворцѣ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела игра русскаго. „Простите, Ваше Величество“ — отвѣтилъ Падеревскій — „но я полякъ“. Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.²⁾

Но мы немного отклонились въ сторону. Мы хотѣли показать читателю, что и въ рѣшеніи рабочаго вопроса, какъ и всѣхъ другихъ проявлялась личная воля царя. Закончимъ же этотъ отрывокъ указаніемъ на январскія событія 1905 г. Никогда Николай не имѣлъ такого удобнаго случая дѣйствительно узнать нужду народную, какъ тогда. Ему гарантировали личную безопасность. Шли не съ оружіемъ, а съ иконами и царскими портретами. А Николай встрѣтилъ ихъ градомъ пуль.

¹⁾ см. ук. лит. А. 21.

²⁾ см. ук. лит. Б. 15.

Правда потомъ, чтобы замѣть впечатлѣніе, произведенное этой бойней на Европу, онъ выкидываетъ (точно также какъ послѣ Ходынки) пятьдесятъ тысячъ рублей въ помощь семьямъ убитыхъ. Но рабочіе погнушались этими деньгами крови.

Кромѣ царскихъ денегъ, которыми распоряжался Треповъ, пособія выдавались еще Союзомъ Инженеровъ и Петербургской Думой. И вотъ два мѣсяца послѣ бойни было подано прошеній о пособіяхъ: въ Думу 830, въ Союзъ Инженеровъ 1650, а Трепову — всего семь.¹⁾

Научило ли это чему-нибудь Николая? Раскрыло ли ему наконецъ глаза?

Раскрытъ то глаза раскрыло, но, увы, выводы онъ сдѣлалъ настоящіе Николаевскіе.

Увидѣвъ въ этой „статистикѣ“ своего рода „статистику ненависти рабочихъ“, онъ рѣшилъ — не приобрести любовь ихъ, а еще болѣе согнуть ихъ въ „бараній рогъ“.

Когда онъ рѣшаетъ принять депутацію рабочихъ, то онъ не разрѣшаетъ производить выборы, чтобы отъ выборныхъ узнать всю правду. Онъ полиціи предоставляет подобрать самыхъ „благонадежныхъ“, самыхъ „темныхъ“, не пользующихся никакимъ вліяніемъ среди прочихъ ра-

¹⁾ см. ук. лит. А. 8 в.

бочихъ. Имъ онъ говорятъ рѣчь, печатныя оттиски, которой сейчасъ же передаются для распространения. Рѣчь эта, какъ рѣчь 1902 г., опять все сводитъ къ кознямъ злоумышленниковъ. Но она уже гораздо ярче и опредѣленнѣе. Желаніе „подавать царю прошеніе о нуждахъ своихъ“ провозглашается „бунтомъ противъ царя и правительства“. И въ будущемъ Николай обѣщаетъ „всегда прибѣгать къ военной силѣ, хотя бы это и вызывало неповинныя жертвы“. А подъ конецъ рѣчи у царя хватило наглости заявить рабочимъ, что онъ „прощаетъ имъ вину ихъ“, онъ — на совѣсти котораго десятки тысячи труповъ!¹⁾

Недолго послѣ этого тонъ царя по отношенію къ рабочимъ рѣзко мѣняется. Но это связано со всѣми „уступками“, на которыя скрѣпя сердце, противъ воли въ концѣ концовъ долженъ былъ пойти Николай передъ дружнымъ натискомъ всего народа; уступки, которыя потомъ при первомъ случаѣ онъ утопилъ въ морѣ крови.

* * *

Приводить здѣсь выдержки изъ рѣчей царя къ дворянамъ мы не будемъ. Читатель найдетъ ихъ въ приложеніи, и самъ убѣдится, что Николай

¹⁾ см. ук. лит. А. 14.

всегда оставался вѣренъ взгляду, выраженному имъ въ 1895 году, „что дворянство опора престола“.

Благодарности, милости — безъ конца.

И при этомъ безконечное повтореніе увѣреній, что помѣщичья собственность неприкосновенна. И тутъ мы видимъ снова не колебанія, а послѣдовательность въ политикѣ царя.

Убѣдившись въ отсутствіи колебаній Николая во внутренней политикѣ, въ устойчивости его симпатій — мы уже станемъ иначе относиться и къ его внѣшней политикѣ.

И тутъ цѣль одна. Все что укрѣпляетъ царскій тронъ — хорошо; что его расшатываетъ — плохо.

Гагская конференція — это не иллюзія идеалистическаго мечтателя, а фарисейство и расчетъ дипломата. Почему не побудить другія государства сократить расходы на вооруженія? Вѣдь это не мѣшаетъ самому въ то же самое время ассигновать 90 милліоновъ на перевооруженіе флота!

Точно также и война съ Японіей не представляетъ противорѣчія къ Гагской конференціи мира: она лишь завершеніе Гагскаго фарисейства. Во всѣхъ телеграммахъ къ Алексѣеву Николай совѣтуетъ ему предоставить начать военныя

дѣйстви японцамъ, чтобы впослѣдствіи разыграть „оскорбленную невинность“.¹⁾

Такъ же ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что Николай началъ войну изъ какого то мистическаго пониманія своихъ обязанностей какъ „защитника бѣлой расы противъ желтой“.

Нѣтъ, онъ прекрасно понималъ, что здѣсь весь сыр-боръ разгорѣлся изъ-за концессій на Ялу, что здѣсь у его „Августѣйшихъ Родственниковъ“ рыльце въ пушку, и просто вступился за „фамильные“ интересы.

А затѣмъ, точно также какъ и при созывѣ Гаагской конференціи, онъ передъ Европой сталъ драпироваться въ красивыя и пышныя фразы. Возможно, что будучи по мнѣнію многихъ врачей типичнымъ истерикомъ, онъ въ концѣ концовъ повѣрилъ въ эти фразы. Но это было въ лучшемъ случаѣ самовнушеніе. Истинѣ эти фразы ни въ коемъ случаѣ не соответствовали.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

Желтый билетъ.

Помните ли Вы, читатель, одинокую прогулку „молодого офицера съ грустными глазами“ по Невскому проспекту?

Помните ли Вы умиленіе либеральнаго общества по этому поводу?

Увы, тѣ времена прошли безвозвратно!

Избравъ „свѣтлый и лучезарный путь незабвеннаго отца“ и объявивъ объ этомъ во всеуслышаніе 17-го января 1895 г., Николай II долженъ былъ принять и — мѣры охраны, не менѣе строгія, чѣмъ тѣ, которыя предпринималъ его „забвенный родитель“.

Уже въ дни коронованія поражаело иностранцевъ, что когда Николай послѣ торжественнаго возложенія на себя царской короны вышелъ на площадь поклониться народу, то дѣйствительнаго народа — не было.

Были лишь — переодѣтые сыщики.

И земной поклонъ сдѣланный Николаемъ II при возложеніи на себя короны, былъ сдѣланъ не

передъ русскимъ народомъ, а — передъ агентами охраннаго отдѣленія.¹⁾

Да, глубокое символистическое значеніе имѣлъ этотъ земной поклонъ Николая II.

Но можетъ быть царь не понималъ въ чемъ дѣло, можетъ быть онъ не зналъ, что онъ окруженъ охранниками?

И это предположеніе не вѣрно. Царь зналъ, кто его окружаетъ, и неудовольствія не высказывалъ. Наоборотъ, мѣры охраны казались ему скорѣе недостаточными. Вспомните какъ онъ послѣ Ходынской катастрофы стягиваетъ войска вокругъ Кремля.

„Царь окруженный лѣсомъ штыковъ“, — эту картину начиная съ Ходынки мы наблюдаемъ по сей день.

И на этой картинѣ, накладывающей свой особый отпечатокъ на Николая, приходится подробнѣе остановиться.

Лучше всего мы приведемъ четыре официальныхъ документа: приказъ московскаго градоначальника и три распоряженія нижегородскаго губернатора Унтербергера.

Они ярко и красочно рисуютъ, въ какія реальные формы вылился и не могъ не вылиться путь, избранный Николаемъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 1.

Вотъ эти документы:

I

Официальное печатное объявленіе
по поводу прѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ
въ г. Москву.

„1. Каждый владѣлецъ квартиры или помѣщенія, окна или балконы которой выходятъ на улицу по пути слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, обязанъ представить указанному ниже члену комиссіи не позднѣе 25-го марта списокъ въ двухъ экземплярахъ всѣхъ лицъ, кои будутъ находиться въ его квартирѣ или помѣщеніи во время Высочайшаго проѣзда и независимо отъ сего испросить у Московскаго Оберъ-Полицеймейстера разрѣшеніе на допускъ въ свое помѣщеніе лицъ подачею прошенія, оплаченнаго гербовымъ сборомъ въ 1 р. 20 коп.

2. Контроль пропуска лицъ, являющихся въ дома въ день Высочайшаго проѣзда, производится квартирохозяиномъ, причемъ отвѣтственность за то, что пропущены тѣ самыя лица, которыя внесены имъ въ списокъ, падаетъ всецѣло на него.

3. Домовладѣльцамъ и управляющимъ домами вмѣняется въ обязанность въ день прѣзда Ихъ Величествъ:

а) ворота домовъ держать запертыми на замокъ съ утра дня прїѣзда Ихъ Величествъ;

б) ключъ отъ воротъ передавать старшему дворнику, занимающему мѣсто у воротъ со стороны улицы;

в) въ ворота пропускать исключительно живущихъ въ домахъ или получившихъ право входа въ квартиры, согласно представленнаго члену комиссiи списка, постороннихъ же лицъ въ случаѣ экстренной надобности допускать только съ разрѣшенія члена комиссiи или чиновъ полиціи:

г) запереть на ключъ въ нижнихъ этажахъ двери, выходящія на улицу. Окна въ нижнихъ и полуподвальныхъ этажахъ, въ которые возможенъ допускъ съ улицы, имѣть закрытыми;

д) допускать входъ въ подѣзды только лицамъ, упомянутымъ подъ лит. в. пункта 3-го настоящаго объявленія.

4. Воспрещается дѣлать какія-либо приспособленія для зрителей у воротъ со стороны улицы.

5. Домовладѣльцамъ и управляющимъ домами вмѣняется въ обязанность преградить подъ личной отвѣтственностью, во время проѣзда Ихъ Величествъ, доступъ на чердаки и на крыши, для достиженіе каковой цѣли входъ на чердакъ, по предварительному осмотру членомъ комиссiи, долженъ быть запертъ и опеча-

танъ распоряженіемъ члена комиссіи, а всѣ пожарныя лѣстницы по указанію члена комиссіи обшиты тесомъ на 6 аршинъ отъ земли.

6. Открытіе оконъ во время Высочайшаго проѣзда разрѣшается, за исключеніемъ оконъ, упомянутыхъ въ п. г. § 3, равно какъ и доступъ публики на балконы, выходящіе на улицу, при чемъ къ открытымъ окнамъ и на балконы могутъ быть допущены подѣ личною отвѣтственностью владѣльца квартиры или помѣщенія лица совершенно трезвыя и при томъ только такія, которыя значатся въ спискѣ, составленномъ на основаніи § 1 сего объявленія. Допущенныя лица не должны имѣть при себѣ ни биноклей, ни подзорныхъ трубъ, ни фотографическихъ аппаратовъ; квартировладѣлецъ принимаетъ на себя отвѣтственность за порядокъ въ принадлежащемъ ему помѣщеніи.

Примѣчаніе. Опредѣленіе количества лицъ, могущихъ находиться на балконахъ, принадлежитъ технику, состоящему членомъ комиссіи.¹⁾

II.

Мѣры охраны, подлежація принятію въ селеніяхъ по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣвскій монастырь и обратно черезъ с. Глухово въ г. Арзамасъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 12.

1. Всѣ строенія, жилия и холодныя, находящіяся на самомъ пути, такъ равно и на разстоянїи десяти саженой въ обѣ стороны отъ дороги, за двое сутокъ до проѣзда тщательно осматриваются комиссіей, состоящей изъ полицейскаго и жандармскаго (гдѣ таковыя есть) офицера, мѣстнаго сельскаго старосты и при участїи двухъ понятыхъ. Предсѣдателемъ въ комиссіи является старшій въ чинѣ офицеръ. Тѣ строенія, въ которыхъ нѣтъ особой надобности для хозяевъ, опечатываются ею, чтобы убѣдиться въ цѣлости ихъ.

Примѣчаніе. Если въ послѣдствїи хозяевамъ встрѣтилась бы особая надобность войти въ опечатанное строеніе, то это можетъ быть сдѣлано въ присутствїи той же комиссіи и послѣ этого строеніе вновь опечатывается.

2. Въ упомянутыхъ выше строенїяхъ, послѣ осмотра, никто изъ постороннихъ лицъ, къ семьѣ хозяина не принадлежащихъ, оставаться не можетъ, впредь до того времени, пока охрана не будетъ снята.

3. За сутки до проѣзда, въ каждый домъ, находящійся по пути слѣдованія, помѣщаются два охранника, которые слѣдятъ, чтобы никто изъ постороннихъ въ домъ и во дворъ не входилъ.

4. За 4 часа до проѣзда помѣщаются съ задней стороны домовъ, лежащихъ по пути,

охранники, стражники или воинскіе чины, по мѣрѣ надобности, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на дорогу, по которой имѣеть быть проѣздъ, никто не выходилъ.

5. Всѣ выходящія на улицу окна или отверстія на чердакахъ заколачиваются.

6. Полиціей и сельскими властями устанавливается строгій надзоръ за всѣми живущими въ селеніяхъ и за тѣмъ, что вообще происходитъ въ селеніяхъ. За двое сутокъ до Высочайшаго проѣзда селеніе должно быть очищено отъ всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ.

7. Съ ранняго утра дня Высочайшаго проѣзда въ попутныхъ селеніяхъ всѣ собаки должны быть на привязи и находящійся въ селеніи скотъ загнанъ.

Губернаторъ

Генераль-Лейтенантъ Унтербергеръ.¹⁾

III.

Приказъ жителямъ селеній по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь, Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Жители cadaго селенія, черезъ которое будетъ слѣдовать Высочайшій проѣздъ, собираются

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

у своей околицы къ опредѣленному часу, который будетъ указанъ земскимъ начальникомъ, въ районъ котораго входитъ соотвѣтственное селеніе и группируются тамъ по обѣ стороны дороги.

2. Сельскій староста, сотскіе и десятскіе провѣряютъ, чтобы никто изъ постороннихъ, къ жителямъ селенія не принадлежащій, въ группѣ не былъ. Если же случайно кто-либо изъ постороннихъ тутъ явился и не будетъ времени его совсѣмъ удалить, то онъ становится за группу подъ надзоръ полиціи или благонадежныхъ лицъ.

3. Отъ линіи проѣзда группы стоятъ около 10 саженьей.

4. Расходятся жители могутъ съ разрѣшенія старшаго полицейскаго офицера, когда послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

5. При въѣздѣ въ селеніе разрѣшается жителямъ устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами.

Нижній-Новгородъ, Іюля 3-го дня 1903 г.

Губернаторъ

№ 3500. Генераль-Лейтенантъ Унтербергеръ.¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

IV.

Приказъ членамъ добровольной охраны по пути слѣдованія Высочайшихъ особъ изъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Члены добровольной охраны должны становиться на мѣста и въ часъ, указанный начальниками отрядовъ. Во время Высочайшаго проѣзда они сходить съ своихъ мѣстъ не должны, а послѣ проѣзда могутъ расходиться по указанію начальниковъ отрядовъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

2. При разстановкѣ на мѣстахъ всѣ котомки, какъ охранниковъ, такъ и тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которые будутъ остановлены по пути и поставлены позади членовъ охраны, относятся на нѣсколько десятковъ сажень въ тылъ охраны, тамъ складываются, а разбираются лишь послѣ Высочайшаго проѣзда.

Въ рукахъ ни у охранниковъ, ни у постороннихъ лицъ не должно быть никакихъ предметовъ кромѣ шапокъ.

3. При Высочайшемъ проѣздѣ воспрещается становиться на колѣни съ цѣлью подачи какихъ бы то ни было бумагъ и прошеній. Если же кто-либо желаетъ подать Государю Императору прошеніе, то онъ такое долженъ передать начальнику

отряда, которымъ оно будетъ передано по начальству и ни одно изъ поданныхъ въ такомъ порядкѣ прошеній не останется не доложеннымъ Государю.

4. Лица, которыя бросятся впередъ для подачи прошеній, или съ другими цѣлями, члены охраны должны задержать и передать въ распоряженіе полиціи.

5. Такъ какъ въ день Высочайшаго проѣзда, въ опредѣленный часъ по указанію начальника отряда, всякое движеніе по пути будетъ приостановлено, то въ случаѣ появленія потомъ на немъ, а равно въ прилегающей къ нему мѣстности лицъ, не участвующихъ въ охранѣ, не принадлежащихъ къ составу полиціи или воинскихъ частей, или не имѣющихъ на это разрѣшенія губернатора, таковыя должны задерживаться и съ ними будетъ поступлено по указанію начальника отряда, до этого же ихъ слѣдуетъ держать подъ строгимъ надзоромъ за ближайшими группами охранниковъ.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться посторонняя публика, не позволять ей порвать цѣпь и становиться впереди за исключеніемъ тѣхъ лицъ, коимъ это будетъ начальникомъ отряда разрѣшено.

7. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будетъ стоять посторонняя публика, сотники и десятники должны во время Высочайшаго проѣзда стоять такъ, чтобы видѣть проѣзжающіе экипажи, а равно посторон-

нюю публику для наблюденія, не происходит ли тамъ чего-либо подозрительнаго.

8. При всякихъ недоразумѣнїяхъ члены охраны должны руководствоваться указанїями начальниковъ отрядовъ.

Нижній-Новгородъ, Юля 3-го дня 1903 г.

Губернаторъ

Генераль-Лейтенантъ Унтербергеръ.¹⁾

Намъ кажется, что комментарїи къ этимъ документамъ излишни. Ихъ сухой официальный языкъ говоритъ достаточно ясно.

Но вѣдь таже самая картина наблюдалась уже въ первый годъ царствованія Николая, хотя бы во время коронаціи. Таже самая картина наблюдается и по сей день.

„Москва готовится къ Высочайшей встрѣчѣ. Это замѣтно и всѣми чувствуется. Прежде всего участились аресты. Не хватаетъ даже мѣста въ тюрьмахъ. Дѣло доходитъ до курьезовъ. Такъ, къ профессорамъ являются студенты съ просьбой проэкзаменовать ихъ не въ очередь, теперь же. „Да зачѣмъ вамъ это?“ — „А, видите ли, г. профессоръ, насъ арестовали, но, за неимѣніемъ мѣста въ тюрьмахъ, пока отпустили на честное слово: мы обязались прїйти и сѣсть, когда прїѣдетъ государь.“ Студентовъ иногороднихъ призываютъ гг. субъ-инспектора и предлагаютъ: не хотите ли

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

уѣхать въ отпускъ сейчасъ? Сѣтается студентъ, беретъ отпускъ. Не правда ли, въ какой трогательной формѣ выражается отеческое „сердечное попеченіе“?

„Особенную дѣятельность развиваетъ и обыкновенная полиція. По улицамъ предстоящаго слѣдованія государя особыми комиссіями денно и ночью производится осмотръ дворовъ. Подвальные помѣщенія и чердаки опечатываются уже за двѣ недѣли; ходитъ туда воспрещается. Комиссіи ведутъ себя дѣловито. Они состоятъ изъ пары полицейскихъ чиновъ, да какихъ-то техниковъ ватерклозетнаго типа — все это ходитъ съ портфелями, по ученому. Объявлено распоряженіе о непрерывномъ — днемъ и ночью — прописываніи видовъ на жительство по участкамъ, такъ что теперь прибывающіе даже на нѣсколько часовъ не могутъ остаться безъ „извѣстности“ для полиціи.

„Усердіе особенно смѣшно сказывается въ зачумленіи улицъ: по приказу всюду красятъ вывѣски и стѣны. Вонь нестерпимая каждый разъ встрѣчаетъ царя. Маляры дерутъ, работаютъ прескверно, а начальство заставляетъ. Одного домовладѣльца заставили, околотить досчатой плотной броней цѣлый пятиэтажный домъ недостроенный — какъ бы изъ пустыхъ оконъ не выстрѣлило!...“¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

Мы бы могли заполнить всю книгу тому подобными бытовыми картинками, показывающими къ чему привелъ „избранный“ Николаемъ путь, но ограничимся тѣмъ, что приведемъ лишь еще одинъ любопытный случай изъ Курска.

Во время пребыванія государя въ этомъ городѣ, обыватели имѣли право свободного хожденія по улицамъ, лишь по полученіи на то разрѣшенія изъ полиціи. И въ видѣ „пропуска“ полиція имъ давала зеленый или — желтый билетъ.

Царь и — желтый билетъ!

Не снова ли это иронія судьбы, не снова ли это странный символъ, не менѣе оригинальный тѣмъ земной поклонъ царя агентамъ охраннаго отдѣленія?

Но, этотъ символъ истолковывается неправильно! „Царь и желтый билетъ“ — по объясненію либеральнаго обывателя обозначаетъ, что царь находится подъ контролемъ, что царь изолированный отъ народа, (вспомните документы губернатора Унтербергера!), не вѣдаетъ истиннаго положенія вещей, и поэтому вполнѣ подпадаетъ подъ вліяніе бюрократовъ.

Итакъ „царь и желтый билетъ“ — слѣдуя этому объясненію — обозначаетъ: царь подъ контролемъ бюрократіи!

Мы привели достаточно матеріалу, чтобы читатель могъ убѣдиться, что царь самъ не желалъ

общенія съ народомъ, что онъ въ дѣйствительности не хотѣлъ вовсе знать всю правду. Онъ самъ окружилъ себя лѣсомъ штыковъ, провокаторами Азефами и Воскресенскими, которые его сопровождали на Полтавскія торжества, Сипягиными и Столыпинами, поддерживающими его на пути „незабвеннаго родителя“.

Не о „царѣ находящемся подъ контролемъ бюрократіи“ приходится намъ говорить, а о царѣ допускающемъ передъ свои „свѣтлыя очи“ лишь лицъ обладающихъ желтымъ билетомъ, о царѣ окружившемъ себя по собственной волѣ исключительно людьми достойными названія „желтобилетчиковъ“.

И если мы въ слѣдующихъ очеркахъ дадимъ характеристику великихъ князей, царскихъ друзей и опричниковъ, то не потому что мы видимъ въ нихъ лицъ, вертящихъ царемъ какъ имъ угодно, а потому что насъ интересуетъ вопросъ, кто удостоивается „желтаго билета“ — царскаго довѣрія, кто соратники Николая въ его борьбѣ за принципъ „когда захочу — отмѣню“, кто его послушные исполнители!

Августѣйшее Семейство.

Чрезвычайно заманчивой была бы задача нарисовать картину нравовъ и жизни „Августѣйшей Семьи“ Николая II.

Но останавливаться подробно на характеристикѣ каждаго изъ членовъ семьи Романовыхъ не входитъ въ наши задачи.

Намъ нужно разсмотрѣть „интимную жизнь“ Зимняго Дворца, лишь постолько, поскольку она намъ дастъ ключъ къ психологiи Николая II. Мы уже раньше пытались опровергнуть взглядъ, что въ симпатiяхъ Николая II замѣтны колебанiя подѣ влиянiемъ окружающихъ. Мы пытались показать, что въ дѣйствiяхъ царя никакихъ колебанiй не было замѣтно. Теперь же попытаемся доказать, что при дворѣ нѣтъ мѣста для борьбы взглядовъ и партiй; здѣсь лишь мѣсто для борьбы лицъ и группъ, на почвѣ личныхъ, матеріальныхъ интересовъ. По политическимъ убѣжденiямъ, по нравственному уровню — эта среда совершенно однородная.

Начнемъ же наше описанiе съ великокняжеской семьи.

Но передъ тѣмъ, какъ приступить къ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ, дадимъ

немного статистики.

„Основные законы точно опредѣляютъ титулы, какіе полагаются различнымъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ и княжнамъ крови императорской, кого звать цесаревичемъ, кого высочествомъ и т. д.“

Потомъ въ длинномъ рядѣ статей перечисляются гербы и ордена, какіе кому полагаются.

„Великіе князья уже при крещеніи получаютъ ордена: Св. апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла, Св. Анны и Св. Станислава первой степени. Это полагается за подвиги, совершенные великими князьями отъ рожденія до крещенія.“

„Великія княжны получаютъ при крещеніи только одинъ орденъ, именно Св. Екатерины.“

„Князья съ титуломъ Высочества получаютъ тѣ же ордена, но только при наступленіи совершеннолѣтія. Остальные князья императорской крови получаютъ ихъ на общемъ основаніи.“

„Въ неограниченныхъ монархіяхъ, какъ Россія, царь самъ опредѣляетъ свой цивильлисть. Въ Россіи цивильлисть существуетъ только съ конца XVIII столѣтія, со временъ Павла I. До него русскіе государи не отдѣляли своихъ личныхъ имуществъ отъ

государственныхъ, рассматривая всю Россію за свою личную собственность и распоряжаясь ею такъ какъ имъ было угодно. Павелъ I раздѣлилъ Россію на двѣ неравныя части; большую часть оставилъ, какъ государственную собственность, а меньшую взялъ себѣ, какъ свое личное добро. За царской фамиліей остались очень обширныя пространства земли и нѣсколько милліоновъ крестьянъ, которые получили названіе удѣльныхъ.“

„И теперь еще русскіе цари самые богатые люди на свѣтѣ; за удѣльнымъ вѣдомствомъ, т. е. въ собственности царской семьи, числится около одной сороковой части Россіи.“

„Но несмотря на это, царская семья беретъ еще изрядную сумму изъ государственнаго казначейства. По послѣднему бюджету на министерство императорскаго двора отпущено болѣе 16 милліоновъ рублей, причемъ сумма эта съ каждымъ годомъ увеличивается. Контроль надъ израсходованіемъ государственныхъ средствъ въ Россіи совершенно призрачный и подчиненъ тѣмъ лицамъ, которыя расходуютъ государственныя средства; но суммы, отпущенныя по министерству императорскаго двора, освобождены даже отъ этого контроля.“

„Изъ государственной казны получаютъ „жалованье“ императрица, наследникъ престола и его супруга, дѣти императора, внуки и правнуки его. Праправнуки содержанія уже не получаютъ, но за

то имъ даются заповѣдныя имѣнія, приносящія ежегодно не менѣе 100 000 руб. дохода и принадлежащія ихъ роду.“

„Императрица получаетъ изъ государственной казны 200 000 руб. въ годъ и кромѣ того содержаніе двора. Это „жалованье“ сохраняется и въ вдовствѣ, если императрица остается въ Россіи. Если же она переѣзжаетъ жить за границу, то она получаетъ только половину этого. Наслѣднику престола дается изъ государственной казны 100 000 руб., его женѣ — 50 000 руб. въ годъ. Въ вдовствѣ послѣдняя получаетъ, живя въ Россіи, 100 000 руб. на содержаніе двора, живя за границей — половину того.“

„Кромѣ того изъ государственной казны берется приданное для великихъ княженъ и княженъ крови императорской.“

„... Одной прислуги въ различныхъ царскихъ и великокняжескихъ дворахъ насчитывается до 20 000 человекъ...“¹⁾

* * *

Предпослать эту статистику было необходимо!
Уже сами по себѣ „финансовыя операціи“ великихъ князей чудовищны!

Но, чтобы понять всю алчность, всю необуз-

¹⁾ см. ук. лп. А. 10.

данность аппетитовъ царскихъ родственниковъ, нужно было указать, какія суммы уже сами собой попадаютъ въ ихъ карманы и всетаки не удовлетворяютъ ихъ, всетаки не удерживаютъ отъ попытокъ „*corriger la fortune*“.

Послѣ этихъ оговорокъ приступимъ къ характеристикѣ членовъ „Августѣйшей Семьи“.

Вел. князь Алексѣй Александровичъ.

Начнемъ нашу характеристику съ „лучшаго изъ великихъ князей, дядевъ Николая Второго“.

„Дѣйствительно — Алексѣй былъ лучшимъ изъ нихъ. На его памяти не оставалось пятенъ крови, пролитой собственными его руками. Онъ не устраивалъ Ходынки, какъ младшій братъ его, казненный Каляевымъ, Сергѣй. Онъ не подстрекалъ царя къ пролитію народной крови 9-го января, какъ его старшій братъ Владимиръ.

Онъ только кралъ.

А на краденныя деньги игралъ въ азартныя игры и бабничалъ. Отъ ранней юности до послѣдняго дня своего.

Алексѣй съ дѣтства былъ назначенъ отцомъ своимъ, императоромъ Александромъ Вторымъ, къ службѣ по флоту и записанъ въ морское училище. Но въ классы онъ не ходилъ, а путался по разнымъ театрикамъ и трактирчикамъ, въ веселой ком-

паніи французскихъ актрисъ и танцовщицъ. Одна изъ нихъ, по фамиліи Мокуръ, совсѣмъ его замотала.

— Не посовѣтуешь ли ты, — спрашивалъ Александръ Второй военнаго министра Милютина, — какъ заставить Алексѣя, чтобы посѣщалъ уроки въ училищѣ?

Милютинъ отвѣчалъ:

— Единственное средство, Ваше Величество: назначте учителемъ госпожу Мокуръ. Тогда великаго князя изъ училища и не вызывать.

Такого-то ученаго моряка императоръ Александръ Третій, родной братъ его, не побоялся назначить генералъ-адмираломъ — главою и хозяиномъ русскаго флота.

Постройка броненосцевъ и портовъ, золотое дно для всякаго нечестнаго человѣка, охочаго погрѣть руки около народнаго имущества. Генералъ-адмиралъ Алексѣй, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ на игру и женщинъ, двадцать лѣтъ преобразовывалъ русскій флотъ. Безсовѣстно грабилъ казну самъ. Не меньше грабили его любовницы и сводники, поставлявшіе ему любовницъ.

Самъ Алексѣй ничего не смыслилъ въ морскомъ дѣлѣ и совершенно не занимался своимъ вѣдомствомъ. Примѣръ его, какъ начальника, шелъ по флоту сверху внизъ. Воровство и невѣжество офицеровъ росли съ каждымъ годомъ, оставаясь совер-

шенно безнаказанными. Жизнь матросовъ сдѣлалась невыносимою. Начальство обкрадывало ихъ во всемъ: въ пайкѣ, въ чаркѣ, обмундировкѣ. А чтобы матросы не вздумали противъ поголовнаго грабежа бунтовать, офицерство запугивало ихъ жестокими наказаніями и грубымъ обращеніемъ. И продолжалось это безобразіе ни много, ни мало — двадцать лѣтъ слишкомъ.

Ни одинъ подрядъ по морскому вѣдомству не проходилъ безъ того, чтобы Алексѣй съ бабами своими не отщипнулъ половину, а то и больше. Когда вспыхнула японская война, русское правительство думало прикупить нѣсколько броненосцевъ у республики Чили. Чилийскіе броненосцы пришли въ Европу и стали у итальянскаго города Генуи. Здѣсь ихъ осмотрѣли русскіе моряки. Такіе броненосцы нашему флоту и не снились. Запросили за нихъ чилийцы дешево: почти свою цѣну. И что же? Изъ-за дешевизны-то и разошлось дѣло. Русскій уполномоченный, Солдатенковъ, откровенно объяснилъ:

— Вы должны просить, по крайней мѣрѣ, втрое дороже. Потому что иначе намъ не изъ за чего хлопотать. Шестьсотъ тысячъ съ продажной цѣны каждаго броненосца получить великій князь. Четыреста тысячъ надо дать госпожѣ Валетта. А что же останется на нашу то долю — чинамъ морского министерства?

Чилийцы, возмущенные наглостью русскихъ вѣточниковъ, заявили, что ихъ правительство отказывается вести переговоры съ посредниками, завѣдомо недобросовѣстными. Японцы же, какъ только русская сдѣлка разстроилась, немедленно купили чилийскіе броненосцы. Потомъ эти самые броненосцы топили наши корабли при Цусимѣ.

Госпожа Балетта, для которой Солдатенковъ требовалъ съ чилийцевъ четыреста тысячъ рублей, — послѣдняя любовница Алексѣя, французская актриса. Не давъ крупной взятки госпожѣ Балетта, ни одинъ предприниматель или подрядчикъ не могъ надѣяться, что великій князь даже хоть приметъ его и выслушаетъ.

Одинъ французъ изобрѣлъ необыкновенную морскую торпеду. Она поднимаетъ могучій водяной смерчъ и топить имъ суда. Французъ предложилъ свое изобрѣтеніе русскому правительству. Его вызвали въ Петербургъ. Но здѣсь — только за то, чтобы произвести опытъ въ присутствіи Алексѣя, — съ него спросили для госпожи Балетта двадцать пять тысячъ рублей. Французъ не имѣлъ такихъ денегъ и поѣхалъ во свояси, не солоно хлебавъ. Въ Парижѣ явился къ нему японскій чиновникъ и купилъ его изобрѣтеніе за большія деньги.

— Видите ли, — сказалъ японецъ, — нѣсколькими мѣсяцами раньше, мы заплатили бы вамъ го-

раздо дороже, но теперь у насъ изобрѣтена своя торпеда, сильнѣе вашей.

— Тогда зачѣмъ же вы покупаете мою?

— Просто затѣмъ, чтобы ея не было у русскихъ.

Какъ знать, не подобная ли торпеда опрокинула „Петропавловскъ“ и утопила экипажъ его вмѣстѣ съ Макаровымъ — единственнымъ русскимъ адмираломъ, который походилъ на моряка и сколько-нибудь смыслилъ въ своемъ дѣлѣ?

Въ послѣднія десять лѣтъ жизни Алексѣемъ вертѣла, какъ пѣшкой, Балетта. Раньше генераль-адмиральшею была Зинаида Дмитриевна, герцогиня Лейхтенбергская, урожденная Скобелева (сестра знаменитаго „бѣлаго генерала“). Къ этой чины морского вѣдомства ходили съ прямыми докладами, помимо Алексѣя. А онъ безпечно подписывалъ все, чего его красавица хотѣла.

Краснымъ днямъ генераль-адмирала Алексѣя положила конецъ японская война. У японцевъ на Тихомъ океанѣ оказались быстроходные крейсера и броненосцы, а у насъ — старья калоши. Какъ хорошо генераль-адмиралъ обучалъ свой флотъ, вотъ свидѣтельство: „Цесаревичъ“ впервыя стрѣлялъ изъ орудій своихъ въ томъ самомъ бою, въ которомъ японцы издырявили его въ рѣшето. Офицеры не умѣли командовать. Суда не имѣли мор-

скихъ картъ. Пушки не стрѣляли. То и дѣло топили своихъ, либо нарывались на собственныя мины. Тихоокеанская эскадра засѣла въ Портъ-Артуръ, какъ ракъ на мели. Послали на выручку балтійскую эскадру адмирала Рождественскаго. Тотъ, когда дѣло дошло до собственной шкуры, доложилъ царю, что итти не съ чѣмъ: брони на броненосцахъ — металлическія лишь чуть сверху, а снизу деревянныя. Увѣряютъ, будто царь сказалъ тогда Алексѣю:

— Лучше бы ты, дядя, воровалъ вдвое, да хоть брони-то строилъ бы настоящія!

Послѣ гибели „Петропавловска“ Алексѣй имѣлъ глупость показаться въ одномъ петербургскомъ театрѣ вмѣстѣ съ своею любовницею Балетта, обвѣшанною брилльантами. Публика чуть не убила ихъ обоихъ. Швыряли въ нихъ апельсинными корками, афишами, чѣмъ попало. Кричали:

— Эти брилльанты куплены на наши деньги! Отдайте! Это — наши крейсера и броненосцы! Подайте сюда! Это — нашъ флотъ!

Алексѣй пересталъ выѣзжать изъ своего дворца, потому что на улицахъ ему свистали, швыряли въ карету грязью. Балетта успѣшила убраться за границу. Она увезла съ собою нѣсколько милліоновъ рублей чистыми деньгами, чуть не гору драгоценныхъ камней и рѣдкостное собраніе русскихъ старинныхъ вещей. Это ужъ, должно быть, на па-

мать о русскомъ народѣ, который они съ Алексѣемъ ограбили.

Цусима докончила Алексѣя. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одинъ флотъ не испытывалъ болѣе глупаго и жалкаго пораженія. Тысячи русскихъ людей пошли на дно, вмѣстѣ съ калошами-судами и пушками, которыя не дострѣливали до непріятеля. Нѣсколькихъ часовъ японской пальбы достаточно было, чтобы отъ двадцатилѣтней воровской работы Алексѣя съ компаніей остались только щепки на волнахъ. Все сразу сказалось: и грабительство подлецовъ-строителей, и невѣжество бездарныхъ офицеровъ, и ненависть къ нимъ измученныхъ матросовъ. Накормилъ царевъ дядя рыбъ Желтаго моря русскими мужицкими тѣлами, въ матросскихъ рубахахъ и солдатскихъ шинеляхъ!

Послѣ отставки своей, Алексѣй перекочевалъ за границу, со всѣми накраденными богатствами своими, подъ бочокъ къ своей Балетта. Накупилъ дворцовъ въ Парижѣ и другихъ пріятныхъ городахъ и сорилъ золото, украденное у русскаго народа, на дѣвокъ, пьянство и азартныя игры, покуда не померъ отъ случайной простуды.

По смерти его, французскія газеты хотѣли составить жизнеописаніе Великаго князя Алексѣя, чѣмъ онъ отличался. Но, кромѣ кутежей и похожденій по бабьей части, никто ничего не могъ припомнить. И вотъ — самымъ замѣчательнымъ

дѣломъ Алексѣя оказалось, что однажды онъ, вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, въ теченіе цѣлой недѣли, „изучали Парижъ“: посѣтили всѣ развратные дома, игорные притоны и воровскіе вертепы. У парижскихъ хулигановъ это время такъ и осталось въ памяти: „недѣля великихъ князей“¹⁾

Такъ описываетъ вел. кн. Алексѣя газета „За Народъ“, въ посвященномъ ему некрологѣ.

Признавая эту характеристику точной и правильной, мы по-неволѣ должны воскликнуть: „ужъ не Алексѣя ли считалъ обыватель „либераломъ“ — виновникомъ колебаній царя?“

* * *

Вел. князь Сергѣй Александровичъ.

„4-го февраля въ г. Москвѣ Боевой Организацией Партіи Соціалистовъ-Револүціонеровъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ вел. княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Кромѣ кучера, изъ постороннихъ отъ взрыва никто не пострадалъ.“²⁾

Такъ гласило „заявленіе“ партіи соціалистовъ-револүціонеровъ, которымъ доводилось до свѣдѣнія общества, что по ея приговору лишенъ жизни членъ семьи Романовыхъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 3.

²⁾ см. ук. лит. Б. 15.

Уже 3-го февраля стоялъ Иванъ Каляевъ съ бомбой въ рукахъ поджидая свою жертву. Улица была темна и пустынна, и бросивъ бомбу, онъ могъ бы скрыться. Но вотъ подъѣхала карета, и въ ней вмѣстѣ съ великимъ княземъ оказались его жена и племянники.

Каляевъ бомбы не бросилъ: онъ не хотѣлъ лишить жизни невинныхъ дѣтей и женщину.

Онъ предпочелъ привести въ исполненіе покушеніе 4-го февраля, когда надежды спастись не было. Цѣною собственной жизни онъ спасъ жену и племянниковъ великаго князя.¹⁾

За что былъ убитъ Сергѣй? Не менѣе чѣмъ Алексѣй онъ воровалъ и развратничалъ. Даже еще больше. Алексѣй лишь кралъ деньги, Сергѣй кралъ и вымогалъ. Алексѣй тратилъ деньги на баллеринъ; Сергѣй не гнушался и ими, но предпочиталъ имъ молоденькихъ мальчиковъ или рослыхъ гвардейцевъ. И все-таки онъ не подпалъ бы карѣ революціонеровъ и мирно, какъ его братъ Алексѣй прожилъ свой вѣкъ, если бы царской волей не былъ поставленъ на одинъ изъ высочайшихъ постовъ имперіи. Дѣятельность Сергѣя въ качествѣ московскаго генераль-губернатора, облеченнаго неограниченной властью, вошляла о возмездіи.

Вотъ что заявилъ объ этомъ Иванъ Каляевъ передъ военнымъ судомъ:

¹⁾ см. ук. лит. Б. 1а.

„Дѣятельность, вліяніе вел. кн. Сергѣя тѣсно связано со всѣмъ царствованіемъ Николая II, отъ самаго начала его. Ужасная ходынская катастрофа и роль въ ней Сергѣя были вступленіемъ въ это злочастное царствованіе. Разслѣдовавшій еще тогда причины этой катастрофы гр. Паленъ сказалъ, въ видѣ заключенія, что нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственные посты.“

„И вотъ, Боевая Организція П. С.-Р. должна была безотвѣтственного передъ закономъ великаго князя сдѣлать отвѣтственнымъ передъ народомъ.“

„Конечно, чтобы подпасть подъ революціонную кару, вел. кн. Сергѣй долженъ былъ накопить и накопилъ безчисленное количество преступленій передъ народомъ. Дѣятельность его проявлялась на трехъ различныхъ поприщахъ.“

„Какъ московскій генераль-губернаторъ, онъ оставилъ по себѣ такую память, которая заставляетъ блѣднѣть даже воспоминаніе о пресловутомъ Закревскомъ. Полное пренебреженіе къ закону и безотвѣтственность вел. князя сдѣлали изъ Москвы, поистинѣ, какое то особое великокняжество. Преслѣдованіе всѣхъ культурныхъ начинаній, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ, гоненіе на бѣдняковъ-евреевъ, опыты политическаго развращенія рабочихъ, преслѣдованіе всѣхъ протестующихъ противъ современнаго строя — вотъ въ ка-

кого рода дѣяніяхъ выражалась роль убитаго, какъ маленькаго самодержца Москвы.“

„Во вторыхъ, какъ лицо, занимающее видное мѣсто въ правительственномъ механизмѣ, онъ былъ главой реакціонной партіи, вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ попытокъ, покровителемъ всѣхъ наиболѣе яркихъ и видныхъ дѣятелей политики насильственнаго подавленія всѣхъ народныхъ и общественныхъ движеній. Еще Плеве заѣзжалъ къ вел. кн. Сергѣю за совѣтами передъ своей знаменитой поѣздкой въ Троицкую Лавру, за которой послѣдовала поѣздка на усмиреніе полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ. Его другомъ былъ Сипягинъ; его ставленникомъ былъ Боголѣповъ, затѣмъ Звѣревъ. Все политическое направленіе правительства отмѣчено его вліяніемъ. Онъ проводитъ на мѣсто Святополка своихъ ставленниковъ, Булгина и Трепова, роль котораго въ кровавыхъ январскихъ событіяхъ слишкомъ извѣстна.“

„Наконецъ, третье поприще его дѣятельности, гдѣ роль его была наиболѣе значительной, хотя и наименѣе извѣстной: это — личное вліяніе на царя. „Дядя и другъ государевъ“ выступаетъ здѣсь, какъ наиболѣе безошадный и неуклонный представитель интересовъ династіи.“¹⁾

Но разумѣется, что это „вліяніе“ не проявля-

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

лось въ томъ, что Сергѣй доказывалъ выгодность для царя самодержавія, которую его племянникъ и самъ хорошо понималъ.

Нѣтъ, онъ лишь давалъ ему совѣты, какъ потошить въ морѣ крови революцію, какъ распространить ходынское угощеніе на всю Россію. Закончимъ его характеристику прокламаціей, изданной по поводу его смерти¹⁾

„Сергѣя, знаменитаго „Князя Ходынскаго“, не стало.“

„Его не стало въ знаменательный моментъ. Взрывъ революціонной бомбы прервалъ эпоху полного торжества этого человѣка, явившагося въ послѣдніе, кровью народной отмѣченные дни, опорой крайней и безпощадной реакціи.“

„И безпощадному не было пощады.“

„Въ апогеѣ вліянія Сергѣя, въ тотъ самый моментъ, когда онъ ссудилъ царю своихъ испытанныхъ московскихъ клеветовъ и прислужниковъ на высшія государственныя должности, когда Булыгинъ принялъ наслѣдство Плеве, непосильное для Святополка-Мирскаго, когда Треповъ взялся потошить въ потокахъ рабочей крови мирныя домогательства петербургскаго пролетаріата, когда „партія великихъ князей“ торжествовала, — громовой взрывъ, потрясшій старый Кремль, неожиданно начерталъ грозное „мене, текель, фаресъ“

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

передъ испуганными взорами царскаго семейства и его наемниковъ...“

„Неожиданный? Но его слѣдовало ожидать, его нельзя было не ожидать. Всего два мѣсяца тому назадъ Московскій Комитетъ Партіи Соціалістовъ-Револуціонеровъ, организовавъ демонстрацію, предупреждалъ Сергѣя и его вѣрныхъ опричниковъ, что „возложить на нихъ отвѣтственность“ за избіенія, если они будутъ допущены по образцу только что свершившихся петербургскихъ избіеній. Московскій Комитетъ П. С.-Р. предупреждалъ, что наша партія „не остановится передъ тѣмъ, чтобы „казнить“ виновниковъ.“

„Онъ былъ открыто предупрежденъ. Онъ не внялъ предупрежденію. Избіеніе демонстрантовъ было ужасно. Треповъ и Булыгинъ, бравировавшіе угрозы револуціонеровъ, вліаніемъ Сергѣя вознесены на высшіе посты въ имперіи. Ихъ патронъ, неустанно протестовавшій противъ „весеннихъ вѣяній“ Святополка-Мирскаго, не разъ грозившій отставкой и пустившій въ ходъ все свое вліаніе на „племянника“, дождался своего. Тотъ способъ отвѣта на народное движеніе, который его подчиненные испробовали на улицахъ Москвы, былъ примѣненъ тѣми же подчиненными въ увеличенномъ масштабѣ, на улицахъ Петербурга и цѣлаго ряда другихъ городовъ. Пролитая народная кровь взывала къ отпору, къ возмездію.“

„И возмездіе началось. Первой жертвой его долженъ былъ быть Сергѣй. Онъ долженъ былъ узнать, что угрозы революціонеровъ не расточаются на вѣтеръ, что предостереженія ихъ — не пустые звуки. И онъ полностью узналъ — или, лучше сказать, далъ всѣмъ узнать это. Его собственная кровь, его бездыханный трупъ явился самымъ вѣскимъ и неопровержимымъ аргументомъ.“

„Кровь за кровь...“

„Сергѣй, устроившій царскую коронацію на трупахъ Ходынского поля, кончилъ тѣмъ, чѣмъ и началъ. Снова, вторично содѣйствовалъ онъ тому, чтобы царь пронесъ свою — пока еще спасенную — корону по окровавленнымъ трупамъ. Но на этотъ разъ не безнаказанно.“

„Возмездіе началось. Оно разростется. Разрозненные удары террора и наступленіе сомкнутыхъ рабочихъ колоннъ сливаются все тѣснѣе и неразрывнѣе. Кто еще пообѣщаетъ, по образцу Плеве, остановить это вліяніе, и обезпечить изветшавшія стѣны дворцовъ отъ конечнаго паденія? „Кто скажетъ бурѣ—стань на мѣстѣ? Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?“....

* * *

*

Вел. кн. Владиміръ Александровичъ.

Та же участь что и Сергѣю, грозила и Владиміру Александровичу. И противъ него было подготовлено покушеніе. Но лишь благодаря предательству провокатора Азева, о которомъ еще придется говорить впослѣдствіи, жизнь Владиміра была спасена.

Не на долго.

Организмъ его, несмотря на богатырское сложеніе, былъ настолько истощенъ алкоголемъ, постоянными кутежами, оргіями, парижскими „недѣлями великихъ князей“ и т. д., что уже въ 1909 г. онъ скончался.

Также какъ и его братья, онъ мастерски умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы высасывать милліоны изъ голодающей Россіи, а затѣмъ ихъ проматывать за зеленымъ столомъ или въ будуарахъ парижскихъ кокотокъ.

Шведскій публицистъ Уларъ составилъ табличку „регулярныхъ“ доходовъ Владиміра Александровича.

Въ качествѣ великаго князя Владиміръ получаетъ $2\frac{1}{2}$ милліона рублей ежегодно. Его „частный капиталъ“, земли, лѣса, рудники и т. д., подаренныя отцомъ, даютъ ему еще полтора милліона ежегодно. 24 000 рублей (кромѣ наградныхъ) онъ получаетъ въ качествѣ генерала. 50 000 въ качествѣ начальника петербургскаго

военнаго округа; 40 000 какъ членъ Государственнаго Совѣта; 25 000 какъ членъ Комитета министровъ; 30 000 какъ предсѣдатель Академіи искусствъ. И наконецъ безчисленныя мелкія суммы въ качествѣ члена различнѣйшихъ комиссій, которыхъ онъ никогда не посѣщаетъ.¹⁾

Но этого Владиміру казалось мало.

Гдѣ онъ только могъ, онъ кралъ. Первый крупный „кушъ“ ему удалось сдѣлать при постройкѣ церкви въ память его же отца. Будучи предсѣдателемъ комитета по постройкѣ этой церкви, онъ стащилъ тутъ цѣлыхъ 35 милліона рублей.

Во время русско-японской войны въ „карманахъ Владиміра“ исчезали десятки артиллерійскихъ орудій, тысячи паръ солдатскихъ сапоговъ, полушубковъ и т. д., и т. д.²⁾

Иногда, какъ при постройкѣ церкви, дѣло раскрывалось. Но Владиміръ оставался безнаказаннымъ: великіе князя отвѣчаютъ лишь передъ семейнымъ судомъ.

Понятно поэтому, почему Владиміръ всѣми силами пытался сохранить тотъ строй, при которомъ ему такъ хорошо жилось.

И понятно поэтому, что увидѣвъ 9-го января, даже при мирномъ намѣреніи толпы, опасность

¹⁾ см. ук. лит. А. 21.

²⁾ Ibidem.

угрожающую этому строю, и тѣмъ самымъ его собственному карману, онъ приказалъ перестрѣлять тысячи безоружныхъ людей, чтобы спасти свои милліоны рублей.

И этимъ приказомъ, даннымъ имъ Трепову, встрѣтить толпу градомъ пуль, онъ показалъ, что и онъ достойный родичъ Николая.

Алексѣй — Цусима.

Сергѣй — Ходынка.

Владиміръ — 9-ое января.

Да везеть Николаю на дядя!

Особенно подробно мы остановились на характеристикѣ трехъ великихъ князей: Алексѣя, Сергѣя и Владиміра.

Мы выбрали именно ихъ, потому что они казались намъ наиболѣе характерными, типичными представителями дома Романовыхъ.

Но разумѣется, что мы могли бы пополнить эту галерею еще многими интересными портретами.

Вотъ на примѣръ:

Александръ Михайловичъ.

Александръ Михайловичъ, женатъ на Ксеніи, любимой сестрѣ царя, и пользуется поэтому особеннымъ расположеніемъ Николая.

Онъ не такъ извѣстенъ, какъ дядя Николая,

но никоимъ образомъ не уступаетъ имъ въ предприимчивости для добыванія деньжонокъ. Такъ какъ военный флотъ уже служилъ для пополненія кармановъ Алексѣя, то Александръ Михайловичъ взялъ на себя управленіе торговымъ флотомъ, которое состояло въ томъ, что онъ бралъ миллионы взятки у различныхъ поставщиковъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялу и однимъ изъ тѣхъ, которые особенно усердно проповѣдывали войну съ Японіей.¹⁾

Благодаря его протекціи Безобразовъ сдѣлался статсъ-секретаремъ, а Алексѣевъ — намѣстникомъ.

Типичный черносотенецъ по убѣжденіямъ, онъ живеть душа въ душу съ Николаемъ и пользуется непрерывно царскимъ довѣріемъ.

* * *

Николай Николаевичъ.

Этотъ прогремѣлъ на весь свѣтъ также благодаря поразительнымъ способностямъ къ казнокрадству, способностямъ поразительнымъ даже по русскимъ понятіямъ. Но затѣмъ и о немъ перестали говорить. Въ концѣ концовъ кто изъ вели-

¹⁾ см. ук. лит. А. 21.

кихъ князей не казнокрадъ? Немного больше, немного меньше — не все ли равно?

Но вотъ внезапно о немъ напомнило „Новое Время“. Сообщая о смертномъ приговорѣ надъ Коноплянниковой, газета добавила, что приговоръ утвержденъ начальникомъ гвардіи вел. кн. Николаемъ Николаевичемъ. Затѣмъ спохватившись, что проболтались, стали опровергать.¹⁾

Опроверженію никто не повѣрилъ. Вѣдь какъ разъ незадолго до этого офицерами одного изъ гвардейскихъ полковъ было совершено гнусное насиліе. По личному распоряженію Николая Николаевича слѣдствіе по этому дѣлу было немедленно прекращено.

Два раза были произведены покушенія на Николая Николаевича, но оба раза ему удалось спасти жизнь.

На долго-ли?

* * *

Марья Федоровна.

Главой реакціонной партіи въ домѣ Романовыхъ почему-то всегда считаютъ вдовствующую императрицу Марью Федоровну. Она якобы боролась съ Николаемъ въ началѣ его правленія, когда его симпатіи склонялась въ сторону прогресса.

¹⁾ см. ук. лит. А. 8а.

Но, увы, при дворѣ не было никакихъ партій — были лишь клики, и всѣ онѣ были реакціонными.

А что касается Николая, то мы уже убѣдились, что у него никогда никакихъ симпатій въ сторону прогресса не было. И поэтому его борьба съ матерью происходила въ совершенно другой плоскости.

Борьба велась за власть!

И интриги матери противъ сына объяснялись не недовольствомъ направленіемъ его политики, а желаніемъ захватить власть въ свои руки.

И интрига велась упорно. Сначала старались запугать Николая, заставить его добровольно отречься отъ престола. Когда революціонеры еще и не думали о томъ, чтобы казнить его, то придворные по порученію вдовствующей императрицы подбрасывали угрожающія письма, якобы написанныя революціонерами.¹⁾

Николай дрожалъ, трепеталъ, прятался за лѣсъ штыковъ, производилъ безчисленные аресты — но отъ престола не отказывался.

Тогда мать рѣшилась воспользоваться болѣзненнымъ состояніемъ сына. Ударъ, полученный имъ въ молодости отъ японца, повидимому не прошелъ безслѣдно.²⁾ Царь страдалъ ужасными головными

¹⁾ см. ук. лѣт. Б. 15.

²⁾ См. стр. 40—41.

болями, которыя не исчезали послѣ леченія, ни послѣ операціи. Къ тому появились какія-то странности. Всюду ему мерещилась паутина и онъ приказывалъ ее выметать.

Марья Ѳедоровна рѣшила объявить его слабоумнымъ и взять регентство въ свои руки.¹⁾

Уже велась агитація среди гвардейскихъ офицеровъ. Направлена она была и противъ царя и противъ его супруги, которую Марья Ѳедоровна особенно ревновала. Бывшія институтки рассказываютъ, что Марья Ѳедоровна пріѣзжала даже къ нимъ жаловаться на невѣстку: что та-де моль ее обижаетъ, не даетъ даже поиграть съ внучками и т. д.²⁾

Затѣя Маріи Ѳедоровны не удалась. Николай остался самодержавнымъ царемъ.

Не доказываетъ ли это, что онъ жилъ совершенно въ ладу со всѣми вел. князьями, что они вполне одобряли его политику, что не было у него никакихъ колебаній, а лишь планомѣрныя дѣйствія при помощи своихъ Августѣйшихъ Родственниковъ?

И что всѣ они были такими же убѣжденными черносотенцами, какъ и онъ самъ?

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

²⁾ см. ук. лит. Б. 15а.

Еще кое-что
про
Августѣйшую Семью.

Обывателю не хочется вѣрить, что „Августѣйшая Семья“ состоитъ сплошь изъ черносотенцевъ.

Уже не разъ намъ приходилось останавливаться на весьма распространенномъ взглядѣ о борьбѣ партій въ Зимнемъ Дворцѣ, о колебаніяхъ Николая, подъ вліяніемъ этихъ партій.

Во главѣ „либераловъ Зимняго Дворца“ почему-то всегда предполагали двухъ лицъ: молодую царицу и вел. князя Константина Константиновича.

Императрица Александра Федоровна.

Возможно, что будучи принцессой Гессенской, тогдашняя Алиса, была дѣйствительно прогрессивно настроена.

Весьма возможно, что она, вступая въ бракъ съ Николаемъ, мечтала о томъ, что благодѣтельствуетъ милліоны подданныхъ.

Но, увы, если это было такъ — то иллюзіи молодой принцессы скоро разсѣялись. Мало того — она примирилась съ своимъ положеніемъ, втянулась въ болото придворной жизни и въ немъ увязла.

Она была образованнѣе всѣхъ великихъ княгинь; окончила университетъ. Но это лишь воспламенило окружающихъ противъ нея. Они ненавидѣли ее за умственное превосходство и начали травлю противъ „снѣга чулка“.

Мы уже упоминали объ интригахъ вдовствующей императрицы.

Тутъ уже пришлось думать не объ „облагодѣтельствovanіи подданныхъ“, а о сохраненіи собственной позиціи. Тѣмъ болѣе, что положеніе становилось шаткое: вмѣсто ожидаемаго наследника царица рожала все дочерей.

Приходилось бороться противъ интригъ — контръ-интригами; приходилось становиться типичной обитательницей Зимняго Дворца, ассимилироваться своей средѣ, чтобы не стать ея жертвой.

Правда, будь императрица такимъ глубоко-честнымъ и идеалистически настроеннымъ человекомъ, какимъ ее рисуютъ иностранныя газеты — она бы махнула на все рукой и вернулась бы въ свою родину, ужаснувшись моря крови и слезъ, видѣнныхъ ею.

Но, она не ужаснулась. Она вошла даже во вкусъ своего положенія.

И произошло это не въ теченіе долгихъ лѣтъ, послѣ упорной борьбы, сломавшей ее! Произошло это до того гладко и быстро, что слѣдуетъ лишь

удивляться, какъ это до сихъ поръ многіе вѣрятъ въ „либерализмъ“ молодой царицы.

„Императрицѣ вздумалось завести себѣ садъ у Зимняго Дворца. (Пронзошло это недолго спустя послѣ бракосочетанія съ Николаемъ).“

„Дворцовое управленіе, недолго думая, захватило часть городской дворцовой площади и, отгородивъ эту часть стѣной, стало устраивать садъ. Столичная дума, узнавъ о захватѣ уже послѣ того, какъ онъ совершился, нашла нужнымъ лишь оформить его и поспѣшила выдать разрѣшеніе на уступку дворцовому вѣдомству захваченнаго участка, хотя никто такого разрѣшенія не спрашивалъ. Такой удачный опытъ распоряженія имуществомъ столицы разлакомилъ царицу, и теперь она покушается захватить еще участокъ городской земли, впрочемъ уже не для себя, а для своего protégé!“

„Есть въ Петербургѣ нѣкій д-ръ Г., занимающійся главнымъ образомъ массажемъ высокопоставленныхъ лицъ. Массируетъ онъ также и царицу, которая очень довольна его услугами.“

„И вотъ какъ-то во время массажа онъ повѣдалъ высокой пациенткѣ мечту своей жизни. Онъ хотѣлъ бы построить ортопедическій институтъ, но у него нѣтъ денегъ, чтобы купить землю. А между тѣмъ у города С. Петербурга много земли, и докторъ-мечтатель даже присмотрѣлъ подходящій для него участокъ недалеко отъ М-ой набережной.“

„Александра Федоровна, любящая благотворить на чужой счетъ, нашла дѣло очень простымъ и взялась помочь бѣдѣ. Она позвала Плева и передала ему свое желаніе, чтобы городъ пожертвовалъ Г-у просимый имъ участокъ. „Благожелательный“ Плева, въ свою очередь, позвалъ городского голову и сообщилъ ему о желаніи царицы.“

„Тотъ такъ и ахнулъ! Дѣло въ томъ, что участокъ, который высмотрѣлъ мечтательный докторъ, стоитъ около милліона рублей!“

„На это указаніе Плева отвѣтилъ: „Это ужъ не мое дѣло!“ И онъ конечно правъ: дѣло министра вн. дѣлъ бороться съ революціей, а не охранять городскую землю отъ расхищенія.“

„Смущенная столичная управа попыталась поторговаться съ Г. и предложить ему другой участокъ городской земли не столь ужъ дорогой. Но Г. естественно отказался: зачѣмъ ему брать меньше, когда онъ можетъ взять больше.“

„Тогда управа рѣшила обратиться къ самой царицѣ съ смиреннымъ представленіемъ, что просимый участокъ слишкомъ дорогъ и нуженъ самому городу, и что управа готова пожертвовать Г.-у другой участокъ.“

„Но всѣ предложенія петербургской думы замѣнить выбранный ловкимъ аферистомъ участокъ городской земли какимъ-либо другимъ — были отклонены царицей!“

„Дума не рѣшилась болѣе сопротивляться и предподнесла Александрѣ Ѳедоровнѣ для ея массажиста участокъ земли размѣромъ 4200 кв. саж. и стоимостью въ 1 200 000 рублей!“¹⁾

Вотъ каковъ „либерализмъ“ бывшей принцессы Алисы Гессенской, нынѣ императрицы Александры Ѳедоровны!

* *
*

Константинъ Константиновичъ.

Онъ предсѣдатель Академіи Наукъ. Пописываетъ стихи. Умнѣе и „культурнѣе“ многихъ своихъ родственниковъ. Можетъ, если хочеть, быть мягкимъ и деликатнымъ, пріятнымъ въ обращеніи.

Все это создало ему славу „либерала“.

Но и въ немъ таятся душа „Романовыхъ“, и онъ можетъ громкимъ бурбонскимъ окрикомъ привести въ себя размечтавшихся Маниловыхъ, напомнить имъ, что всѣ Романовы — защитники „унаслѣдованнаго отъ отцовъ государственнаго строя“.

Читатели помнятъ вѣроятно, какъ Максимъ Горькій, находившійся лишь подъ слѣдствіемъ по политическому дѣлу, былъ лишенъ

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

званія почетнаго члена Академіи Наукъ, той самой Академіи, предсѣдателемъ которой состоялъ Константинъ.

Послѣ этого въ видѣ протеста добровольно отказались отъ званія почетнаго академика Чеховъ, Короленко и другіе.

Но еще ярче выступила личность Константина въ 1905 году.

Тогда какъ разъ наступилъ періодъ „весны“. Маниловы вѣрили въ добрую волю Николая, и въ безчисленныхъ петиціяхъ указывали на корень зла русской жизни, умоляя царя даровать конституцію.

Нѣкоторые петицій не подавали, а въ резолюціяхъ выражали свое мнѣніе о необходимости измѣненія государственнаго строя въ Россіи.

Вынесли въ январѣ 1905 г. такую резолюцію и 342 ученыхъ.

Среди этихъ 342 ученыхъ оказались и 16 дѣйствительныхъ членовъ Имп. Академіи Наукъ.

И этимъ 16-ти въ официальномъ заявленіи вел. князь Константинъ дѣлаетъ формальный выговоръ.

Онъ заявляетъ, что неизбежно полное разложеніе высшихъ учебныхъ заведеній, если профессора „разсуждаютъ о свободѣ научнаго изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы подавать учащимся примѣръ правильнаго теченія занятій“.

Онъ толкуетъ о „пониженіи нравственнаго

уровня профессорской коллегіи, когда ... этой коллегіи недостаточны частныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование“.

Онъ находитъ, „что неизбѣжна потеря уваженія и довѣрія къ учителямъ, когда эти толкуютъ объ элементарныхъ гарантіяхъ законности и, подписывая записку, сами нарушаютъ эту элементарную законность“.

И наконецъ онъ совѣтуетъ ученымъ, „не отвлекаясь разсужденіями о необходимости начала политической свободы, освободиться отъ содержанія, коимъ пользуются отъ презираемаго ими правительства“.¹⁾

Вел. князь получилъ достойную отвѣдь за этотъ циркуляръ. Въ негодующихъ письмахъ ученые протестовали противъ того, что они на содержаніи у правительства. Содержить ихъ своими средствами русскій народъ, и поэтому они считаютъ себя обязанными служить не правительству, а народу во имя его блага, его свободы и истинной науки.

Съ тѣхъ поръ что-то перестали говорить о либерализмѣ Константина Константиновича.

* * *

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

Молодежь.

Можетъ быть мы искали „либераловъ Зимняго Дворца“ не тамъ гдѣ слѣдуетъ?

Можетъ быть лишь „старики“ реакціонны, а прогрессистовъ нужно было искать среди молодежи?

Вѣдь не даромъ молодежь болѣе пылкая, свѣжая, отзывчивая и легче воспринимаетъ новыя идеи!

Въ западной Европѣ „оппозиціонерство“ молодыхъ принцевъ одно время было такъ сильно распространено, что либеральную партію называли „Kronprinzenpartei“ — „партія наследнаго принца“.

Въ Россіи все это не такъ. Мы видѣли, какъ жилъ Николай будучи цесаревичемъ. Точно также живетъ и вся молодежь изъ семьи Романовыхъ.

Даже въ самыя тяжелыя минуты, переживаемыя ихъ родиной, поведеніе этой молодежи не измѣняется.

Наоборотъ. Въ необыкновенномъ положеніи они видятъ новую и интересную обстановку подзадоривающую ихъ къ еще большему.

Характерныя въ этомъ отношеніи сцены передаетъ въ „Быломъ“ извѣстный публицистъ Купчинскій.

Онъ описываетъ пребываніе Бориса и Кирилла Владиміровичей на театрѣ военныхъ дѣйствій и рисуется такія яркія картины, которыя затмеваютъ

все известное пока о жизни велико-княжеской молодежи.

Такъ какъ Кириллъ и Борисъ являются типичными представителями этой молодежи, и известно дружеское расположеніе къ нимъ Николая, то мы подольше остановимся на бытовыхъ картинкахъ, нарисованныхъ Купчинскимъ.

Вотъ отрывки изъ нихъ:

„Дебоши Кирилла и Бориса Владиміровичей въ петербургскихъ ресторанахъ стали наконецъ „въ глазахъ общества“ компрометировать августѣйшихъ повѣсь.

— Надо отправить мальчиковъ провѣтриться —, говорилъ ихъ отецъ, Владиміръ Александровичъ.

И „мальчиковъ“ отправили.“

„Одного — старшаго — Кирилла — въ Портъ-Артуръ, въ штабъ адмирала Алексѣева на „Петропавловскъ“, а другаго — младшаго — къ Куропаткину въ Ляоянь. Последняго особенно нужно было на нѣкоторое время убрать изъ Петербурга, такъ какъ рядъ полученныхъ имъ пощечинъ отъ разныхъ лицъ, по разнымъ случаямъ его безчинствъ, заставили выйти его даже изъ Л.-Гв. Гусарскаго полка, въ которомъ онъ числился корнетомъ.“

„Снарядили „мальчикамъ“ особыя поѣзда, которые по пути своего путешествія къ театру войны, конечно, тормозили и портили все движеніе военныхъ поѣздовъ; послѣдніе задерживались, запазды-

вали изъ-за великокняжескихъ поѣздовъ, тогда какъ имѣвшаяся въ нашемъ распоряженіи одна желѣзнодорожная колея, конечно, и безъ того, плохо и не во-время доставляла какъ самихъ людей, такъ и припасы.

„Мальчикамъ“ дали особыя свиты.

Эти „свиты“ состояли изъ молодыхъ собутыльниковъ и товарищей по кабакамъ или полкамъ великихъ князей; кромѣ того, везлась безчисленная прислуга, любовницы, лошади, экипажи, собаки, рояли, вина и пр.

Когда эти поѣзда проѣзжали мимо какой-нибудь станціи, тамъ стоялъ невообразимый переполохъ. Дѣлать надо было даже невозможное, только бы пропустить поѣздъ. Начальники станціи теряли голову. Поѣзда съ необходимыми припасами, спѣшившими въ Артуръ, ставились надолго на запасные пути, лишь бы пропустить очень спѣшившихъ на войну великихъ князей.

Поѣздъ Бориса остановили въ Ляоянѣ, поставили на одномъ изъ запасныхъ путей, а Борисъ, прикомандированный къ штабу Куропаткина, получилъ возможность начать свою „дѣятельность“ на театрѣ военныхъ дѣйствій.“

„Необычная обстановка жизни „на войнѣ“, а, въ сущности, въ тылу войны, очень забавляла много видовъ выдавашаго уже на своемъ вѣку — молодого бездѣльника царской крови.

Пьянство, развратъ, карточная игра и дебоши, царившіе въ Ляоянѣ, поблѣднѣли передъ продѣлками Бориса.

Не имѣя ровно никакихъ дѣлъ, какъ всегда, — Борисъ сталъ забавляться.

Съ утра онъ выѣзжалъ со „свитой“, уже навеселѣ, по китайскимъ деревнямъ.

Безобразія, творившіяся тамъ, не поддаются никакому описанію. Для забавы Бориса насиловались и сѣклись китайскія дѣвушки и мальчики. Убѣждавшихъ прекратить распутство китайцевъ, вступавшихся за своихъ, — хватали и били, отрѣзывали косы, сѣкли и пр. Не разъ были высѣчены Борисомъ представители населеній, фудутуны и цян-зюны, пріѣзжавшіе просить опомниться и не обижать невинныхъ мирныхъ поселянъ. Часто цѣлыя китайскія депутаціи являлись къ Куропаткину съ жалобами на Бориса, но всѣ знали, что эти жалобы ничѣмъ не кончались. Говорили о томъ, что Куропаткинъ во всевозможныхъ формахъ дѣлалъ замѣчанія великому безобразнику, но тотъ мало этимъ смущался ...“

„Ночью изъ его вагоновъ раздавались женскіе крики, пѣсни и музыка, пьяные, перекликавшіеся голоса, визгъ и шумъ. Изъ маленькихъ оконъ пульмановскихъ вагоновъ рѣкой лился во тьму свѣтъ.

Солдаты шопотомъ передавали другъ другу, проходя :

— Здѣсь его высочество забавляться изволятъ.

Офицеры, прибывавшіе въ штабъ изъ дѣйствовавшихъ отрядовъ, проходили мимо великокняжескихъ потѣхъ запыленные, грязные, усталые, дрожащіе отъ негодованія и безсильнаго возмущенія.

Иногда Борисъ, нарядный, смѣющийся, надменный, окруженный друзьями-собутыльниками, стоя въ окнѣ своего „вагона-столовой“, острилъ громко по адресу проходившихъ по грязи офицеровъ и вся компанія — „свита“ — разражалась громкимъ, подобострастнымъ и злымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Все это видѣли солдаты, несшіе повсюду кругомъ и тутъ-же вблизи службу часовыхъ, разсылныхъ, ординарцевъ, деньщиковъ и пр.“

„Такъ забавлялся на войнѣ великій князь Борисъ Владимировичъ, двоюродный братъ царя Николая, устроившаго эту войну по наущенію Плеве, для того, чтобы „побѣдить и раздавить въ корнѣ революцію“, какъ выражался Плеве.

Какъ извѣстно, послѣдствія-то были иныя!“¹⁾

* * *

„Прикомандированный къ „Петропавловску“, собственно, въ штабъ главнокомандующаго и наместника Алексѣева, Кирилль обѣдая и ужиная въ офицерской столовой, частенько хвастался передъ

¹⁾ см. ук. лит. Б. 1 а.

своими товарищами-офицерами, рассказывая о себѣ и о братѣ, о похожденияхъ петербургскихъ, о кутежахъ и проказахъ веселой, безшабашной жизни.

Молодые офицеры слушали съ замираніемъ сердца хвастливые рассказы, завидовали и подобо-страстничали. Часто за общими обѣдами присутствовалъ адмиралъ Макаровъ; между послѣднимъ и Кирилломъ неоднократно происходили пререканія и недомолвки, вслѣдствіе которыхъ Кириллъ ходилъ часами надутый и недовольный.

— Тамъ вы — великій князь, а здѣсь вы — лейтенантъ флота, которымъ я команду, — сказалъ однажды Кириллу Макаровъ на общемъ обѣдѣ, когда тотъ позволилъ себѣ какую-то великокняжескую вольность.“

„... Когда въ роковое утро гибели „Петропавловска“ флотъ вышелъ въ море, какъ извѣстно, Кириллъ былъ на „Петропавловскѣ“. Борисъ былъ на одномъ изъ фортовъ и смотрѣлъ въ подзорную трубу; когда флагманское судно, страшнымъ взрывомъ подкинутае кверху, вдругъ какъ бы распалось на двѣ части и исчезло въ столбѣ воды, паровъ, огня и чернаго дыма, Борисъ закричалъ на форту, бросилъ трубу и побѣжалъ внизъ, не зная зачѣмъ. Его догнали съ лошадей и уговорили сѣсть.

— Въ Россію, въ Россію, все погибло! — кричалъ онъ своей свитѣ ... и галопомъ слѣшилъ къ вокзалу черезъ городъ.“

„... Тревожная вѣсть о гибели Макарова и „Петропавловска“ бѣжала изъ устъ въ уста, волнуня и мучая. На вокзалѣ я засталъ много жандармовъ и солдатъ, не пускавшихъ публику къ поѣзду.

На платформѣ, крича и ругаясь, ходилъ молодой офицеръ-кавалеристъ, изысканно одѣтый, чисто вымытый, съ франтовски подкрученными маленькими усами, въ звенящихъ шпорахъ — это былъ Борисъ.

Заложивъ въ карманы обѣ руки, онъ громко ругался послѣдними словами по адресу желѣзнодорожной прислуги, топалъ ногами и кричалъ.

Чиновники и служащіе почтительно толпились въ сторонѣ, противоположной той, гдѣ, мирно бесѣдуя и куря, стояли борисовы товарищи-собутыльники, такіе же нарядные и примазанные, какъ онъ, офицеры.

— Это, чертъ знаетъ, что такое! — неистовствовалъ Борисъ — я хочу ѣхать въ Россію, а вы не можете дать мнѣ поѣзда! Я требую сейчасъ же поѣзда! — далѣе слѣдовала неповторимая ругань.

— Ваше Высочество, — прикладывая дрожащія отъ испуга руки къ козырькамъ, лепетали въ отвѣтъ напуганные великокняжеской руганью служащіе, — мы ничего не можемъ сдѣлать; въ нашемъ распоряженіи нѣтъ свободнаго паровоза въ

эту минуту, подождите хоть полъ-часа; поѣздъ будетъ снаряженъ.

Но Борисъ не унимался.

Онъ топалъ ногами, неистовствовалъ, ругался, обзывалъ всѣхъ мошенниками, подлецами, измѣнниками, грозилъ, плевался, даже плакалъ и, заявилъ, что пойдетъ по полотну желѣзной дороги пѣшкомъ.

Его уговаривали, почтительно предлагая успокоиться и немного подождать; но онъ всетаки отпавился.

Служащіе не могли удержаться отъ улыбки, вида, какъ онъ зашагалъ по полотну отъ станціи. „Свита“ въ недоумѣніи послѣдовала за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Наконецъ, на вокзалѣ было получено сообщеніе по телефону, что великій князь Кириллъ, котораго сперва сочли погибшимъ, живъ, вытащенъ изъ воды матросами и отправленъ въ коляскѣ на вокзалъ. Приказывалось немедленно приготовить поѣздъ, который долженъ будетъ перевозить потрясеннаго Кирилла въ Ляоянь и въ Россію.

Погнались за Борисомъ и сообщили извѣстіе, прося вернуться и отбыть съ поѣздомъ брата.

Борисъ ничего не отвѣтилъ, круто повернувъ, пошелъ опять къ станціи.

Я стоялъ у входа, когда онъ вошелъ, ругаясь,

въ телеграфную контору и сталъ при мнѣ составлять телеграмму самого отчаяннаго содержанія.

Я писалъ телеграмму о гибели „Петропавловска“ (телеграмму, послѣ задержанную и не доставленную).

Ждали телеграммы Бориса и моей не принимали. Борисъ нервничалъ и чиркалъ.

Онъ писалъ царю приблизительно такъ:

„Россія погибла, Портъ-Артуръ погибаетъ, Петропавловскъ погибъ, Макаровъ погибъ, братъ погибъ, но спасли изъ воды, тяжело ранень.“ И послѣ прибавилъ еще что-то относительно измѣнниковъ и поѣзда ...

Со „свитой“ своей онъ точно поссорился; какая-то сконфуженная и притихшая она стояла попрежнему въ сторонѣ.

Въ комнату вошелъ офицеръ и сказалъ, что привезли раненаго его высочество....

Борисъ сталъ стучать кулаками по столу.

— Ну, такъ поѣздъ, поѣздъ скорѣе, мерзавцы, а то я разнесу все тутъ и всѣхъ — ... и онъ вышелъ на платформу, вовсе не выразивъ никакой радости при видѣ спасеннаго брата, котораго несли на рукахъ матросы ...“

„Кириллъ былъ такъ напуганъ, что не могъ говорить. Его принесли прямо въ вагонъ и уложили въ постель; онъ стоналъ и плакалъ, конечно,

отъ сильнаго моральнаго потрясенія, такъ какъ раненъ не былъ вовсе.

Его вытащили изъ воды матросы, рискуя жизнью, такъ какъ онъ кричалъ, очутившись въ водѣ:

— Я великій князь, великій князь, спасите меня, вамъ много заплатятъ!

Пришли къ поѣзду мокрые, обожженные, перевязанные матросы и робко спрашивали:

— Не знаете ли, ваше высоко-родіе, гдѣ тутъ великій князь, — онъ обѣщалъ намъ заплатить за спасеніе; повидать бы хотѣлось, а то уѣдутъ, — забудутъ ...“

„Поѣздъ медлил. Кириллъ все писалъ новыя и новыя телеграммы. Изъ оконъ вагоновъ раздавался споръ августѣйшихъ братьевъ, попавшихъ неожиданно въ такую скверную передрагу.

Во всѣ концы летѣли телеграммы Кирилла о томъ, что онъ сильно раненъ, что лежитъ безъ сознанія и проч.

Молва еще и ихъ преувеличивала и въ общемъ выходило то, что въ Ляоянѣ, Мукденѣ и дальнѣйшихъ пунктахъ къ поѣзду князей выходили чуть ли не триумфальныя процессіи офицеровъ изъ штабовъ привѣтствовать „августѣйшаго героя“.

Говорились самыя низкопоклонныя рѣчи, выражалось изумленіе храбрости, мужеству, твердости

духа великаго князя, спасеннаго на пользу Россіи милосердной десницей Всемогущаго ...

Кирилль и Борисъ слушали, стоя въ окнахъ, и принимали за должное триумфъ, пышную лестъ и пріятныя слова офицеровъ, благодарили, и хвали дальше.

Дорогой Кирилль оправился совершенно и въ Петербургъ прибылъ веселымъ и здоровымъ.“

„Борисъ вновь остался въ Ляоянѣ и съ прежнимъ пыломъ принялся за свои подвиги съ китайцами, за пьяныя дебоши, кутежи и скандалы, наводя панической ужасъ на селенія мирныхъ китайцевъ однимъ своимъ именемъ ...“

„Послѣ Борисъ, никогда не бывшій ни въ одномъ бою, былъ награжденъ своимъ царственнымъ кузеномъ и слѣдующимъ чиномъ и боевыми орденами ...“¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. Б. 2.

Причуды, капризы,
Фантазіи и прихоти.

У сумасшедшихъ бываютъ минуты, когда они на короткій срокъ снова приобрѣтають способность здраво мыслить и разсуждать. Но въ эти минуты временнаго просвѣтленія ихъ душевныя переживанія особенно тяжелы: многіе въ такія минуты кончаютъ самоубійствомъ.

Но нѣтъ повидимому такихъ минутъ просвѣтленія лишь у лицъ страдающихъ той странной психической болѣзнію, которую нѣмецкіе ученые называютъ „Cäsarenwahnsinn“.

Болѣзнь эта развивается исключительно у коронованныхъ особъ, маленькій мозгъ которыхъ не въ состояніи вмѣстить представленіе о собственномъ политическомъ могуществѣ.

Переходя черезъ море крови — они при этомъ сохраняють своего рода благодушно-наивное настроеніе, которое отчасти фарисейство, отчасти самообманъ, но отчасти и дѣйствительно жутко-чудовищная безмятежность.

Такое душевное состояніе мы наблюдаемъ и у Николая.

Избравъ политическій путь „незабвеннаго

родителя“, окруживъ себя палачами для того, чтобы не быть насильно съ него свергнутымъ, Николай иногда вдругъ создаетъ какія то нелѣпо-бizarныя идилліи „общенія съ народомъ“, „выслушиванія правды“ и тому подобныя сцены, странно контрастирующія съ кровавымъ фономъ его прочихъ подвиговъ, такъ что многіе объясняютъ ихъ какъ своего рода „капризы“ самодержца всероссійскаго.

И дѣйствительно значеніе ихъ не больше, чѣмъ значеніе любого каприза.

Ибо появляясь внезапно, неожиданно, — они также негаданно кончаются.

И вотъ, въ качествѣ одного изъ такихъ капризовъ, произошелъ любопытный эпизодъ:

„Царь далъ, съ помощью одного изъ великихъ князей, аудіенцію съ глазу на глазъ какому то скромному титулярному совѣтнику Клопову. Аудіенція имѣла совершенно частный, почти конспиративный характеръ — такъ сказать, маленькая шалость монарха внѣ обычнаго этикета и надзора. Что еще характернѣе, Клоповъ говорилъ какія то туманныя, но пламенныя рѣчи противъ бюрократіи, за общеніе царя непосредственно съ жизнью, съ „землей“...“

Правда, подъ всѣми этими громкими словами для самаго Клопова по существу не таилось ничего реальнаго, кромѣ его совершенно частнаго интереса — правда, интереса фанатическаго, пе-

реходящаго почти въ манію, къ... положенію мукомольнаго дѣла. Когда-то ему было поручено изслѣдованіе этого дѣла въ какомъ-то районѣ; увлекшись этимъ дѣломъ, онъ потомъ осаждалъ всевозможными проэ debated и докладными записками и земства, и министерства: отъ него отдѣльвались подачками; иногда, чтобы отвязаться, давали какія то обѣщанія; не видя исполненія ихъ, фанатикъ нуждъ мукомольной промышленности сдѣлался яростнымъ обличителемъ бюрократіи, которой онъ приписывалъ всѣ свои неудачи; и вотъ этотъ оригиналь, заинтересовавшій одного изъ великихъ князей, предсталъ, въ качествѣ выходца изъ какого то другого, таинственнаго міра, передъ лицомъ царя, и, нагруженный какими то картограммами и статистическими таблицами, заполненными гіероглифами, не менѣ загадочными и таинственными для царя, чѣмъ и самъ Клоповъ, сталъ „глаголомъ жечь“ сердце монарха, говоря о его великомъ предназначеніи освободить Россію отъ бюрократіи, непосредственно узнать правду о Россіи, и прежде всего о мукомольномъ дѣлѣ, о его связи съ урожаями и неурожаями, съ положеніемъ земледѣлія, и. т. д.

Многое въ этихъ рѣчахъ, конечно, осталось для Николая неяснымъ и загадочнымъ, но тѣмъ болѣе они ласкали его слухъ; недаромъ еще греки воздвигали алтари „невѣдомому богу“. Да и самъ Клоповъ, внѣ предѣловъ своего мукомольнаго

дѣла, не представлялъ себѣ ничего конкретно о формахъ связи съ народомъ монарха, освобожденнаго отъ бюрократическаго плѣна.

И вотъ, Клоповъ получаетъ отъ самого государя особый открытый листъ за подписью коменданта двора, съ порученіемъ „по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ“.

А еще немного спустя повсюду пошли и слухи о таинственной миссіи титулярнаго совѣтника, посланнаго царемъ, чтобы узнать „всю правду“; Клопова стали посѣщать и земцы, обличавшіе губернаторовъ, и чуткіе бюрократы, почуявшіе что-то необычайное, и такіе же неудачники-прожектеры, какъ Клоповъ, и просто всевозможные дѣльцы, хамелеоны и проходимцы якобы „потерпѣвшіе за правду“. Нѣкоторые исправники, по завѣреніямъ кн. Мещерскаго, телеграфировали губернаторамъ, что „въ уѣздѣ появился господинъ, требующій настоящую, а не губернаторскую правду“. Посыпались жалобы; несчастный Клоповъ, вынужденный неожиданно для себя самого быть пародіей на маркиза Позу, все болѣе и болѣе походилъ на галоширующую, осѣдланную кавалерійскимъ сѣдломъ корову; надъ „титулярнымъ совѣтникомъ Правдинымъ“ зло издѣвались реакціонныя газеты, какъ надъ новоявленнымъ спасителемъ всей Россіи путемъ трехъ средствъ: „открытаго листа, подѣ-

емныхъ денегъ и фигуры, выражающей жажду къ правдѣ“; царская конспирація при помощи фанатика мукомольнаго дѣла, все болѣе выяснялась, какъ смѣшной фарсъ...

А царь, которому запрещенный плодъ былъ сладокъ, все продолжалъ ждать чего-то отъ секретныхъ аудіенцій, въ которыхъ титулярный совѣтникъ Поза ничего не могъ сообщить такого, что-бы не было извѣстно въ печати, и тщетно старался выдать изъ себя какое нибудь „вѣщее слово“.

Но „слова“ не находилось; царю же въ концѣ концовъ становилось скучно. Ни тотъ, ни другой не могли сказать другъ другу, что имъ собственно нужно; одинъ, подобно сказочному королю, могъ бы сказать: „пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что“. Другой же могъ поклоняться туда-сюда по бѣлу свѣту и принести... пустое мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время, Клоповъ на этотъ разъ, повидимому, вполнѣ „понятый“ и „оцѣненный“ ловкими людьми изъ правящихъ сферъ, совершенно успокоился и преложилъ на милость прежній гнѣвъ противъ бюрократіи, которую онъ раньше обличалъ, и потому заявлялъ направо и налево, что „Вячеславъ Константиновичъ Плеве одушевленъ самыми лучшими намѣреніями“.

Такъ успокоилась эта мятущаяся душа, такъ „узналъ всю правду“ Николай, такъ произошло

единеніе царя съ землей и освобожденіе отъ бюрократическаго плѣна, такъ закончилась вся эта нелѣзная, пустая и смѣшная комедія между этими „игрушечнаго дѣла людишками“...¹⁾

* * *

„Были у царя и другіе временные „маркизы Поза“, столь же нелѣзные, столь же достойные своего жалкаго и нелѣзнаго повелителя. Въ качествѣ такого же царскаго каприза, извѣстный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эсперъ Ухтомскій-Азіатскій, издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слывшую одно время за личный органъ царя; князь Эсперъ призывалъ царя въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Руси и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой.

Потомъ явился самоучка-самородокъ метеорологъ Демчинскій изъ Новаго Времени, съ претензіями предсказывать и политическую погоду, много льстившій царю и много толковавшій о правдѣ и неправдѣ, великомъ призваніи царя облагодѣтельствовать Россію и т. п.; въ результатѣ и этотъ авантюристъ „получилъ“ кругленькую сумму на свою „метеорологію“.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

И всѣ эти мѣнявшіеся вдохновители царя проходили пестрымъ калейдоскопомъ; метеорологія смѣнялась мукомольнымъ дѣломъ, мукомольное дѣло — проэктомъ основанія паназіатской монархіи; неизмѣнными оставались лишь рѣчи о великомъ предназначеніи царя, о его миссіи, о томъ, что только отъ него вся Россія ждетъ окончательнаго ея облагодѣтельствованія.

И, въ концѣ концовъ, царь, вѣроятно, и не почувствовалъ особенной разницы, когда на мѣсто титулярнаго совѣтника Правдина явился князь Мещерскій, тоже недовольный бюрократіей, тоже предлагающій царю черезъ его посредство „узнать всю правду“, познать свое предназначеніе, понять — помимо бюрократическихъ канцелярій — истинныя, живыя потребности страны... И вотъ произошло великое событіе, о которомъ повѣдалъ своимъ читателямъ въ „Гражданинѣ“ этотъ „Содомскій князь и гражданинъ Гоморры“: онъ „вышелъ изъ царскаго кабинета съ душою не только укрѣпленною, но и горѣвшею“; отнынѣ онъ вступилъ въ непосредственное „общеніе съ духовнымъ міромъ царя“...¹⁾

* * *

Всѣ эти „идилліи“, когда Николай, самъ окружившій себя палачами, корчилъ изъ себя

¹⁾ см. ук. лит. В. 15.

жаждущаго правды, происходили по крайней мѣрѣ въ тиши кабинета.

На свѣтъ гласности выносила ихъ лишь нелегальная печать. Она же и повѣдала міру объ „abbé Philippe“, ловко дурачившемъ въ теченіе долгаго времени Николая.

Парикмахеръ изъ Марселя, спирить и шарлантъ, онъ приобрелъ симпатію вел. князя Николая Николаевича, который познакомился съ нимъ на какомъ-то спиритическомъ сеансѣ и привелъ его весною 1902 г. къ государю.

Филиппъ вызывалъ духъ Александра III и влагалъ ему въ уста все то, что было выгодно различнымъ аферистамъ, отъ которыхъ „спирить“ получалъ соотвѣтствующій гонораръ.

Изъ-за Филиппа попалъ въ немилость даже главный агентъ русской полиціи въ Парижѣ, Рачковскій.

По желанію вдовствующей императрицы Маріи Федоровны генераль-адъютантъ Гессе поручилъ Рачковскому собрать во Франціи свѣдѣнія о Филиппѣ. Вѣрный рабъ въ точности исполнилъ данное ему порученіе. При этомъ личность и прошлое Филиппа выяснились съ самой неблагоприятной стороны. Гессе передалъ донесеніе Рачковскаго собственноручно царю. Но этотъ такъ разсердился за неблагоприятный отзывъ о своемъ

любимцѣ, что велѣлъ немедленно удалить Рачковскаго съ мѣста.

Въ концѣ концовъ и самъ Филиппъ впалъ въ немилость. Николай надѣялся, что его „внушенію“ удастся доставить ему давно желаннаго престолонаслѣдника.

Но царица разрѣшилась отъ бремени преждевременнымъ выкидышемъ, пошатнувъ довѣріе царя къ своему любимцу, и тѣмъ самымъ положила конецъ и этому „капризу“.¹⁾

* * *

Мы уже упомянули, что всѣ эти капризы происходили по крайней мѣрѣ въ тиши кабинета, за кулисами Зимняго Дворца.

Но вотъ царь, непремѣнно какими-то „сверхъестественными“ путями желающій добиться рожденія престолонаслѣдника, всенародно показываетъ свои причуды.

Правда и здѣсь „всенародно“ нужно понимать весьма относительно — вспомните приведенный нами въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ приказъ губернатора Унтербергера.

Мы говоримъ о „Саровскихъ дняхъ“.

Вотъ что говорятъ о нихъ очевидцы:

„Когда всѣ земныя средства, какъ ученья,

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

такъ и святые, не могли пособить горю, царь рѣшился обратиться къ неземнымъ святымъ и покровителямъ русскаго народа передъ Богомъ. Когда главные святые не помогли, онъ обратился къ второстепеннымъ. Въ пустынномъ мѣстѣ, въ Саровѣ, открыли мощи какого-то второстепеннаго святого, Серафима. На самомъ дѣлѣ тамъ мощей никакихъ и не было, а нашли просто человѣческія кости. Но бюрократы православія, т. е. Побѣдоносцевъ съ компаніей, считали необходимымъ для даннаго момента найти новаго святого, для того чтобы отвлечь вниманіе народа отъ голода и внутреннихъ неурядицъ на вещи нематеріальныя и чтобы передъ народомъ пощеголять набожностью царя.

Для этого церковная бюрократія торжественно объявила найденныя кости мощами святого Серафима и устроила торжественное путешествіе царя въ Саровъ. Царская милость къ Святому Серафиму оказалась безграничной. Этотъ незначительный провинціальный чиновничекъ божеской бюрократіи былъ поставленъ рядомъ со старыми и почтенными святыми прежнихъ временъ, со Св. Георгіемъ и Св. Николаемъ. За это и Св. Серафимъ, имѣющій очевидно большое вліяніе въ небесныхъ сферахъ, выхлопоталъ у Бога престолонаслѣдника.¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. А. 10.

Но не удалось устроить все такъ быстро и просто, какъ можно бы заключить изъ приведенной нами цитаты.

О трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть, интересныя подробности давала въ то время газета „Освобожденіе“.

Въ ней же мы и находимъ нравственную оцѣнку царскаго фарисейства.

„Особенность современной дѣйствительности заключается въ томъ, что происходящія событія принимаютъ какой-то комическій характеръ; при всей декоративности обстановки высшее правительство постоянно попадаетъ впросакъ. Инцидентъ съ Филиппомъ, полный курьезности, сдѣлался по смѣшищемъ для всей Европы. Окультизмъ Филиппа не достигъ цѣли — потребовалась помощь и покровительство иного свойства. Были какія-то сонныя видѣнья старца и выборъ остановился на Серафимѣ. Такому предпочтенію даннаго святого не мало содѣйствовали происки братіи саровской пустыни, не пожалѣвшей денежныхъ средствъ для раздачи, кому слѣдуетъ, ради извлеченія обильныхъ благъ отъ открытія мощей въ ихъ обители. На бѣду оказалось при разрытіи могилы, что брѣнное тѣло старца Серафима подверглось тлѣнію. Тамбовскій архіерей Дмитрій отказался признать за мощи остатки истлѣвшихъ костей.

Однако, рѣшительность губернатора фонъ-

дерь-Лауница ничуть не поколебалась передъ такимъ препятствіемъ. Приказано, чтобы мощи были, и мощи будутъ. Не все ли равно фонь-дерь-Лауницу, есть ли въ дѣйствительности мощи или ихъ нѣтъ: генераль въ точности и не обязанъ знать, что такое мощи и какъ ихъ отличить; онъ знаетъ одно, что высшему начальству угодно, чтобы были открыты нетлѣнные останки старца.

Непокорнаго архіерея тотчасъ смѣстили и назначили Иннокентія съ особымъ предписаніемъ — исполнить въ точности приказаніе. И вотъ существованіе мощей официально установлено, и тѣмъ вмѣстѣ обезпеченъ обильный доходъ для саровской пустыни.

Ожидается царскій пріѣздъ, возводятся постройки, устраивается встрѣча для высочайшихъ особъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ торжественно открывается поклоненіе мощамъ, существованіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно.

Упадокъ воли весьма часто сопровождается настроеніемъ пѣтизма. Слабыя души, не находящія силъ внутри себя для жизненной борьбы, начинаютъ искать прибѣжища и помощи въ разныхъ виѣшнихъ атрибутахъ религіознаго культа. Создается особое молитвенное настроеніе, показная набожность, умиленное поклоненіе иконамъ, ладонкамъ, мощамъ, чудодѣйственное значеніе которыхъ

какъ бы восполняетъ собственную дряблость и безхарактерность. Подобное душевное состояніе не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ религіознымъ чувствомъ, съ сильной и глубокой вѣрой. Религіозное чувство ведетъ къ подъему нравственнаго характера, подобное душевное состояніе — къ его упадку. Поклоненіе иконамъ, хожденіе по монастырямъ обнаруживаетъ лишь разстроенное воображеніе, склонное предаваться суевѣрнымъ страхамъ. На ряду съ исканіемъ прибѣжища въ православіи развивается и особенная склонность къ таинственному, вѣра въ колдуновъ ворожей и пр. На сцену появляются предсказатели будущаго, колдуны и окультисты въ родѣ Филиппа.

Такой особенный видъ піэтизма влечетъ за собой и преобладаніе реакціонныхъ настроеній. Фотию сочувствуетъ Аракчеевъ. Чѣмъ болѣе Императоръ Александръ I предавался мистической набожности, тѣмъ сильнѣе свирѣпствовалъ и предавался мучительству въ военныхъ поселеніяхъ графъ Алексѣй Андреевичъ.“¹⁾

Въ той же газетѣ мы находимъ интересныя наблюденія очевидцевъ „Саровскихъ дней“.

„За послѣдніе мѣсяцы тамбовская жизнь наполнена святымъ Серафимомъ. Ожидается царскій пріѣздъ, и губернское земство ассигновало три ты-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 12.

сячи на блюда для подношеній. Дворянство устраиваетъ для царя „чай“ въ шатрѣ и ассигновало на чай 15 000 р. Говорятъ о столь же дорогихъ чаяхъ, предполагаемыхъ дворянствомъ сосѣднихъ губерній — Пензенской и Нижегородской. Въ самомъ Саровѣ бросаютъ бѣшенныя деньги на устройство временныхъ помѣщеній для царской четы и свиты. На всемъ протяженіи Казанской дороги отъ Рязани до ближайшей къ Сарову станціи съ чрезвычайной быстротой мѣняются шпалы и укрѣпляются насыпи: извѣстно, что эта дорога, далекая отъ обычныхъ царскихъ путей, строилась съ необычнымъ даже въ желѣзно-дорожномъ мѣрѣ жульничествомъ и оборудована весьма плохо. Впрочемъ, скептики говорятъ, что затраты на ремонтъ Казанской дороги дѣлаются только для отвода глазъ; въ дѣйствительности будто-бы царь поѣдетъ по другому пути. Пока, однако, войска передвигаются въ районъ Казанской дороги. Если прибавить къ явнымъ расходамъ тайныя расходы на охрану — стоимость царского богомоля опредѣлится солидными цифрами. Въ Саровѣ приготовлениями распоряжаются два товарища по пажемскому корпусу — губернаторъ фонъ-дери-Лауницъ и архимандритъ Серафимъ Чичаговъ. Большое вниманіе обращено на декоративную сторону. Къ области декораціи относится циркулярное распоряженіе о присылкѣ къ царскому пріѣзду депу-

тацій отъ различныхъ національностей губерніи — великороссовъ, мордвы, малороссовъ. Въ составъ депутацій должны входить также женщины изъ зажиточныхъ крестьянскихъ семей, обладающихъ красивыми мѣстными нарядами. Когда въ одномъ изъ уѣздовъ „назначили“ депутатами волостныхъ старшинъ, губернаторъ не утвердилъ выбора и въ бумагѣ, написанной тономъ выговора, сообщилъ, что въ составъ депутацій непременно должны войти женщины въ красивыхъ костюмахъ, и это главное (sic!). Въ другихъ уѣздахъ къ дѣлу не отнеслись такъ халатно и не заслужили выговора: священники по приходамъ выбираютъ самыхъ красивыхъ молодыхъ бабъ, а выборъ священниковъ provádяется земскими начальниками. Въ народѣ вспоминаютъ бабьи наряды „къ начальству“ крѣпостныхъ временъ и толкуютъ, что много грѣха будетъ съ открытіемъ мощей. Въ то время, какъ я пишу эти строки, получены газеты съ разъясненіемъ митрополита Антонія о томъ, что мощи Серафима состоятъ только изъ костей и бороды. Что при вскрытіи гроба оказались только кости, давно говорили среди городского духовенства, поясняя, что причина неожиданнаго перемѣщенія въ Казань только-что назначеннаго въ Тамбовъ архіерея Дмитрія заключается въ томъ, что онъ не соглашался, вопреки народному вѣрованію, признать мощами истлѣвшіе останки. На богословскія возраженія, что церков-

ное понятіе о мощахъ иное, осторожный архіерей отвѣтилъ, что если откроется несоотвѣтствіе мощей ожиданіямъ простаго народа — выйдетъ великій вредъ для церкви. По всей вѣроятности, опасенія архіерея окажутся вѣрными. Но, если для „престецовъ“ будетъ ударомъ, что мощи, открываемыя съ такой помпой, не мощи, то интеллигентные вѣрующіе священники возмущены другою стороною дѣла. „Мы не дѣти“, говорилъ одинъ изъ нихъ, „и хорошо понимаемъ, что мощи хотятъ открыть во что бы то ни стало, чтобы подогрѣть остывающія чувства народа къ царю. Но зачѣмъ припутывать сюда церковь, зачѣмъ оскорблять наши искреннія вѣрованія?“ Впрочемъ, число такихъ искренно вѣрующихъ интеллигентныхъ священниковъ, пытающихся оживить свою вѣру примѣсю идей стараго славянофилства и новаго мистицизма, очень немного. Правительству удалось развратить духовенство больше, чѣмъ какое-либо другое сословіе.“¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ:

„Какъ бы то ни было, въ самомъ Саровѣ, несмотря на рабочую пору, оказалась обычная въ такихъ случаяхъ масса богомольцевъ и богомолковъ, терпѣливо переносившихъ всякія лишенія, проживавшихъ послѣднія деньги и являвшихъ собою са-

¹⁾ см. ук. лит. В. 12.

мую благодарную среду для всяческихъ легендъ о чудесахъ. И чудеса совершались во множествѣ, чуть не на каждомъ мѣстѣ саровской земли, по 10, по 15 въ день. Обыкновенно для объясненія чудесныхъ исцѣленій привлекаются случаи внезапнаго прекращенія истерическаго паралича; можетъ быть, подобные случаи имѣли мѣсто и въ Саровѣ, но по наблюденіямъ очевидцевъ и по тому, что рассказываютъ они, надо думать, что большая часть саровскихъ чудесъ являлась или довольно грубой поддѣлкой или плодомъ непосредственнаго творчества стоустой фанатизированной толпы. Вотъ, на примѣръ, старуха-богомолка съ мальчикомъ, якобы только что получившимъ способность ходить послѣ многолѣтняго паралича ногъ. Старуху окружили, ее поятъ чаемъ и всячески угощаютъ; мальчикъ-полуидіотъ, повидимому, и никакъ не можетъ отвѣтить на разспросы, непосредственно къ нему обращенные, ходилъ ли онъ раньше. Но достаточно внимательнаго взгляда на его босые ноги, чтобы замѣтить покрывающія ихъ мозоли. При первомъ вопросѣ на эту щекотливую тему старуха съ исцѣленнымъ быстро ступшевываются. Вотъ глухонѣмой паренъ, окруженный толпою богомолковъ и людей въ городскихъ костюмахъ; онъ только что получилъ способность говорить, но когда съ нимъ пытаются заговорить интеллигентные люди, всѣ ихъ старанія извлечь отъ исцѣленнаго хоть одинъ чело-

вѣческій звукъ напрасны. Богомолки съ явнымъ неудовольствіемъ пытаются объяснить, что не всякій достоинъ воочию убѣдиться въ чудѣ. Вотъ здоревенный учитель церковной школы, лицо — кровь съ молокомъ, грудь колесомъ, „украшенная“ медалями въ память Александра III и переписи; онъ собралъ вокругъ себя цѣлую толпу, рассказывая, что онъ страдалъ ревматическими болями и онѣ прошли послѣ купанья въ 4-хъ градусномъ источникѣ Серафима. Ему приходится вѣрить на слово, потому что никакихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни нѣтъ. Любопытно что въ изслѣдованныхъ очевидцами случаяхъ почти всегда вскрывалась связь исцѣленнаго съ церковными учрежденіями: или онъ учитель церковной школы, или сынъ церковнаго старосты или сторожа, или причетника. И чудеса тотчасъ же записывались жандармскимъ офицеромъ, специально приставленнымъ къ этому дѣлу, а въ дополненіе къ сухой официальной регистраціи немедленно являлось тоже официальное, но, вѣроятно, литературно прикрашенное описаніе корреспондента „Прав. Вѣстн.“, охотно сообщавшаго всѣмъ и каждому, что онъ отправляетъ свои корреспонденціи, представивъ ихъ предварительно на просмотръ владыкѣ-митрополиту. Но „сколько здѣсь благодати, сколько благодати“, повторялъ на ходу этотъ юркій господинъ, словно дѣло шло о ярмарочномъ товарѣ.

А между тѣмъ, настроеніе толпы дѣлалось все болѣе и болѣе подходящимъ для воспріятія всяческихъ чудесъ, психическая зараза все сильнѣе овладѣвала толпою и отдѣльными лицами. Въ купальнѣ у источника Серафима (замѣтимъ, кстати, что эта новая купель Силоамская дѣлится на дворянскую и народную половины) сидитъ блѣдный молодой человѣкъ, съ блаженнымъ выраженіемъ лица, очевидно, въ состояніи высокой степени экстаза. Вокругъ него толпа, всё толкуютъ о только что совершившемся чудѣ, толпа взвинчивается сама и еще болѣе взвинчиваетъ молодого человѣка. У него туберкулезъ костей, онъ сошелъ въ воду на костыляхъ, вышелъ безъ костылей. Толпа расходится, разнося вѣсть о чудѣ, когда же молодой человѣкъ одѣлся, онъ продолжаетъ ковылать безъ костылей, но такъ плохо подвигается съ мѣста, что ясно, что ни о какомъ исцѣленіи нѣтъ рѣчи; черезъ нѣсколько дней его опять видятъ на костыляхъ, но самый фактъ уже зарегистрированъ въ общихъ спискахъ жандармовъ и владыки Антонія и — что еще важнѣе — уже успѣлъ прибавить нѣкоторый плюсъ къ той суммѣ вліяній, которою создается атмосфера чудеснаго.

Такъ обстояло дѣло по отношенію къ простымъ богомольцамъ и обывателямъ. „Наверху“ въ это самое время происходило использованіе саровскихъ чудесъ въ цѣляхъ развлечения самого самодержца

и направленія его чувствъ и мыслей въ духъ желательномъ г. Плеве. Для созданія надлежащей обстановки ничего не позабыли. Депутація отъ дворянства, чуть не половина земскихъ начальниковъ, депутація отъ земства и городовъ, „живописныя“ группы пейзажъ и пейзажекъ въ старинныхъ костюмахъ и съ отборомъ красивыхъ лицъ, о которомъ Вамъ уже писали; эффектныя церковныя торжества, дворянскій чай, стоимостью въ 15 000 рублей, „свободныя“ прогулки въ толпѣ богомольцевъ на фонѣ лѣснаго пейзажа.“¹⁾

Если вспомнить при этомъ еще разъ приказъ Унтербергера — мы весьма рекомендуемъ читателю сопоставить его съ этими описаніями — то получится правильное представленіе обо всей этой православно-самодержавной фееріи, поставленной ревнителями вѣры и народности гг. фонъ-Плеве, фонъ-дербъ-Лауницемъ, Саблеромъ и другими истинно-русскими людьми, причемъ роль зрителя и актера, одновременно, игралъ Николай Романовъ-Готторпъ-Гольштинскій.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 12.

Друзья и сподвижники.

Во время пребыванія царя въ Курскѣ, на улицы, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, допускались лишь лица, получившія для этого желтый билетъ отъ полицеймейстера.

Разсказывая объ этомъ, мы добавили: „лишь людьми съ желтыми билетами окружаетъ себя царь, лишь людей съ желтыми билетами допускаетъ къ себѣ Николай II!“

Дѣйствительно: всѣ приближенные Николая — люди продавшіеся царю; продавшіе за чины, звѣзды, оклады — душу, совѣсть и честь.

И тотъ, кто хочетъ вполне понять Николая, долженъ хорошо ознакомиться съ фізіономіей его друзей и сподвижниковъ, господъ съ желтыми билетами. „Dis moi qui tu fréquentes et je te dirai qui tu es!“

Самые характерные — это не Блоповы, Филиппы, Мещерскіе и прочіе временные любимцы. Ихъ роль длится недолго, ихъ вліяніе незначительно. Не имъ помогать царю въ его „государственныхъ дѣяніяхъ.“ Они лишь игрушки, служащія для царскаго

развлеченія, удовлетворяющія его капризамъ, фантазіямъ, причудамъ и прихотямъ.

Болѣе интересны намъ тѣ, которыхъ Николай облакаетъ полнотою власти, которыхъ онъ на продолжительное время ставитъ на высокіе посты. Тѣ, которыхъ онъ цѣнитъ, къ которымъ онъ относится серьезно, ибо видитъ въ нихъ не только слугъ, но и друзей и сподвижниковъ.

Ибо понявъ, за что цѣнитъ царь своихъ сановныхъ слугъ-друзей, мы поймемъ ясно, что представляетъ собой самъ Николай II.

Странное дѣло: присматриваясь къ длинной вереницѣ этихъ друзей-слугъ, мы замѣтимъ, что у всѣхъ нихъ руки забрызганы народною кровью. И уже менѣе страннымъ намъ покажется послѣ этого, что почти всѣ они падаютъ отъ рукъ революціонеровъ-террористовъ.

Нельзя винить Николая за „нравственный“ обликъ членовъ „Августѣйшей Фамиліи“; вѣдь не выбиралъ же онъ въ самомъ дѣлѣ себѣ родственниковъ! И даже симпатію царя къ отдѣльнымъ изъ великокняжескихъ негодяевъ можно пожалуй объяснить родственной привязанностью.

Другое дѣло его друзья и сподвижники! Ихъ онъ сознательно выбиралъ, подбиралъ, оцѣнивалъ и приближалъ къ себѣ лишь тогда, когда считалъ ихъ достойными царскаго довѣрія.

И невольно призадумываешься надъ странными

вкусами и симпатіями Николая, когда присматриваешься къ длинной вереницѣ его друзей и сподвижниковъ, народною кровью запечатлѣвшихъ свои имена въ русской исторіи, и своею жизнью поплатившихся за это.

* * *

*

Первымъ былъ сраженъ пулей революціонера — министр народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Боголѣповъ находилъ изданіе временныхъ правилъ нецѣлесообразнымъ. Но считая ихъ съ нравственной стороны вполне допустимыми, онъ согласился исполнить волю царя, и поплатился за это жизнью. Свыше двухсотъ студентовъ были отданы въ солдаты. И то, что можно было предвидѣть, произошло; начались столкновения съ офицерами, самоубійства (Проскуряковъ, Логушенко и др.), военные суды и разстрѣлы студентовъ (Пиратовъ и Подгорѣцкій).

Революціонеръ Карповичъ, лишившій жизни Боголѣпова, рассказываетъ о покушеніи такимъ образомъ: „... Въ среду я отправился на пріемъ министра съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе свой планъ. Передо мной стоялъ городской голова города Чернигова, ходатайствовавшій передъ министромъ объ открытіи въ Черниговѣ реального училища. Я хорошо слышалъ отвѣтъ Боголѣпова: „вы должны представить мнѣ докладную

записку, въ которой необходимо указать, сколько богатыхъ помѣщиковъ живутъ около Чернигова, чтобы я видѣлъ, что реальное училище — потребность состоятельныхъ классовъ, а не той бѣдности, которая заполняетъ всѣ учебныя заведенія, тогда какъ ей тамъ совсѣмъ не мѣсто.“ Эти слова рѣшили мой выстрѣлъ. Всякія колебанія у меня исчезли.“¹⁾

Богодѣловъ былъ сраженъ пулей революціонера-одиночки. Но выстрѣлъ Карповича какъ будто послужилъ сигналомъ для возобновенія планомерной террористической борьбы, которую ведетъ и по сіе время русскій народъ въ лицѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Первый приговоръ этой партіи былъ приведенъ въ исполненіе ея Боевой Организацией надъ мин. вн. дѣлъ Д. Сипягинымъ.

Сипягинъ былъ прозванъ „бояриномъ“ за свое крайнее пристрастіе къ древнимъ обычаямъ и традиціямъ и за ребяческія формы, въ которыхъ онъ проявлялъ эту черту. Беотіецъ по своему умственному складу, но пріятный собесѣдникъ, онъ былъ радушно принятъ въ свѣтскихъ салонахъ, гдѣ болтовня за чайнымъ столомъ высоко цѣнится.²⁾

Но какъ только онъ переступалъ порогъ своего министерскаго кабинета, онъ мгновенно превращалъ

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

²⁾ см. ук. лит. Б. 27.

ся изъ пріятнаго собесѣдника свѣтскаго салона въ свирѣпаго исполнителя царской воли, безжалостнаго и безощаднаго.

— „Этихъ писателишекъ я отучу не только писать, но и думать!“ заявилъ онъ, подписывая постановленіе о высылкѣ изъ столицы цѣлаго ряда видныхъ представителей литературы и мысли.

Наканунѣ петербургской демонстраціи онъ даетъ приказаніе дѣйствовать безощадно и при этомъ произноситъ слова: „Кровью залью весь Петербургъ, а уничтожу въ корнѣ всякіе протесты!“¹⁾

Именно эта свирѣпая непоколебимость при исполненіи царской воли снискала ему дружбу и расположеніе Николая, который даже неоднократно обѣдалъ и ужиналъ у своего любимца.

Такъ Николай и въ понедѣльникъ 1 апрѣля 1902 г. общалъ Сипягину, что на слѣдующій четвергъ явится къ нему къ обѣду.

Тотчасъ же начались приготовленія какъ въ домашнемъ кругу, такъ и въ министерствѣ. Въ слѣдующее утро, — историческое утро 2-го апрѣля 1902 г., — министерскіе чиновники были разосланы за необыкновенной клубничкой, превосходившей величиной ту, что можно было найти у Елисеѣва

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

на Невскомъ. Цыгане должны были пѣть передъ царемъ. Въ Парижъ полетѣли телеграммы о присылкѣ получившихъ премію цыплятъ, заказаны были блины съ икрой „à la Russe“, изъ магазина Проспера въ Харьковѣ затребованы по телеграфу гастрономическія рѣдкости и не мало чиновныхъ лицъ министерства рыскало по столицѣ, отыскивая пикантные деликатесы.¹⁾

Въ это же самое время, посѣтители кофейни Филиппова, что на углу Троицкаго и Невскаго, могли видѣть молодого офицера въ блестящей адъютантской формѣ, сидѣвшаго за стаканомъ кофе. Потомъ офицеръ вышелъ, сѣлъ въ поджидавшую карету и велѣлъ кучеру ѣхать къ Государственному Совѣту. Швейцару Государственнаго Совѣта онъ заявляетъ, — что присланъ вел. кн. и спрашиваетъ, пріѣхалъ ли егермейстеръ Сипягинъ; узнавъ, что послѣдняго нѣтъ, офицеръ снова усаживается въ карету, отъѣзжаетъ немного, потомъ снова возвращается въ зданіе Совѣта, объявляя, что рѣшилъ обождать министра здѣсь. Онъ скидываетъ шинель, снимаетъ съ правой руки перчатку, поправляетъ аксельбанты, раскрываетъ портфель и начинаетъ разсматривать пакеты, въ то же время помѣщая въ удобное положеніе находящійся въ портфелѣ револьверъ. Проходятъ минута — двѣ. Ровно въ

¹⁾ см. ук. лит. Б. 27.

часъ подкатываетъ министерская карета; выбѣгаетъ швейцаръ и докладываетъ: „Къ Вашему Высокопревосходительству отъ Его Высочества“. Сипягинъ входитъ въ подъѣздъ; офицеръ идетъ ему на встрѣчу и подаетъ большой запечатанный пакетъ. „Въ чемъ дѣло?“, недоумѣвая, спрашиваетъ министръ, вскрывая пакетъ. „Вотъ въ чемъ!“ — и одинъ за другимъ раздаются четыре выстрѣла. Смертельно раненый министръ падаетъ къ ногамъ социалиста-революціонера Балмашева, переодѣтаго въ офицерскую форму. „Не бойтесь!“ пытается успокоить обезумѣвшую отъ страха прислугу исполнившій приговоръ. „Не бойтесь братцы! Помните, что такъ поступаютъ только съ врагами народа.“¹⁾

Два дня спустя, въ тотъ же самый день, когда царь долженъ былъ присутствовать на торжественномъ обѣдѣ у своего любимца, тѣло Сипягина было отнесено въ мѣсто послѣдняго успокоенія.

Изъ воспоминаній социалиста-революціонера Гершуни мы знаемъ, что въ то же время, когда Балмашевъ въ Государственномъ Совѣтѣ приводилъ въ исполненіе приговоръ надъ Сипягинымъ, другой революціонеръ, также въ адъютантской формѣ, долженъ былъ проникнуть въ Св. Синодъ, чтобы застрѣлить Побѣдоносцева. Но благо-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

даря случайности планъ не удалось привести въ исполненіе.¹⁾

Уже разъ было произведено покушеніе на Побѣдоносцева семинаристомъ Лаговскимъ. Но покушеніе было неудачное — Побѣдоносцевъ уцѣлѣлъ.

Въ немъ Николай имѣлъ одного изъ самыхъ энергичныхъ и образованныхъ „сподвижниковъ“. Онъ умѣлъ набрасывать пышные покровы научныхъ теорій на голое властолюбіе царя. Благодаря его искусной діалектикѣ борьба за власть, которую велъ Николай, интерпретировалась, какъ борьба за принципъ. вмѣсто „когда захочу, тогда отмѣню“, выдвигалось самодержавіе какъ мистическое начало освященное самимъ Богомъ. „Хладнокровный фанатикъ типа Торквемады, Побѣдоносцевъ былъ поборникомъ восточнаго деспотизма въ его крайней стадіи, но вооруженнаго желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и ружьями, и освященнаго канонизаціями, ладономъ и святымъ масломъ; его идеаль: подвиги Іоанна Грознаго, совершаемыя съ благословенія св. Серафима.“²⁾

Достойнымъ соратникомъ Побѣдоносцева въ борьбѣ за незыблемость самодержавія, былъ Вя-

¹⁾ см. ук. лит. А. 6а.

²⁾ см. ук. лит. Б. 27.

чеславъ Константиновичъ фонъ Плеве, назначенный Николаемъ на постъ убитаго Сипягина.

Курляндецъ по происхожденію, онъ въ молодости изъ лютеранства переходитъ въ католичество, чтобы создать, сдѣлавшись пріемнымъ сыномъ вліятельнаго помѣщика въ Польшѣ, себѣ тамъ карьеру. Но недолго спустя онъ является къ Муравьеву съ доносомъ на своего собственнаго пріемнаго отца. Въ результатѣ — послѣдняго ведутъ на висѣлицу.¹⁾

Это — начало его карьеры. Переходомъ въ православіе онъ упрочиваетъ свое положеніе. Юристъ по образованію, онъ, „по влеченію сердца“, быстро мѣняетъ служеніе юстиціи на полицейскую карьеру. Особенно выдвигается онъ во время дознанія о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Александръ II его вполне оцѣниваетъ и даетъ возможность развернуться его „талантамъ“ во всю. Двадцать лѣтъ спустя его снова „оцѣниваетъ“ Николай II „и одинъ изъ старой гвардіи царскихъ опричниковъ 80-хъ годовъ, посѣдѣвшій въ борьбѣ съ желѣзными натурами Народной Воли“, снова призывается на одинъ изъ высшихъ постовъ имперіи, чтобы подавить гидру революціи.

„Не разговаривать теперь время, а дѣйствовать“, заявляетъ онъ, занимая мѣсто погибшаго

¹⁾ см. ук. лѣт. Б. 15.

Сипягина. Въ какомъ же направленіи онъ собирается „дѣйствовать“, онъ объясняетъ другой разъ: „Я сторонникъ крѣпкой власти въ что бы то ни стало. Меня ославятъ врагомъ народа, но пусть будетъ то, что будетъ.“ — „Какъ только дѣло касается самодержавія — я перестаю быть министромъ внутреннихъ дѣлъ и становлюсь просто шефомъ жандармовъ.“ Увѣренный въ своей способности вести „политику дѣйствія“, онъ во всеуслышаніе заявляетъ французскому газетному корреспонденту, что въ два мѣсяца раздавить русскую революцію. Шереметьевъ и Фредериксъ спрашиваютъ его какъ-то, что онъ будетъ дѣлать, если въ Петербургѣ произойдетъ демонстрація. „Высѣку“ — кратко заявляетъ Плева. Собесѣдники усумнились и что то промямлили о засѣченныхъ Оболенскимъ крестьянахъ. „Губернаторы иногда увлекались“ — хладнокровно отвѣчаетъ Плева: „но я же вамъ говорю: не засѣку, а только высѣку — „ха—ха—ха, а курсистокъ?“ — „Съ тѣхъ и начну“, цинически смакуетъ старый звѣздоносецъ.¹⁾

Оболенскій, упомянутый выше, пользовался особой симпатіей Плева, и вмѣстѣ съ этимъ особымъ довѣріемъ царя.

Въ Полтавѣ и Харьковѣ два губернатора, Бельгардъ и Оболенскій, сѣкли крестьянъ; и тотъ

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

и другой уже сѣкли не поодиначкѣ, не раздробительно, а оптомъ, поуздно; но одинъ изъ нихъ, Бельгардъ, при этомъ не срѣляетъ и поретъ слишкомъ ordinarily, безъ сладострастія, не то, что Оболенскій, который оставлялъ оголенныхъ крестьянъ лежать и ожидать, пока его сіятельство не выкушаютъ чаю. И вотъ Бельгарда смѣщаютъ за бездѣятельность, а Оболенскому Плеве передаетъ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй.¹⁾

Орденъ и поцѣлуй отъ имени царя Плеве по видимому собирался передать и Уфимскому губернатору Богдановичу. Было за что! Богдановичъ велѣлъ стрѣлять въ мирную демонстрацію, при чемъ были убиты десятки, ранены сотни — среди нихъ неучаствовавшіе въ демонстраціи зрители, женщины и дѣти. Но Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ предупредила фонъ-Плеве: ея Боевая Организація разстрѣляла Богдановича.

Менѣе удачно, было другое ея покушеніе: объектъ его, Оболенскій, остался въ живыхъ.

Продолжалъ дѣйствовать и Плеве. Порки, избіенія, разстрѣлы, висѣлицы, погромы, все это пускалось въ ходъ, чтобы подавить революцію. И все напрасно. Не отвлекла отъ революціи и война съ Японіей, началу которой всѣми силами

¹⁾ см. ук. лит. Б. 4а.

содействовалъ кромѣ другихъ и фонъ-Плеве. Жутко становилось тогда наслѣднику Сипягина. 800 000 рублей въ годъ сталъ онъ тратить на свою личную охрану. И всетаки 15-го іюля 1904 г. въ 10 часовъ утра былъ разорванъ на клочки бомбой, брошенной социалистомъ-революціонеромъ Егоромъ Сазоновымъ.

* * *

На мѣсто Плеве былъ назначенъ Святополкъ-Мирскій.

Многіе считали его почему-то „прогрессистомъ“. Они забывали вѣроятно, что это бывший шефъ жандармовъ, ставшій „либераломъ“ по приказу Николая, испугавшагося не на шутку растущей удачи революціонеровъ. Его либерализмъ былъ такъ же мало искрененъ какъ и „курсъ влѣво“ его Высочайшаго патрона. И вполне сознательно, по собственному желанію и согласно царской волѣ, „либераль“ Святополкъ-Мирскій не предупредилъ избіенія демонстрантовъ въ Москвѣ, жестокаго избіенія, повлекшаго за собой убійство Сергѣя Александровича.

Точно также не былъ и „либераломъ“ Сергѣй Юльевичъ Витте, ловкій аферистъ и дѣлецъ, умѣвшій временно играть довольно крупную роль. Въ обществѣ его считали „либераломъ“ и это заставляло Николая временно, когда онъ симулиро-

валъ уступки, облачать Витте крупной властью, несмотря на то, что онъ питалъ къ нему сильную личную антипатію. Правда, царь прекрасно понималъ, что никакой „преданности прогрессу“ у Витте въ дѣйствительности нѣтъ. Но уже одно то, что Витте считался прогрессистомъ, дѣлало его несимпатичнымъ царю. И какъ только Николай къ концу 1905 г. сорвалъ маску лицемѣрія и началъ открыто бороться съ народомъ, то карьера Витте внезапно окончилась. Теперь онъ засѣдаетъ въ „злачномъ мѣстѣ“ идѣже государственные раки зимуютъ¹⁾, т. е. въ Государственномъ Совѣтѣ, и примкнулъ тамъ на-дняхъ къ правымъ членамъ Совѣта.

Еще до ухода Витте особымъ расположеніемъ царя сталъ пользоваться генераль Треповъ. По назначенію самого государя онъ сдѣлался тов. министра внутреннихъ дѣлъ. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити организаціи погромовъ. Свои явные приказы „не жалѣть патроновъ“, онъ пополнялъ тайными распоряженіями объ устройствѣ погромовъ. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ отдался этому дѣлу, вступивъ въ должность дворцоваго коменданта. Благодаря разоблаченіямъ Лопухина стало извѣстно, что „генераль Треповъ будучи назначенъ дворцовымъ комендантомъ, настоялъ на томъ, чтобы въ его распоряженіе были

¹⁾ Заимствуемъ это остроумное опредѣленіе у Рубакина.

отпущены особыя суммы на агентурныя расходы. Такимъ образомъ Треповъ добылъ столь большія средства, какими можетъ быть снабженъ только министръ.... Треповъ продолжалъ получать изъ департамента полиціи, помимо министра вн. дѣлъ и безъ его вѣдома, всякія важныя бумаги, — даже такія, до которыхъ не должно быть дѣла дворцовому коменданту.¹⁾

Одновременно съ Треповымъ еще безчисленное количество другихъ похожихъ на него по взглядамъ „дѣятелей“ пользуются особымъ расположеніемъ Николая. И у нихъ всѣхъ руки забрызганы кровью. Но въ ихъ общественной фізіономіи рядомъ съ мрачно-кроваво-трагическими чертами выступаютъ и бизарно-комическія.

Вотъ мин. вн. дѣлъ Дурново, идущій по стопамъ Плеве, въ полномъ смыслѣ этого слова, и — проворовавшійся на казенномъ овсѣ.

Вотъ тов. министра камергеръ Гурко, любимецъ царя, обкрадывающій голодающихъ крестьянъ, и запутавшійся въ аферахъ съ фабрикантомъ ватерклозетовъ и содержателемъ веселыхъ домовъ, Лидвалемъ. При появленіи въ Думѣ его встрѣчаютъ громкими возгласами „вонъ“; судъ его отрѣшаетъ отъ должности за растрату денегъ предназначенныхъ въ помощь голодающимъ; но про-

¹⁾ см. ук. лѣт. А. 9.

ходить всего нѣсколько мѣсяцевъ и — царь его милуетъ.¹⁾

Вотъ Александровскій, который разворовалъ деньги Краснаго Креста во время войны. По личному желанію царя его кража покрывается и онъ назначается губернаторомъ въ Пензу. Здѣсь онъ избиваетъ крестьянъ и падаетъ отъ пули соціалиста-революціонера.²⁾

Вотъ, наконецъ, бывшій военный министръ Сахаровъ. Онъ тоже любимецъ царя; тоже проворовался; тоже истязалъ крестьянъ, такъ какъ былъ посланъ самимъ царемъ съ особыми полномочіями для усмиренія Саратовскихъ крестьянъ; и наконецъ тоже былъ убитъ соціалистами-революціонерами.³⁾

Вотъ наконецъ градоначальникъ Московскій Рейнботъ. Онъ тоже воруетъ, тоже истязаетъ, вѣшаетъ, и тоже подвергается покушенію соціалистовъ-революціонеровъ. Но ему удается остаться въ живыхъ. Столыпинъ ему телеграфируетъ: „Сердечно поздравляю; да храни васъ Господь. Царю и Россіи нужны такіе безстрашные и вѣрные долгу слуги.“ Три года спустя ревизія сенатора Гарина выясняетъ, что „вѣрный долгу слуга“, вѣшавшій безработныхъ за кражу пары копеекъ,

¹⁾ см. ук. лѣт. А. 9.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

разстрѣливавшій собственноручно арестованныхъ революціонеровъ, участвовалъ въ прибылкахъ экспроприацій хулигановъ-грабителей, которые оставались по его приказанію „неразысканными“. „Такіе слуги нужны царю“ пишетъ г. Столыпинъ. Что-же! Ему лучше знать! Но напрасно г. Столыпинъ приплетаетъ сюда Россію — относительно ея онъ врядъ ли компетентенъ.¹⁾

Николай II въ этомъ отношеніи искреннѣе. Онъ въ своихъ поздравительныхъ телеграммахъ Россіи не упоминаетъ, а ясно и просто заявляетъ, что такіе слуги нужны царю.

23-го апрѣля 1906 г. московскій генералъ-губернаторъ адмиралъ Дубасовъ былъ тяжело раненъ бомбой, но остался въ живыхъ. И немедленно царь ему посылаетъ телеграмму: „Благодарю Бога, сохранившаго вамъ жизнь, столь нужную мнѣ...“²⁾

Намъ не зачѣмъ напоминать какъ Дубасовъ въ теченіе 10 дней изъ пушекъ обстрѣливалъ первопрестольную столицу. Слишкомъ свѣжи въ памяти его подвиги, благодаря которымъ „столь нужна царю его жизнь“.

Не менѣе яркими кровавыми буквами запечатлѣлъ свое имя въ скрижаляхъ русской исторіи полковникъ Минъ, произведенный царемъ за свою

¹⁾ см. ук. лит. В. 8.

²⁾ Ibidem.

„карательную“ дѣятельность въ генералы. „Арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“ приказаль онъ своему отряду и обрекъ на разстрѣль безъ суда и слѣдствія болѣе полутора ста человѣкъ“¹⁾)

И дѣйствовалъ онъ такъ не сгоряча, не въ афектъ. Уже заранѣе, въ мирное время, Минъ занимался „воспитаніемъ“, т. е. развращеніемъ солдатъ, благодаря которому „Семеновцы“ стали оплотомъ царскаго трона.

Николай оцѣнилъ Мина. При жизни чины и почести сыпались на него какъ изъ рога изобилія. А когда онъ палъ сраженный пулей социалистски-революціонерки Зинаиды Коноплияниковой, то царь отомстилъ за своего любимца, приказавъ военному суду вынести смертный приговоръ.

Александръ III повѣсилъ Перовскую за убійство его отца, Николай II Коноплияникову за Мина.

Жизнь Мина была ему не менѣе дорога чѣмъ жизнь роднаго отца.

* * *

Самые чувствительные удары послѣ убійства Мина были нанесены Николаю II въ декабрѣ 1906 года.

¹⁾ см. ук. лит. А. 5.

Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣщеніе
Центрального Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ :

I.

„9-го декабря Лет. Боевымъ Отрядомъ Центр. Обл. П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ признаннымъ главою „звѣздной палаты“, вдохновителемъ тайныхъ черносотенныхъ организацій, кандидатомъ реакціонной партіи въ „диктаторы“, бывшимъ иркутскимъ и кievскимъ ген. губерн. гр. А. П. Игнатьевымъ. Приговоръ исполненъ членомъ Л. Б. О. Серг. Ник. Ильинскимъ.

II.

„15-го декабря въ г. Омскѣ мѣстнымъ боевымъ отрядомъ Партіи приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ ген. Литвиновымъ, который, въ качествѣ временнаго ген.-губернатора Ставропольской губ., предводительствовалъ карательной экспедиціей, разстрѣливавшей изъ пушекъ, сжигавшей и терроризировавшей цѣлый рядъ селъ и деревень.“

III.

„21-го декабря Центральнымъ Боевымъ Отрядомъ П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ петербургскимъ градоначальникомъ фонъ-

дерь-Лауницемъ, главою всѣхъ полицейскихъ силъ столицы и авторомъ всѣхъ репрессивныхъ мѣръ въ послѣдней, приговореннымъ къ смерти еще въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ, гдѣ подъ его руководствомъ совершали свои насилия уже убитые ранѣе по приговорамъ партійныхъ организацій Богдановичъ, Луженовскій, Абрамовъ и Ждановъ.“

IV.

„27-го декабря Лет. Боев. Отрядомъ Сѣверной Обл. П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ главнымъ военнымъ прокуроромъ Павловымъ, извѣстнымъ всей Россіи по его дѣятельности въ качествѣ главы современной военно-полевой юстиці.“

Близость Игнатѣва къ царю общеизвѣстна. Симпатіей и расположеніемъ Николая пользовался также и фонъ-дерь-Лауницъ, съ которымъ царь особенно сблизился во время Саровскихъ торжествъ.¹⁾ Во время усмиреній фонъ-дерь-Лауницъ приказывалъ „не стѣсняться дѣйствіемъ огнестрѣльнаго оружія“ и спаивалъ солдатъ, такъ что они приходили въ состояніе озвѣренія; это еще болѣе ускорило его служебную карьеру!²⁾

¹⁾ см. ук. лят. В. 12.

²⁾ см. ук. лят. В. 20.

Литвиновъ, во время своихъ карательныхъ оргій неоднократно хвастался своей близостью къ Николаю. „Я“, говорилъ онъ крестьянамъ „отъ самого царя посланъ васъ, сукиныхъ дѣтей, усмирять...“ И самъ царь, недолго спустя, назначилъ его губернаторомъ Акмолинской области.¹⁾

Имя Павлова извѣстно всякому русскому гражданину.

Но извѣстно ли также всѣмъ, что царь начерталъ собственноручно на рапортѣ военного министра о смерти Павлова: „Трудно замѣтная потеря честнаго и стойкаго чело-вѣка“?!²⁾

* * *

*

„Николай II подобно Ивану Грозному окружилъ себя опричниками. Мины московскіе, Орловы прибалтійскіе, Треповы-погромщики окружаютъ его престоль. Руки каждого изъ нихъ обогрены народной кровью.“

Этими словами, членъ боевого летучаго отряда Партіи Соціалистовъ-Револүціонеровъ, Зинаида Коноплянникова, охарактеризовала на засѣданіи военного суда царскихъ друзей и сподвижниковъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 14.

²⁾ Ibidem.

И грознымъ предостереженіемъ прозвучала ея рѣчь, когда она добавила: „Убивая одного изъ опричниковъ Николая Романова, я этимъ хочу напомнить послѣднему, что какъ падаютъ подпорки престола, такъ можетъ пасть и самый престолъ.“¹⁾

¹⁾ см. ук. лит. А. 8а.

Царь и женщины.

„Командированная кавказскимъ намѣстникомъ слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Вейденбаума, объѣхала пострадавшія армянскія селенія, свыше пятнадцати. Удостоверены факты грабежа и насилій: изнасилована родильница. Г. Вейденбаумъ лично посѣтилъ эту несчастную женщину. Въ Гюнэ и въ Чертазѣ констатированы многочисленные факты физическаго насилія, грабежи и поджоги. Въ Сусѣ обнаруженъ большой грабежъ и фактъ поголовнаго избіенія крестьянъ, изнасилованія одиннадцати женщинъ и растлѣнія параличемъ разбитой двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую изверги вырвали изъ объятій старика-дѣда. Разслѣдованіе фактовъ произвело на коммиссію невыносимо тяжелое впечатлѣніе. Сообщенія епископа Ашота объ ужасахъ не только подтверждаются, но блѣднѣютъ предъ дѣйствительностью. Нѣтъ селенія, гдѣ бы не были сожжены дома со всѣмъ имуществомъ. Въ Тугѣ сожженъ двухъ-этажный домъ Муселянца, съ хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ мануфактурныхъ товаровъ. Вездѣ

казакамъ давалась полная свобода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣсколько дней грабили, избивали истязали, изнасиловали женщинъ и дѣвицъ, вырывая ихъ подъ часть изъ рукъ отцовъ, братьевъ и мужей, лова ихъ въ горахъ, въ садахъ и въ лѣсахъ. Рѣдко кто избавился отъ побоевъ, истязаній, ограбленія, а изъ женщинъ спаслась отъ позора лишь часть убѣжавшихъ или скрывшихся въ секретныхъ мѣстахъ домовъ. Въ селеніи Сосъ умеръ отъ побоевъ Аванесъ Айрапетянцъ. Товарищу прокурора было заявлено объ этомъ, но слѣдствія и вскрытія произведено не было до сихъ поръ. Мать Аванеса, семидесятилѣтняя старуха, изнасилована пятью казаками. Въ селеніи Азохъ казаки требовали отъ Хосрова Карапетянца отдать жену. Получивъ отказъ, они повалили ее и изнасиловали. Одна азохская женщина изнасилована на глазахъ дѣтей, затѣмъ ее заставили цѣловать половые органы. Уничтожено казаками многое, чего не могли они взять. Награбленные же вещи, навьючивъ ими лошадей, они отвезли въ переселенческое селеніе Скобелевку, частью же продавали дорогой. Пострадали преимущественно тѣ селенія, которыя подвергались раньше нападенію татаръ. Въ селеніи Чертазъ саблей казака раненъ священникъ, у другого священника ограбленъ сосудъ со Св. Тайнами. Есть

при смерти избитые, неизлѣчимые, изувѣченные, преждевременные роды, выкидыши, случаи смерти новорожденныхъ. Въ горахъ многія женщины сдѣлались истеричными. Паника настолько сильна, что, когда комиссія подъѣзжала къ селеніямъ, женщины, несмотря на предупрежденія быть спокойными, бѣжали въ горы и въ сады. Названные селенія окончательно разорены и опустошены на глазахъ мѣстныхъ военныхъ и административныхъ властей. Отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Веверна, офицеровъ Бирюлькина, Гаджіева, въ сопровожденіи уѣзднаго начальника Фрейлиха, мирового посредника Ермолаева, пристава Фота. Ермолаевъ, по свидѣтельству многихъ, поощрялъ казаковъ, а нѣкоторые дома самъ обливалъ керосиномъ и поджигалъ.“¹⁾

Когда Оболенскій, съѣхъ и истязалъ крестьянъ въ харьковской губерніи, „генераль, начальствовавшій экзекуціоннымъ отрядомъ, по окончаніи съкуціи, безцеремонно говорилъ выпоротымъ мужикамъ: „Теперь вы больше намъ не нужны, ступайте хохлы въ степь, а казаки позабавятся съ вашими бабами.“ И хохлы подъ берданками шли въ степь, а деревня наполнялась воплемъ преслѣдуемыхъ бабъ... Мнѣ (т. е. Амфитеатрову, изъ „Краснаго Знамени“ котораго

¹⁾ см. ук. лит. Б. 24а и А. 8.

мы заимствуемъ эту цитату) рассказывали очевидцы, что несчастныхъ позорили всенародно, въ солдатскомъ кругу, а вельможное начальство, укрывшись для приличія въ избу получше и почище, смотрѣло изъ оконъ, попивая шампанское, хохотало и отпускало каламбуры...“¹⁾

„Въ Грузіи въ женскихъ монастыряхъ, монахини подвергались повальному насилванію, безъ уваженія къ возрасту. Съѣздъ грузинскихъ учительницъ, затворясь въ школъ, отказался сдаться подъ арестъ русскому генералу. Тогда тотъ „подарилъ“ несчастныхъ своимъ казакамъ. Тѣ ворвались въ школу и обезчестили всѣхъ женщинъ поголовно.... Слишкомъ энергично сопротивлявшихся душили руками на смерть какъ котятъ, кололи кинжалами...“²⁾

О томъ, чтобы кто-либо изъ слишкомъ ретивыхъ царевыхъ слугъ за совершенное насиліе былъ подвергнутъ какой-либо отвѣтственности, что-то не слышно. Даже, наоборотъ. Князю Оболенскому, герою вакханалій и истязаній въ Харьковской губерніи, по окончаніи его карательныхъ оргій, фонъ Шлеве передалъ на торжественномъ обѣдѣ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй.

Ни одинъ періодъ русской или даже всемірной исторіи не знаетъ подобныхъ звѣрствъ. Не

¹⁾ см. ук. лит. Б. 4а.

²⁾ Ibidem.

враги царя, а женщины, даже не сознавшія еще необходимости борьбы съ нимъ, дѣлались жертвами такого необузданнаго насилія: крестьянки-жены недоимщиковъ, учительницы, собравшіяся потолковать о своихъ профессиональныхъ нуждахъ, монахини, удаляющіяся въ келью для тихой молитвы.

Нужно ли послѣ этого распространяться о томъ, какъ расправлялись Николай II и его опричники съ тѣми женщинами, которыя дерзнули поднять руку на „унаслѣдованный государственный строй“ и не дождавшись побѣды попали въ руки своего врага?

Заговоры царя.

Яркій, солнечный день. 27-го апрѣля 1906 года. Звонятъ колокола, гремятъ пушки. Улицы ведущія къ Зимнему Дворцу оцѣплены войсками. Но отъ времени до времени они пропускаютъ „гостей“ ѣдущихъ на „торжество“. Предстоитъ Высочайшій пріемъ членовъ первой русской Государственной Думы — первая встрѣча лицомъ къ лицу монарха съ избранниками народа.

На кровныхъ рысакахъ катятъ „гости“: дипломаты въ иностранныхъ нарядахъ, русскіе звѣздослосцы въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, военные и гражданскіе чины, придворные, камергеры, фрейлины.

Но вотъ появляются и „участники“ торжества. Кто на лихачѣ, кто на простомъ „Ванькѣ“, а кто и пѣшечкомъ. И избранные не земскимъ начальникомъ, не привилегированными классами, а самимъ народомъ — почти всѣ пѣшечкомъ. Они не въ пышныхъ мундирахъ или ловко сшитыхъ фракахъ: кто въ зипунѣ, кто въ кафтанѣ, кто въ пиджакѣ надъ цвѣтной рубахой.

Говорятъ, что Николай по окончаніи пріема,

резюмировалъ свое впечатлѣніе словами: „Ah, qu'ils puent, ces députés!“ („Ахъ, какъ воняютъ эти депутаты!“)

Si non è vero, è ben trovato. Да, такъ, и только такъ, могъ выразиться Николай объ избранникахъ народа. Не льстивые и подобострастные пришли они къ нему, а гордые и мстительные. Ихъ глаза загорѣлись открытымъ негодованіемъ, когда они увидѣли роскошь дворцовой обстановки и пышные наряды придворной челяди. „Нѣкоторые крестьянскіе депутаты“, такъ рассказывалось впоследствии въ думскихъ фракціяхъ, „подходили къ высокимъ сановникамъ и насмѣшливо тыкали въ нихъ пальцемъ: — Это значитъ и будетъ, Дурново? — Сановникъ ежился, краснѣлъ, но молчалъ.“

Лживой была официальная рѣчь царя о „лучшихъ людяхъ“. Онъ ненавидѣлъ Думу, но такъ какъ приходилось ее терпѣть, то рѣшилъ изъ нея сдѣлать ловушку, западню для народа.

Интригантски-заговорщическая жилка всегда была сильно развита въ Николаѣ. Правда, если было возможно, онъ давилъ, топталъ и ломалъ открыто. Но если невозможно — то почему бы не устроить заговоръ наверху и провокацію внизу?

Первымъ опытомъ такого рода была „Зубатовщина“. Но хотя этотъ эпизодъ и прошелъ при благосклонномъ согласіи царя, непосредственного участія онъ въ немъ не принималъ. Творческое на-

чало лежало здѣсь всецѣло въ рукахъ вел. кн. Сергѣя Александровича.

Другое дѣло съ особыми совѣщаніями о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности! Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы указывали, что они были созданы по личному желанію царя съ явно провокаціонными цѣлями.

Три года спустя послѣ совѣщанія, Плева, при помощи котораго оно было устроено, разорванъ бомбой Сазонова.

Святополкъ-Мирскій, вступившій на его мѣсто, получаетъ приказъ ослабить возжи. Наступаетъ періодъ банкетовъ и петицій. Въ декабрѣ кабинету министровъ поручается обсужденіе необходимыхъ реформъ. Царь знаетъ: коренныхъ реформъ не рѣшать, а общество пожалуй успокоить. Но общество не успокаивается. Волнуется и народъ. „Нужно пустить немного крови. Это успокоитъ общество“, объясняетъ Владиміръ своему племяннику.¹⁾

Кровоупусканіе происходитъ. Десятки тысячъ труповъ покрываютъ мостовую Петербурга.

Во время приѣма царь обѣщаетъ рабочимъ и въ будущемъ „примѣнять военную силу, хотя бы это и вызвало неповинныя жертвы“.²⁾

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

²⁾ см. ук. лит. Б. 13.

Вся страна въ волненіи. Всюду забастовки. Въ Москвѣ бомба Каляева разрываетъ Сергѣя, любимого царскаго дядю.

Необходимы уступки. Но Николай упирается. Нельзя ли призвать на помощь самыя темныя силы страны?

Появляется манифестъ 18-го февраля. „Мятежные вожди желаютъ вмѣсто царскаго самодержавія учредить новое управленіе страной на началахъ, отечеству нашему несвойственныхъ.“ И вотъ царь призываетъ людей всѣхъ сословій и состояній помогать ему при „искорененіи крамолы“.¹⁾

Царскіе совѣтники, не менѣе реакціонные чѣмъ самъ царь, всетаки считаютъ опаснымъ доводить раздраженіе страны до крайнихъ предѣловъ. Они предлагаютъ смягчить или выкинуть наиболѣе рѣзкія выпады манифеста. „Ни на кого я не могу положиться“ вспыхиваетъ вдругъ царь, и обрушивается съ горькими упреками на министровъ.²⁾

Но ссылка на выстрѣлъ въ крещенскій парадъ, на смерть Сергѣя, на паденіе нашего кредита за границей — его запугиваютъ.³⁾ Скрѣпя сердце онъ подписываетъ рескриптъ, въ которомъ обѣщается созывъ народныхъ представителей. Булыгину, другу убитаго Сергѣя, онъ поручаетъ выработку „кон-

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

²⁾ см. ук. лит. Б. 12.

³⁾ Ibidem.

ституціи“, выражая увѣренность, что тотъ съумѣетъ выработать такой проектъ, который оставилъ бы въ сущности все по старому.

Такъ произошло 18-го февраля зачатіе русской „конституціи“. А одиннадцатью днями раньше „конституціонный монархъ“ Николай издалъ приказъ о томъ, чтобы демонстранты нещадно разстрѣливались. „Ни стрѣльба вверху, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы для устрашенія неповинующейся народной толпы.“¹⁾

6-го іюля Николай принимаетъ въ Петергофѣ делегатовъ земскаго съѣзда. За это время политическая атмосфера еще болѣе сгустилась. На войнѣ поражение слѣдуетъ за пораженьемъ. Внутри страны растетъ возмущеніе. Николай не только не рѣшается разогнать земскій съѣздъ, который собирается якобы на правахъ, дарованныхъ рескриптомъ, но принимаетъ даже делегацію.

„Моя воля, воля царская — созывать выборныхъ отъ народа, непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Вы можете сообщить объ этомъ всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ такъ и въ городахъ...“

Николай знаетъ, что нужно обнадеживать, успо-

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

каивать, но онъ всетаки не можетъ удержаться и прибавляетъ слова о „порядкѣ, отвѣчающемъ само-бытнымъ русскимъ началамъ“.¹⁾

Во время двухъ слѣдующихъ приемовъ въ томъ же мѣсяцѣ, онъ говоритъ еще болѣе опредѣленно. Курскимъ дворянамъ онъ 20-го іюня называетъ Думу, „учрежденіемъ законосовѣщательнымъ“, а день спустя онъ объявляетъ, что „только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго“.²⁾

Въ чемъ царь видѣлъ эти „завѣты“ выяснилось скоро.

Волненія на югѣ, возстаніе Потемкина, пораженія на Дальнемъ Востокѣ, позорныя условія при заключеніи мира, опубликованіе проэкта Булыгинской „конституціи“, всероссійская забастовка, манифестъ 17-го октября — всѣ эти событія слишкомъ общеизвѣстны, чтобы подробно на нихъ останавливаться.

Но любопытно, какія чувства владѣли Николаемъ, когда подъ напоромъ событій онъ рѣшился подписать манифестъ. Въ тотъ же день онъ послалъ въ Крымъ вел. кн. Александру Михайловичу секретную телеграмму, въ которой излил свою злость по поводу желѣзнодорожной забастовки.

¹⁾ см. ун. лит. Б. 13.

²⁾ Ibidem.

„Сообщеніе съ Петербургомъ только моремъ, — положеніе постыдное!“¹⁾ пишетъ онъ.

И отомстилъ же онъ за то, что онъ считалъ „постыднымъ положеніемъ“! Передъ „кровопусканіемъ“ октябрьскимъ блѣднѣетъ даже январское!

Свыше 37 000 семействъ, или свыше 158 000 человѣкъ стали жертвами погромовъ (мы пользуемся подсчетомъ иностранныхъ газетъ).²⁾ Въ 638 мѣстахъ происходятъ погромы. Гдѣ нѣтъ инородцевъ, тамъ бьютъ своихъ: въ Томскѣ сжигаютъ желѣзнодорожниковъ, въ Ярославлѣ выбираютъ жертвами подростковъ-учениковъ и т. д.

Теперь уже врядъ-ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію, что погромы эти были заранѣе подготовлены по приказу самого Николая. Самый близкій другъ его, Треповъ, имѣлъ организаціонное руководство въ своихъ рукахъ. Мы уже приводили выше наблюденія бывшаго директора полиціи Лопухина, сдѣланныя имъ по этому поводу.

Что же касается нравственныхъ виновниковъ погромовъ, то бывший губернаторъ князь Урусовъ заявилъ совершенно открыто, что „главные вдохновители погромовъ находятся внѣ круга воздѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ.“

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

²⁾ Frankf. Z.

„Внѣ круга воздѣйствія министра“ — это значитъ „выше его“: а выше министра — лишь члены царскаго дома.

Чтобы не оставить въ томъ никакихъ сомнѣній, что именно онъ самъ главный вдохновитель кровопусканій, а не кто-либо другой изъ Августѣйшей Фамили, Николай помиловалъ всѣхъ осужденныхъ за участіе въ погромахъ. Жандармскіе офицеры (Будаговскій, Коммиссаровъ и другіе), печатавшіе погромныя прокламаціи, безъ исключенія получили по Высочайшему Указу повышение по службѣ.¹⁾

Мы сравнили „октябрьскую“ политику съ январьской того же года. Но невольно приходится сравнить манифестъ и съ „особымъ совѣщаніемъ“ 1902 года.

На этотъ разъ провокація еще крупнѣе, опаснѣе. Тамъ спровоцированны „говорить правду“ отдѣлались выговорами, ссылкой, тюрьмой. Тутъ повѣрившіе обѣщаніямъ манифеста 17-го октября и вышедшіе наружу изъ подъ-поля пошли на ка-торгу, висѣлицу и подъ разстрѣлъ.

Послѣ октябрьскихъ дней Николай понялъ, что его главная опора — черная сотня. Но и та лишь сильна при помощи войска. Безъ содѣйствія и участія войска не было бы погромовъ.

Особенныя опасенія вызываютъ въ немъ по-

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

этому военные мятежи. И особенно велика его благодарность тѣмъ, кто ихъ подавляетъ. „Выражаю мою благодарность за энергичное (!) и быстрое подавленіе мятежа“, пишетъ онъ 19-го ноября Брестскому полку.¹⁾

Всячески онъ старается заручиться симпатіей войска, не затронутого еще пока революціей. „Искреннее и душевное спасибо за примѣрную службу“ объявляетъ онъ солдатамъ-Семеновцамъ. Офицеровъ онъ приглашаетъ къ себѣ въ дворецъ на ужинъ и проводитъ вечеръ въ ихъ средѣ вмѣстѣ съ Императрицей. „Я еще разъ сердечно благодарю полкъ въ вашемъ лицѣ за честную, беззавѣтную и примѣрную службу....“²⁾

Забуты теперь обѣщанія данныя 17-го октября. „Для полнаго осуществленія даруемыхъ мною свободъ необходимо прежде всего возстановить порядокъ“, говоритъ царь депутаціи Тульского земства.³⁾

Во время аудіенціи 1-го декабря царь хотя и снова увѣряетъ, что манифестъ 17-го октября „полное и убѣжденное выраженіе моей (т. е. царской) непреклонной и непреложной воли и актъ не подлежащій измѣненію“, но добавляетъ, что осущест-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 19.

²⁾ см. ук. лит. Б. 13.

³⁾ Ibidem.

ствленію этихъ реформъ должны предшествовать, „спокойствіе и порядокъ, водворенные справедливой, строгой и твердой властью.“¹⁾

Два дня спустя, 3-го декабря, арестуется первый дѣйствительный русскій парламентъ — Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Въ тотъ же день смотръ и привѣтственная рѣчь Преображенскому полку: царь понимаетъ, что отъ сознательности или несознательности войскъ зависитъ его судьба.

И несознательность значительной части войскъ его спасаетъ.

Обласканные царемъ, развращенные командиромъ, Семеновцы „усмиряютъ“ возставшую Москву.

Полный благодарности встрѣчаетъ Николай возвращающихся побѣдителей: „Спасибо, Семеновцы, дорогіе мои. Отъ всей души горячо благодарю васъ за вашу службу. Благодаря вашей доблести, стойкости и вѣрности сломлена крамола въ Москвѣ“.²⁾

Благодарность Николая къ Семеновцамъ не знаетъ границъ. Когда въ солдатахъ этого полка увольняемыхъ въ запасъ начинаетъ шевелиться совѣсть, и появляются опасенія, какъ-то ихъ встрѣ-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 13.

²⁾ см. ук. лит. А. 9.

тятъ дома родные и односельчане, царь самъ ихъ успокаиваетъ: „Если кто васъ обидитъ или отнесется не такъ какъ слѣдуетъ отнести къ настоящему Семеновцу, то я даю вамъ право обратиться прямо ко мнѣ.“¹⁾

Такого „права“ кромѣ Семеновцевъ не получалъ ни одинъ русскій гражданинъ!

Неоднократно царь выражаетъ свою благодарность и казакамъ; свое „сердечное спасибо“ за ихъ „тяжелую и преданную службу“. На одномъ изъ парадовъ, въ видѣ особой чести, онъ позволяетъ командиру полка взять на руки младенца-наслѣдника. (Всѣ эти рѣчи читатель найдетъ цѣликомъ въ приложеніи.)

Теперь уже окончательно отбрасывается въ сторону всякое фарисейство.

Принимая 23 декабря 1905 г. въ Царскосельскомъ дворцѣ комиссію отъ союза русскаго народа, съ докторомъ Дубровинимъ во главѣ, царь заявляетъ: „Возложенное на меня въ Кремлѣ Московскомъ бремя Я буду нести Самъ.“ Въмѣсто подотчетности правительства передъ народомъ, онъ провозглашаетъ старый самодержавный лозунгъ: „Во власти я отдамъ отчетъ передъ Богомъ.“ Чтобы провести этотъ принципъ въ жизнь — нужна помощь черной сотни. „Поблагодарите всѣхъ русскихъ людей примкнув-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 10.

шихъ къ союзу русскаго народа,“ добавляетъ онъ и надѣваетъ на себя и на наследника приподнесенные ему значки союза. „Скоро, скоро возсіяетъ солнце правды надъ Землею Русской, и тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ.“ Какое море крови сулятъ послѣднія слова! И передъ ихъ трагическимъ смысломъ блѣднѣетъ невольный комизмъ послѣдней части аудіенціи, когда Государь проситъ передать извозчикамъ благодарность, потому что удалось ихъ удержать отъ забастовки.¹⁾

Иногда, правда, еще дѣлаются попытки при помощи діалектики примирить непримиримое: манифестъ 17-го октября и желаніе сохранить самодержавіе. „Реформы, которыя Мною возвѣщены манифестомъ 17-го октября, будутъ осуществлены неизмѣнно, и права, которыя Мною даны одинаково всему населенію, неотъемлемы. Самодержавіе же Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь.“²⁾

Какое же реальное содержаніе было въ этихъ словахъ? Какъ Николай надѣялся примирить самодержавіе съ законодательной Думой?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ рѣчахъ Побѣдоносцева, Лобко, Нарышкина, Бо-

¹⁾ см. ук. лит. В. 5.

²⁾ Ibidem.

бринскаго и другихъ, произнесенныхъ на тайномъ совѣщаніи, происходившемъ въ присутствіи Николая отъ 19 до 26 іюля 1905 года. Рѣшили дать крестьянамъ преобладающее число голосовъ въ будущей Думѣ, разсчитывая на „дѣльное міровозрѣніе неграмотныхъ мужиковъ“, на ихъ „преданность“. Если-бы расчетъ оказался правильнымъ, то и при наличности Думы фактическая власть оказалась бы въ рукахъ самодержца.¹⁾

Если же и пройдутъ два—три лѣвыхъ крестьянскихъ депутата, то и это окупится вполне ввиду многостепенности выборовъ. Для того, чтобы прошелъ хотя бы одинъ лѣвый депутатъ, должны открыто выступить десятки лѣвыхъ выборщиковъ и сотни лѣвыхъ уполномоченныхъ. Мѣстные власти „запомнить“ ихъ — и доставятъ при первой надобности въ „мѣста не столь отдаленныя“.

Такимъ образомъ осуществился бы уже тогда идеаль, достигнутый лишь при третьей Думѣ, когда было лишено избирательныхъ правъ все трудовое населеніе: видимость народнаго представительства и дѣйствительная неограниченность самодержавія.

Такимъ образомъ и созывъ Думы представлялъ изъ себя грандіозную провокаціонную попытку.

Но удалась лишь одна часть провокаціи.

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

Дѣйствительно тысячи, десятки тысячъ выборщиковъ и уполномоченныхъ, чтобы провести лѣвыхъ депутатовъ, обнаружили передъ начальствомъ свою „неблагонадежность“ и тѣмъ самымъ навлекли на себя судебныя и административныя бичи и скорпіоны.

Но вторая часть провокаціонныхъ вождепей потерпѣла блестящее фіаско. Народные представители, фарисейски названные Николаемъ „лучшими людьми“, оказались дѣйствительно „не худшими“.

Лозунгъ Земли и Воли выставлялся настойчиво и энергично. Дальнѣйшая игра въ „Самодержавіе при наличности Думы“ не мыслима. Царю приходится рѣшаться въ ту или другую сторону. И онъ рѣшается. Депутація народныхъ представителей, желающая преподнести отвѣтный адресъ народныхъ представителей на его тронную рѣчь — не принимается. Требованія выраженные въ адресѣ — оставляются безъ вниманія.

Зато съ полнымъ вниманіемъ Николай прислушивается къ голосамъ раздающимся на сѣздѣ объединеннаго дворянства. Когда депутація этого сѣзда является 16-го іюня къ премьеръ-министру съ просьбой усилить репрессіи противъ крестьянъ, ей отвѣчаютъ, что мѣры уже приняты.¹⁾

Просьба же дворянъ, подкрѣпленная союзомъ

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

русскаго народа, о разгонѣ Думы исполняется на-
конецъ 8 іюля.

Не забываются телеграфныя просьбы союза
русскаго народа, и мольбы дворянскаго съѣзда,
о болѣе частомъ примѣненіи казней: 20 авг. 1906 г.
вводятся въ дѣйствіе военно-полевые суды.

Мало того: 26-го августа Николай заявляетъ
Павлову, что онъ „требуешь безусловнаго
примѣненія новаго закона“, запрещаетъ
„представлять ему телеграммы о поми-
лованіи“ и „что командующіе войсками и гене-
раль-губернаторы, которые допустятъ от-
ступленіе отъ Высочайшаго повелѣнія,
будутъ за это отвѣтственны лично пе-
редъ Его Величествомъ!“¹⁾ (См. прило-
женіе.)

Такъ отвѣтилъ царь на народное требованіе
амнистіи заявленное ему первой Думой!

Зато помилованія приговоренныхъ за участіе
въ погромахъ слѣдуютъ одно за другимъ.²⁾ Вѣдь
ихъ освобожденія желаетъ не русскій народъ, — а
„союзъ русскаго народа“!

Междудумьемъ пользуются для изданія зако-
новъ. Наиболѣе провокаціонный изъ нихъ законъ
9-го ноября. Теперь уже нѣтъ двухъ мнѣній о томъ,
что законъ этотъ былъ изданъ не съ цѣлью по-

¹⁾ см. ук. лит. В. 6.

²⁾ см. ук. лит. В. 24.

мочь крестьянству, а чтобы разслоить его, натравить часть крестьянъ на другую. *Divide et impera!*

Но и это не сразу удастся. Собирается вторая Дума. Депутаты ея еще революціоннѣе чѣмъ въ первой. И снова сыплются телеграммы черной сотни съ просьбами о разгонѣ. „Читалъ съ удовольствіемъ“, отмѣчаетъ Николай.¹⁾ Съѣздъ союза русскаго народа шлетъ телеграмму, и „удаستاивается всемилостивѣйшаго отвѣта“.

3 іюня наступаетъ наконецъ обѣщанный моментъ, когда по словамъ царя „разсѣются сомнѣнія“. Разгоняется и вторая Дума, причемъ царь явно нарушая не только обѣщанія манифеста 17 октября, но и самимъ же имъ изданные основные законы, вводитъ измѣненіе въ избирательный законъ. Самодержавіе дѣйствительно возстановлено. *Vogue la galère!*

Немедленно спустя въ качествѣ „надежной опоры“ призывается царемъ къ содѣйствію союзъ русскаго народа, „который“, по словамъ Николая, „долженъ служить для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка“.²⁾

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Николай посылаетъ даже свой портретъ съ собственноручной надписью въ Екатерино-

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

²⁾ см. ук. лит. Б. 18.

славскій отдѣлъ союза русскаго народа. Это въ тотъ самый отдѣлъ, которымъ былъ убитъ членъ Второй Государственной Думы, трудовикъ, докторъ Караваевъ.¹⁾

Функции военно-полевыхъ судовъ, отмѣненныхъ Думой, передаются военно-окружнымъ.

Наступаетъ вакханалія казней, карательныхъ экспедицій, правительственныхъ убійствъ и истязаній, правительственныхъ грабежей и вымогательствъ.

Варшавскій генераль-губернаторъ разстрѣливаетъ безъ суда 11 рабочихъ, заподозрѣнныхъ отчасти въ убійствѣ фабриканта, отчасти просто въ принадлежности къ революціоннымъ партіямъ. Онъ самъ докладываетъ объ этомъ царю — и получаетъ одобреніе.²⁾ Не мудрено. Въдъ по приказу того же Николая произведенъ въ почетные граждане сыщикъ, отравившій революціонера Черняка.³⁾

Агенты охраннаго отдѣленія и члены союза русскаго народа, приговоренные финляндскимъ судомъ къ тюремному заключенію и исправительнымъ работамъ, тотчасъ же по вынесеніи приговора освобождаются по „указу Его Величества.“

Каульбарсы, Думбадзе, Меллеръ-Закомельскіе

¹⁾ см. ук. лит. А. 9.

²⁾ см. ук. лит. В. 24.

³⁾ см. ук. лит. В. 4.

и tutti quanti чувствуютъ, что ихъ положеніе все болѣе и болѣе прочно.

Курловъ, въ октябрѣ 1905 г. разстрѣлявшій въ Минскѣ участниковъ митинга, имъ же разрѣшеннаго, получаетъ въ свои руки тюремное управленіе.¹⁾ А когда онъ достаточно „подтянулъ“ свое вѣдомство, когда къ эпидеміямъ тифа и цынги свирѣпствующимъ въ тюрьмахъ, прибавляется и эпидемія самоубійствъ, онъ получаетъ повышеніе. Въ качествѣ товарища министра вн. дѣлъ онъ долженъ „подтянуть“ всю полицію и всю жандармерію, ибо Николаю ихъ „ретивость“ повидимому еще все недостаточна.

Но нужно усилить энергію и добровольной полиціи. И Николай передаетъ 100 000 руб. „Русскому Собранію“, аристократическому отдѣлу союза русскаго народа, „черной сотнѣ бѣлой кости“.²⁾

Въ приказѣ по военному вѣдомству Николай II выражаетъ свою „Высочайшую благодарность“ всѣмъ членамъ военныхъ судовъ за тѣ „многочисленные и тяжелые труды“, которые они несли за послѣдніе годы.³⁾

Да, все крѣпче и шире плетется сѣть царскихъ заговоровъ противъ народа.

¹⁾ см. ук. лит. А. 13.

²⁾ см. ук. лит. В. 16.

³⁾ Ibidem.

Заговоры противъ царя.

На заговоры сверху отвѣчаютъ заговорами снизу. Этому насъ учитъ исторія. Такъ было, такъ будетъ.

„Лишенные возможности какимъ-бы то ни было мирнымъ способомъ противодѣйствовать злодѣяніямъ, мы считаемъ не только своимъ правомъ, но и своей священной обязанностью — не смотря на все отвращеніе внушаемое намъ такими средствами борьбы — на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую народную кровь, платить кровью его угнетателей.¹⁾“

Такъ заявили соціалисты-революціонеры возобновляя террористическую борьбу, прекратившуюся со времени разгрома партіи „Народной Воли“.

Но удары террора пока направлялись не противъ самого царя.

Правда, тѣмъ временемъ имѣютъ мѣсто нѣсколько таинственныхъ заговоровъ, но революціонныя партіи къ нимъ никакого отношенія не имѣютъ.

¹⁾ см. ук. лит. Б. 15.

Объ одномъ изъ нихъ мы уже говорили¹⁾: онъ былъ устроенъ вдовствующей Императрицей Марьей Фёдоровной, пытавшейся лишить сына власти, чтобы взять ее въ свои руки. Но попытка не удалась: прочіе члены Августѣйшей Фамиліи считали Николая достаточно черносотеннымъ, и поэтому достойнымъ и дальше носить корону Романовыхъ. И поэтому не достигали цѣли письма, которыя подбрасывали Николаю приверженцы его матери, письма, содержащія въ себѣ угрозы, якобы исходившія отъ революціонеровъ. Николай отъ престола не отказывался.

Что касается выстрѣла въ крещенскій парадъ, то тутъ скорѣе можно предположить, что его направили революціонно настроенные офицеры. Окончательно его характеръ еще не выяснился, но одно можно сказать съ достовѣрностью: не партія социалистовъ-революціонеровъ его подготовила.

Пока ею было рѣшено не трогать царской семьи. Но лишь — пока.

„Это было въ Петербургѣ. На креслахъ сидѣли члены военно-полевого суда; на скамьѣ подсудимыхъ — Боевая Органиція П. С. Р. Гершуни давалъ объясненія. Рѣчь шла объ отношеніи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ къ Боевой Организациі. „Центральный Комитетъ на-

¹⁾ См. стр. 177

мѣчаетъ іерархически должностныхъ лицъ, на которыхъ Боевая Организція вправѣ совершать покушенія. Внутри этого круга Боевая Организція дѣйствуетъ за свой страхъ и рискъ совершенно самостоятельно.“ — „До какого же іерархическаго положенія партія разрѣшила теперь дѣлать покушенія?“ задаетъ вопросъ предсѣдатель. Среди гробового молчанія, въ которомъ можно было бы слушать полетъ мухи, при общемъ напряженномъ вниманіи всей залы, своимъ ровнымъ, металлическимъ голосомъ отчеканивая каждое слово, Гершуніи отвѣчаетъ: „На всѣхъ кромѣ лицъ царской фамиліи!“ Трижды былъ повторенъ вопросъ — и трижды Гершуніи повторилъ: „Пока лицъ царской фамиліи рѣшено не трогать!“

„Это „пока“ такъ и осталось висѣть неопредѣленной, по вѣчной угрозой. Прошелъ годъ и это „пока“ сорвалось со своихъ петель и всей своей тяжестью упало надъ каретой великаго князя Сергѣя Александровича.“¹⁾

Но могло вѣдь оно въ каждую минуту обрушиться и надъ головой Николая!

И царь ждалъ и дрожалъ.
.
Во время первой Думы Партія Соціалистовъ-Револуціонеровъ временно приостановила всѣ терро-

¹⁾ изъ рѣчи защитника Каляева на военномъ судѣ, см. ук. лит. Б. 15.

ристическіе акты. Предвидѣлся разгонъ Думы и нужно было взять у правительства возможность свалить вину разгона на революціонеровъ. Нужно было показать народу, что и при отсутствіи террора царь всетаки Думы терпѣть не будетъ.

Дума была разогнана и терроръ возобновился. Не прекратились во время второй Думы правительственныя казни и разстрѣлы — не прекратился и терроръ. Но роковое „пока“ надъ головой Николая еще не срывалось — его смерть казалась революціонерамъ „пока“ нецѣлесообразной.

Но вдругъ во Второй Государственной Думѣ премьеръ-министръ Столыпинъ дѣлаетъ заявленіе, что раскрытъ заговоръ противъ царя, вел. кн. Николая Николаевича и его самого.

Правая часть Думы, а вмѣстѣ съ ней и кадеты, изъявляютъ шумную радость по поводу раскрытія „злодѣйскаго покушенія“, а лѣвая, видя въ этомъ лишь покушеніе на Думу, и не желая участвовать въ патріотическомъ фарсѣ, покидаетъ залъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней депутатъ Ширскій заявляетъ отъ лица Думской группы социалистовъ-революціонеровъ, что по имѣющимъ у нея свѣдѣніямъ „партія социалистовъ-революціонеровъ къ упомянутому заговору, если таковой дѣйствительно существовалъ или существуетъ, а

не выдуманъ съ провокаціонной цѣлью, никакого отношенія не имѣеть.“¹⁾

1-го августа 1907 г. Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, въ своемъ органѣ, снова заявила о несуществованіи заговора:

„Въ настоящее время изъ обвинительнаго акта по дѣлу о „заговорѣ“ обнаруживается, что обвиненіе предъявлено къ цѣлому ряду лицъ, часть которыхъ дѣйствительно состоитъ членами П. С. Р.

„Ц. К. заявляетъ: что партія вела, ведетъ и будетъ вести до фактическаго сверженія самодержавія террористическую борьбу, стараясь довести ее до максимальныхъ размѣровъ; что эта борьба направлена противъ всѣхъ агентовъ правительственной власти не исключая, какъ это заявлено въ № 1 „Знамени Труда“ отъ 1-го іюля 1907 г., и представителей династїи; что партія никогда своихъ террористическихъ актовъ и замысловъ не скрываетъ.“

„По поводу предъявленнаго обвиненія Центр. Ком. вторично подтверждаетъ, что данной группѣ лицъ, искусственно составленной слѣдственной властью, никакого порученія на совершеніе террористическаго акта противъ царя дано не было, и что эта группа такого покушенія не готовила.“

„Если же сообщенія обвинительнаго акта о

¹⁾ см. ук. лит. Б. 6.

переговорахъ, которые будто бы велись отдѣльными лицами о планѣ дворца, о царскихъ проѣздахъ и проч., хотя бы въ малѣйшей степени соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то это слѣдуетъ отнести къ области простыхъ информаций, которыя можетъ вести всякій членъ партіи.“¹⁾

Совершенно независимо отъ партіи, но то же самое по существу, выяснилось, наконецъ, и на судѣ.

Казакъ фельдфебель конвоя Его Величества уличается начальствомъ въ чтеніи нелегальныхъ изданій и соотвѣтственно наказывается. Черезъ нѣкоторое время уличается вторично. Ему грозятъ военнымъ судомъ, каторгой, висѣлицей и обѣщаютъ помиловать лишь въ случаѣ безпрекословнаго повиновенія начальству. Запуганный Ратимовъ соглашается. И вотъ начальство ему приказываетъ поддерживать связи съ знакомыми революціонерами, предлагать имъ свѣдѣнія о проѣздахъ царя, о расположеніи дворца и т. д. Революціонеры сообщенія выслушиваютъ, свѣдѣнія собираютъ, но утилизировать „пока“ не собираются. „Ну, пока самого оставимъ, а вотъ расскажите лучше о Столыпинѣ“, говоритъ Сенявскій Ратимову.

Такимъ образомъ выяснилось, что если „заго-

¹⁾ см. ук. лит. Б. 4.

воръ“ подготовлялся, то не революціонерами, а — правительствомъ Николая Второго. Ему нужно было „создать“ заговоръ, „предупредить“ его, а затѣмъ, воспользовавшись имъ, сдѣлать покушеніе на Думу.¹⁾

Да, этотъ эпизодъ былъ заговоромъ царя, а не — противъ царя.

Революціонерамъ казалось, что возмездіе еще преждевременно.

„Видя центръ тяжести золь самодержавія прежде всего въ уродливомъ, безконтрольномъ положеніи самодержца и его правительства, мы не можемъ придавать первенствующаго значенія личности царя, съ какимъ бы омерзѣніемъ мы къ ней не относились. Для насъ не имѣетъ смысла освобождать тронъ отъ „недостойнаго“ его представителя для того только, чтобы замѣстить его „достойнѣйшимъ“. Напротивъ, чѣмъ болѣе „недостойный“ монархъ дискредитируетъ въ глазахъ народа свое званіе, тѣмъ глубже и безвозвратнѣе будутъ похоронены всѣ наивныя народныя надежды на самодержавіе. Революціонный ударъ можетъ упасть лично на самодержца лишь въ одномъ изъ двухъ случаевъ. Либо, если онъ самъ успѣетъ сосредоточить на себѣ народную ненависть въ такой мѣрѣ, что голосъ народа будетъ требовать его немедлен-

¹⁾ см. ук. лит. В. 6.

наго наказанія и промедленіе въ этомъ отношеніи станетъ оскорбленіемъ народной совѣсти; или если при наличныхъ политическихъ обстоятельствахъ смерть царя явилась бы важнымъ практическимъ шагомъ для доставленія революціи немедленнаго успѣха.“¹⁾

Такъ писали социалисты-революціонеры въ 1905 году. Но уже три года спустя царь повидимому „достаточно сосредоточилъ на себѣ народную ненависть и въ 1908 году устраивается дѣйствительный заговоръ противъ царя: объ этомъ заявляетъ въ извѣщеніи Центр. Ком. П. С.-Р. Лишь благодаря случайности заговоръ не доводится до удачнаго конца.“²⁾

* * *

Еще раньше, чѣмъ заговоры дѣйствительно замышлялись и предполагались, Николай уже дрожалъ за свою жизнь.

Ко всѣмъ приказамъ Унтербергера, заговорамъ сверху — прибавлялась еще одна мѣра охраны: провокація внизу.

Но эта мѣра оказалась обоюдоострымъ оружіемъ для Николая.

Его правительство вводитъ въ Партію Соці-

¹⁾ см. ук. лит. А. 15.

²⁾ см. ук. лит. Б. 4.

листовъ-Революціонеровъ провокатора Азефа, разоблаченнаго въ то время какъ мы пишемъ эти строки.

Но что изъ этого выходитъ? Азефъ выдастъ десятки революціонеровъ. Сотни изъ-за него идутъ на каторгу, десятки на висѣлицу. А чтобы подозрѣніе революціонеровъ не пало на него, чтобы они не заподозрили его службы правительству, онъ — обманываетъ не только революціонеровъ, но и правительство. Онъ самъ участвуетъ въ террористическихъ актахъ. При его помощи убивается любимецъ Николая — Плеве, при его-же содѣйствіи — Сергѣй Александровичъ. Въ 1908-мъ же году, Азефъ участвуетъ въ подготовленіи акта на царя, неудавшагося независимо отъ него!¹⁾

Азефъ обманывалъ революціонеровъ, да, это вѣрно! Но они пользовались имъ, потому что не знали о его связяхъ съ правительствомъ. Правительство же имъ пользовалось, потому что знало о его связяхъ съ революціонерами!

И въ этомъ вся разница. Опричники пользовались имъ, чтобы деморализовать и дезорганизовать партію, и сами оказались имъ-же деморализованы и дезорганизованы.

* * *

¹⁾ см. ук. лит. В. 4.

Азефъ разоблаченъ и бѣжалъ.

Комиссіи назначенной партіей социалистовъ-революціонеровъ удалось обнаружить и другихъ провокаторовъ свившихъ себѣ гнѣздо внутри партіи.

Другіе попытаются вновь проникнуть въ партію.

Удастся имъ это или нѣтъ? Не все равно ли это для судьбы Николая?

Не отъ ихъ удачи или неудачи будетъ зависѣть его жизнь.

Или эти агенты будутъ служить царю „вѣрой и правдой“, выдавая всѣхъ кого знаютъ и не принимая лично участія въ „преступленіяхъ“ революціонеровъ. Тогда ихъ провокатура будетъ быстро обнаруживаться и ихъ карьерѣ будетъ полагаться быстрый конецъ.

Или же идя по стопамъ Азефа, они, чтобы сохранить довѣріе къ себѣ революціонеровъ, будутъ содѣйствовать удачѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ предпріятій — и такимъ образомъ какъ и самъ Азефъ — содѣйствовать удачѣ покушеній на самого царя.

Нѣтъ, не вѣрностью и преданностью провокаторовъ можетъ быть спасена жизнь Николая.

Тотъ, кто наблюдалъ неумолимые законы исторіи, отвѣчающей на заговоры сверху неизмѣнно заговорами снизу, пойметъ, что лишъ самъ Нико-

дай властенъ удержатъ карающую руку революціи.

„У насъ только два пути“, говорили въ своей петиціи 9-го января 1905 г. петербургскіе рабочіе: „или къ свободѣ и къ счастью, или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ, мы пойдёмъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти.“¹⁾

И государь указалъ на второй: грянули выстрѣлы 9-го января.

Невольно вспоминается эта сцена.

Теперь самъ Николай на перепутьи: одинъ путь ведетъ къ народной волѣ и счастью, другой — это путь покрытый кровью революціонеровъ, но и кровью тѣхъ, на кого опускается ихъ карающая рука.

Tertium non datur. Этому учитъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, даже тѣхъ, кто хотѣлъ бы сохранить жизнь Николая.

„Революціонеры угрозъ на вѣтеръ не расточаютъ“ — такъ заявляла партія социалистовъ-революціонеровъ послѣ одного изъ удачныхъ покушеній.

И невольно призадумывается надъ судьбой Николая II вдумчивый наблюдатель, вспоминая эти слова и сопоставляя ихъ съ другими полными грознымъ предостереженіемъ. По окончаніи процесса

¹⁾ см. ук. лит. А. 8б.

„о заговорѣ“ партія социалистовъ-революціонеровъ заявила въ своемъ центральномъ органѣ:¹⁾

„По выслушаніи — смертнаго приговора (по „дѣлу о заговорѣ“), кто-то изъ подсудимыхъ съ усмѣшкой сказалъ: „это была репетиція процесса о заговорѣ“. Да, это была лишь репетиція. Настоящій процессъ еще впереди. Сегодня нѣсколько товарищей погибнуть за дѣло, котораго они не дѣлали. Да послужить имъ утѣшеніемъ, что вслѣдъ за ними пойдутъ бойцы, на долю которыхъ выпадетъ счастье дѣлать это дѣло.“

¹⁾ см. ук. лит. Б. 4.

Приложеніе.

**Избранныя рѣчи
Николая Второго,**

тайные документы,

телеграммы, приказы,

резолюціи, замѣтки.

1.

Во время всеобщей переписи, производившейся въ январѣ 1897 г., Государь Императоръ изволилъ требовать опросный листокъ, и собственноручно начертать отвѣты на предлагаемые листкомъ вопросы. На вопросъ „чѣмъ занимаетесь?“ Его Величество изволилъ собственноручно начертать отвѣтъ: „хозяйинъ земли русской“, а на вопросъ: „какого сословія?“ — „первый дворянинъ.“

Листокъ этотъ, съ собственноручными записями Его Величества хранится въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ. (Н. Д. № 1, 1909.)

1894.

2.

Первую свою рѣчь монархъ произнесъ 31-го октября на Высочайшемъ выходѣ, обращаясь къ Московскому дворянству, купечеству и представителямъ московскихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений:

„Тяжко и больно быть те-
„перь въ Москвѣ, которую такъ искренне любилъ
„Мой незабвенный Батюшка; но Императрица и Я
„находимъ сердечное утѣшеніе въ мо-
„литвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся
„Россія проливаетъ въ эти дни испытанія.
„Да поможетъ Мнѣ Господь служить Нашей
„горячо любимой родинѣ такъ же, какъ
„служилъ ей Мой покойный Отецъ, и
„вести ее по указанному имъ свѣтлому
„и лучезарному пути“. (Пр. В. 1894, № 242.)

3.

2-го ноября въ Аничковскомъ дворцѣ Государю
Императору благоугодно было обратиться къ пред-
сѣдателю и членамъ Государственнаго Совѣта со
слѣдующими словами:

„Волею Всевышняго тяжкое
„горе обрушилось на всѣхъ Насъ; безвременно скон-
„чался дорогой Родитель Мой, Александръ III.“

„Покойный государь не успѣлъ передъ смертью
„передать Мнѣ свою волю о выраженіи благодар-
„ности членамъ Государственнаго Совѣта за ихъ
„вѣрную Ему службу. Но, зная, какъ незабвенный
„Мой Отецъ былъ всегда доволенъ трудами Госу-
„дарственнаго Совѣта, Я смѣло могу взять на
„Себя право благодарить васъ отъ Имени Почив-
„шаго. Да поможетъ мнѣ Богъ нести тяжесть госу-

„дарственного служенія, преждевременно на Меня
„возложеннаго. Надѣюсь, господа, на ваше полное
„содѣйствіе.“ (Пр. В. 1894, № 242.)

1895.

4.

17-го января представители дворянствъ, земствъ
и городовъ собрались въ Николаевской залѣ. При-
вѣтствовавъ собравшихся и выйдя на середину за-
лы Его Императорское Величество произнесъ слѣ-
дующія слова:

„Я радъ видѣть представителей
„всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрно-
„подданническихъ чувствъ, искони присущихъ каж-
„дому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣд-
„нее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ
„собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся без-
„смысленными мечтаніями объ участіи
„представителей земства въ дѣлахъ
„внутренняго управленія. Пусть всѣ зна-
„ютъ, что Я, посвящая всѣ свои силы благу народ-
„ному, буду охранять начало самодер-
„жавія такъ же твердо и неуклонно,
„какъ охранялъ его Мой незабвенный,
„покойный Родитель.“ (П. В. 1895, № 14.)

5.

На докладъ министра вн. д. объ адресѣ тверскаго земства послѣдовала Высочайшая резолюція:

„Я чрезвычайно удивленъ „этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ „губернскаго земскаго собранія.“ (П. Г. Н.)

6.

На петицію 78-ми литераторовъ, о томъ чтобы Государь благоволилъ принять литературу подъ сѣнь закона, послѣдовала Высочайшая резолюція, доставленная одному изъ 78-ми подписавшихъ петицію, академику Бильбасову, черезъ околоточнаго надзирателя:

„оста-
вить безъ всякаго послѣдствія.“ (П. Г. Н.)

7.

На докладъ о безпорядкахъ имѣвшихъ мѣсто въ Ярославлѣ въ мартѣ 1895 г., во время которыхъ по приказу офицеровъ нижними чинами фанагорійскаго полка былъ данъ залпъ по обратившейся въ бѣгство толпѣ, въ результатъ котораго оказалось 13 убитыхъ и большое число раненыхъ съ тылу, Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ:

„весьма доволенъ спокойнымъ „и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время

„фабричныхъ безпорядковъ. Спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ, а офицерамъ — искреннюю благодарность за умѣлое и своевременное употребленіе оружія.“ (П. Г. Н.)

1896.

8.

Въ дни Коронованія 18-го мая въ Москвѣ, войдя во дворъ Петровскаго Дворца, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ, царь сказалъ, обращаясь къ волостнымъ старшинамъ:

„Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ за выраженные вами чувства любви и преданности. Не сомнѣваюсь, что ихъ раздѣляютъ всѣ ваши односельчане. Когда увидите ихъ, передайте имъ Наше спасибо. Заботы о благѣ нашемъ такъ же близки Моему сердцу, какъ они близки были Дѣду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова, сказанныя Имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи Его на Царство. Между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ.¹⁾

¹⁾ Императоръ Александръ III, передъ началомъ обѣда волостныхъ старшинъ и гминныхъ войтовъ, 21-го мая 1883 г., обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья и успѣховъ
въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ.“ (Пр. В. 1896, № 108.)

9.

Тамъ же царь обратился къ представителямъ
дворянства со словами:

„Благодарю васъ сердечно
за ваши чувства и вѣрную службу. Не сомнѣ-
ваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ
оно и было, опорой Престола и искренно цѣню
полезное и безкорыстное участіе дво-
рянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно
трудное время, переживаемое помѣст-
нымъ дворянствомъ. Будьте спокойны, Я
не забуду его нужду въ Моихъ заботахъ о
преуспѣяніи нашего дорогого отечества. Душевно
благодарю васъ за ваше теплое участіе въ На-
шихъ торжествахъ“. (П. В. 1896, № 108.)

„Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благодарю
васъ за ваше сердечное участіе въ торжествахъ Нашихъ, къ ко-
торымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. Когда вы разъѣдетесь
по домамъ, передайте всѣмъ Мое сердечное спасибо; слѣдуйте
совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворян-
ства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпнымъ слухамъ и тол-
камъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣкахъ и тому
подобному. „Эти слухи распускаются Нашими врагами. Никакая
собственность, точно также, какъ и ваша, должна быть неприкосно-
венна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья.“

10.

21-го мая послѣ парада въ Ходынскомъ лагерѣ состоялся обѣдъ нижнимъ чинамъ. Подойдя къ столу и наливъ чарку вина, царь поднялъ ее со словами:

„Пью за здоровье частей, празднующихъ „сегодня свои полковые праздники.“

Обращаясь къ войскамъ, прибавилъ:

„За ваше

„здоровье.“ (Пр. В. 1896, № 111.)

1898.

11.

16-го августа въ отвѣтъ на привѣтствіе Государь сказалъ московскому губернскому предводителю дворянства и собраннымъ представителямъ дворянства:

„Благодарю васъ, господа, за выраженные чувства. Мнѣ особенно отрадно слышать ихъ „сегодня, когда вся Россія вспоминаетъ великій „подвигъ Моего Дѣда, столь необходимый для блага „Россіи. Онъ совершилъ его такъ смѣло и осуществилъ такъ мирно и благополучно, благодаря самоотверженному и безкорыстному содѣйствію дворянства. Я и Россія „это помнимъ, и исторія занесетъ подвигъ этотъ на „свои скрижали золотыми письменами. Съ довѣ-

„ріємъ Я буду и впередъ полагаться на дворянство „при дальнѣйшемъ совмѣстномъ служеніи на благо „нашей родины.“ (Пр. В. 1898, № 182.)

1900.

12.

Во время пріема, котораго удостоился ген. Ванновскій, покидавшій постъ министра народнаго просвѣщенія, государь сталъ выказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы. На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда-нибудь Его Величество, Государь изволилъ отвѣтить:

„Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщаль мнѣ „нынче показать двухъ жеребцовъ ... я „и тороплюсь.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

13.

Послѣ концерта скрипача Падеревскаго въ Зимнемъ дворцѣ Его Величество изволилъ выразить свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела игра русскаго. „Простите, Ваше Величество“, отвѣтилъ Падеревскій, „но я полякъ.“ Вслѣдствіе этого Его Величество изволилъ распорядиться о высылкѣ Паде-

ревскаго въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться. (Р. Росс. 1904, № 55.)

1901.

14.

На выраженіе неудовольствія министрами по поводу назначенія генераль-адъютантомъ петербургскаго градоначальника фонъ Клейгельса Государь изволилъ заявить:

„Миѣ совершенно все „равно, кто что говоритъ; я знаю что „дѣлаю.“ (Qu. R. 1904, VI.)

15.

С. Петербургскій градоначальникъ генераль-адъютантъ фонъ Клейгельсъ, созвавши 26-го іюня всѣ чины полиціи, заявилъ имъ: „я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію беспорядковъ — начиная съ весны нынѣшняго года.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

16.

Принимая 6-го декабря 1901 г. въ Зимнемъ дворцѣ высшихъ представителей корпуса жандар-

мовъ, государь обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

„Я очень радъ васъ видѣть, господа! Надеюсь, что союзъ установившійся сегодня между мною и корпусомъ жан-дармовъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ.“ (Прав. В., по А 16 стр. 25.)

1902.

17.

Въ понедѣльникъ, 1-го апрѣля 1902 г., министръ вн. дѣлъ, гофъ-егермейстеръ Сипягинъ, пригласившій Его Величество на слѣдующій четвергъ къ обѣду, удостоился милостиваго согласія Государя Императора. (Q. R. 1904, VII.)

18.

Выслушавъ докладъ объ убійствѣ 2-го апрѣля 1902 г. гофъ-егермейстера Сипягина Степаномъ Балмашевымъ, Государь Императоръ сказалъ:

„За
„Сипягина не помилю.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

19.

Въ апрѣлѣ 1902 г. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи прокта объ управленіи дѣлами инородцевъ въ Сибири, отвергъ статью о правѣ

крестьянскихъ начальниковъ наказывать розгами и, кстати, единогласно постановилъ „принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ Россіи вообще.“ Государь приказалъ „пересмотрѣть вопросъ“. Государственный Совѣтъ повторилъ то же рѣшеніе. На соответственную „меморію“ царь положилъ краткую резолюцію:

„Когда захочу, тогда отмѣню“.
(Р. Росс. 1904, № 55.)

20.

На торжественномъ обѣдѣ имѣвшемъ мѣсто по прекращеніи крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, министръ вн. дѣлъ фонъ-Плеве передалъ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй харьковскому губернатору князю Оболенскому. (Н. Д. 1909, I.)

21.

1-го сентября въ Курскѣ къ собравшимся старшинамъ и сельскимъ старостамъ Государь обратился со слѣдующими словами:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія „экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съу-

„мѣтъ, Я увѣренъ, не допустить на „будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего „Батюшки, сказанныя имъ въ Москвѣ волостнымъ „старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: „Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ“. Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божиимъ. Передайте въ точности все, что я вамъ „сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, „что дѣйствительные ихъ труды я не оставляю „Своимъ попеченіемъ.“ (Пр. В. 1902, № 192.)

22.

Тронутый открытіемъ памятника своему отцу, царь обратился къ Курскому губернскому предводителю дворянства съ вопросомъ: „Вы, кажется, возбудили какое-то ходатайство о денежной поддержкѣ для курскаго дворянства; удовлетворено ли оно?“ На это предводитель отвѣтилъ, что курскимъ дворянствомъ возбуждено ходатайство о пособіи изъ суммъ казны на постройку дворянскаго института для дѣвицъ, но отвѣта еще не получено. Царь обратился къ министру ф. Плеве съ вопросомъ, почему не удовлетворено это ходатайство, на что министръ отвѣтилъ, что оно находится на

разсмотрѣній министра финансовъ, который изыскиваетъ средства для удовлетворенія его. „А о какой суммѣ просить дворянство?“ спрашиваетъ царь. „О 210 000 руб.“, отвѣчаетъ министр. „Выдать 250 000 рублей“, рѣшилъ царь. (Осв. 1902, № 12.)

23.

12-го сентября на Балтійскомъ заводѣ, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее обращеніе депутаціи, Государь изволилъ произнести слѣдующія милостивыя слова:

„Спасибо вамъ за вашу хлѣбъ-соль и за высказанныя чувства. Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте смущать себя дурнымъ людямъ, которые такіе-же враги вамъ, какъ враги и мнѣ.“

„Увѣренъ, братцы, что вы впредь поддержите добрую славу Балтійскаго завода.“ (Пр. В. 1902, № 203.)

1903.

24.

Предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, Его Превосходительствомъ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте,

было сдѣлано слѣдующее заявленіе гласному орловскаго губернскаго земства, А. Стаховичу: „Какъ назначенный Высочайшей Волей предѣдатель совѣщанія, я ручаюсь, что никто ни за какое сдѣланное имъ въ допустимой формѣ заявленіе въ комитетахъ, какъ бы оно ни было рѣзко по существу, не понесетъ никакой отвѣтственности. . . . Государь хочетъ знать всю правду.“ (Р. Росс. 1904, № 4.) (Осв. 1902, № 8.)

25.

„Всепоподаннѣйшій адресъ орловскаго губернскаго земства за милостивый манифестъ 26-го февраля 1903 г. министромъ внутр. дѣлъ 1 мая былъ подвергнутъ на Высочайшее благовозрѣніе Его Императорскаго Величества.

Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ означенномъ адресѣ на ряду съ изъявленіемъ вѣрнопоподанническихъ чувствъ содержится ходатайство губернскаго земскаго собранія по предмету, не относящемуся къ вѣдѣнію земскихъ учреждений.

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ,

„что-
бы случаи, подобные настоящему,
„впредь не повторялись.“

О таковой Высочайшей Волѣ г. министръ вн.

дѣль увѣдомиль, г. орловскаго губернатора для непремѣннаго и точнаго руководства и исполненія, о чемъ губернская управа имѣеть честь доложить губернскому земскому собранію.“ (Осв. 1903, № 38.)

26.

19-го іюля 1903 г., во время Саровскихъ торжествъ, на пріемѣ тамбовскаго дворянства, Государь произнесъ:

„Отъ Имени Государынь Импера-
„трицъ и отъ Своего сердечно благодарю васъ
„за гостепріимный и радушный пріемъ. Я пью за
„процвѣтаніе тамбовскаго дворянства; за ваше
„здоровье, господа.“ (Пр. В. 1903 г., № 163.)

27.

Послѣ благодарности за привѣтствія и выраженные чувства, бывший земскій начальникъ Малевинскій удостоился вопроса, правда ли, что по сосѣдству были лѣсные пожары. Губернскому предводителю, кн. Чолыкаеву, пришлось отвѣчать на Высочайшій вопросъ, всѣ ли тамбовскіе дворяне собрались за чаемъ въ Саровѣ. (Осв. 1903, стр. 108.)

28.

17-го сентября, на привѣтствіе дворянства Херсонской губерніи, царь отвѣтилъ:

„Благодарю васъ за хлѣбъ-соль и за выраженные чувства. Увѣренъ въ преданности вашей и всего дворянства. Прошу передать всѣмъ дворянамъ мою благодарность.“ (Пр. В. 1904, № 213.)

1905.

29.

19-го января депутаціи, вызванной отъ рабочихъ, царь сказалъ:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ.“

„Прискорбныя событія, съ печальными, но неизбежными послѣдствіями смуты, произошли отъ того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины.“

„Приглашая васъ идти подавать Миѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно-русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго виѣшняго врага.“

„Стачки и мятежныя сборища толь-

„ко возбуждаютъ безработную толпу къ
„такимъ беспорядкамъ, которыя всегда
„заставляли и будутъ заставлять власти
„прибѣгать къ военной силѣ, а это неиз-
„бѣжно вызываетъ и неповинныя жер-
„твы.“

„Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое
„надо улучшить и упорядочить, но имѣйте тер-
„пѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что
„слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хо-
„зясвамъ, и считаться съ условіями нашей про-
„мышленности. Но мятежною толпою заявлять
„Мнѣ о своихъ нуждахъ — преступно.“

„Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ
„озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію
„быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить
„имъ впредь законные пути для выясненія назрѣв-
„шихъ ихъ нуждъ.“

„Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей
„и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а по-
„тому прощаю имъ вину ихъ.“

„Теперь возвращайтесь къ мирномъ труду
„вашему, благословясь принимайтесь за дѣло
„вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ Богъ
„вамъ въ помощь.“

Послѣ этой рѣчи рабочимъ были розданы
печатные оттиски ея. (Пр. В. 1905, № 45.)

30.

Когда министр юстиціи, Манухинъ, доложилъ Государю, что сенатъ отвергъ кассацию, и смертный приговоръ надъ Каляевымъ, такимъ образомъ, вступилъ въ законную силу, царь ничего не отвѣчая, отошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу. Отвѣта на сообщеніе Манухина такъ и не послѣдовало. (Р. Росс. 1905, № 68.)

31.

6-го іюня въ Петергофѣ, на приѣмѣ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, царь сказалъ :

„Я
„радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что
„вами, господа, руководило чувство горячей любви
„къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обра-
„щеніи ко Мнѣ.“

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ
„Моимъ всею душою скорбѣлъ о тѣхъ бѣдствіяхъ,
„которыя принесла Россіи война и которыя необ-
„ходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ
„нашихъ неурядицахъ.“

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля,
„воля Царская — созывать выборныхъ
„отъ народа — непреклонна. Привле-
„ченіе ихъ къ работѣ государственной

„будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.“

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.“

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія. Пусть установится, какъ было въстарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго само бытнмъ русскимъ началамъ.“

„Я надѣюсь, что вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ“. (Пр. В. 1905, № 121.)

32.

20-го іюля, въ отвѣтъ на адресъ, поднесенный депутаціей отъ Курскаго дворянства, Его Величество удостоилъ депутацію слѣдующихъ словъ:

„Я очень вамъ благодаренъ, господа: передайте Мой привѣтъ Курскому дворянству за столь твердо и сердечно выраженные мысли. Я вполнѣ сознаю ту пользу, которую можетъ принести въ будущемъ законсовѣщательномъ учрежденіи присутствіе двухъ основныхъ земельныхъ сословіи — дворянства и крестьянства, которыя

„искони дѣлили радость и горе со своими Царями.“
(Пр. В. 1905, № 134.)

33.

21-го іюня, во время приёма представителей отъ разныхъ сословій и общественныхъ учреждений, царь, выслушавъ обращенныя къ нему привѣтствія, удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, „и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.“

„Мнѣ особенно отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной „старинѣ.“

„Только то государство и сильно и „крѣпко, которое свято хранитъ завѣты „прошлаго. Мы сами противъ этого „погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, „насъ и караетъ.“

„Что же касается опасеній, вами выраженныхъ, „— скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ „пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ „новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ „на благо всѣхъ моихъ подданныхъ.“

„Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ „кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину

„въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ
„ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ
„подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ
„и да поможетъ.“ (Пр. В. 1905, № 136.)

34.

Послѣ доклада адмирала Рождественскаго о
недостаткахъ балтійской эскадры Государь сказалъ
вел. кн. Алексѣю Александровичу:

„Лучше бы ты, дядя, воро-
„валъ вдвое, да хоть брони-то строишь
„бы настоящія!“ (З. Нар. 1909, № 13.)

35.

На всеподданнѣйшей телеграммѣ 15-го іюля
изъ Дѣдова, отъ духовенства, Государь изволилъ
начертать:

„Русскіе люди могутъ положиться на Меня
„— Я никогда не заключу позорнаго или недостой-
„наго Великой Россіи мира.“ (Пр. В. 1905, № 154.)

36.

На докладѣ о находкѣ на островѣ „Ванха
Мейлю“ 33 ящиковъ военныхъ магазинныхъ вин-
товокъ со штыками и 60 ящиковъ боевыхъ па-
троновъ, 27-го августа, Государь Императоръ соб-
ственноручно начертать соизволилъ:

„Скверное
дѣло.“ (С. О. 1905, № 177.)

37.

Телеграмма Е. И. Вел. Совершенно секретно.
Его Высочеству вел. кн. Александру Михайловичу.
Петергофъ, 17-го октября 1905 г.:

„Сообщеніе съ
„Петербургомъ только моремъ, — положеніе
„постыдное.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

38.

Изъ Высочайшаго манифеста 17-го октября
1905 года:

„... На обязанность правительства воз-
„лагаемъ Мы выполненіе непреклонной На-
„шей воли: Даровать населенію незы-
„блемыя основы гражданской свободы
„на началахъ дѣйствительной неприкосновенности
„личности, свободы совѣсти, слова, собраній и со-
„юзовъ... Установить, какъ незыблемое пра-
„вило, чтобы никакой законъ не могъ
„воспріять силу безъ одобренія Госу-
„дарственной Думы и чтобы выборнымъ
„отъ народа обезпечена была возмож-
„ность дѣйствительнаго участія въ над-
„зорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ
„отъ Насъ властей...“ На подлинномъ собствен-
ною Его Императорскаго Величества рукою подпи-
сано: „Николай.“

39.

4-го ноября Государь принималъ Святѣйшій Синодъ въ полномъ составѣ, который поднесъ Государю икону Спасителя. Въ отвѣтъ на рѣчь митрополита Антонія царь произнесъ:

„Выражаю
„Святѣйшему Синоду Мою благодарность за благо-
„словеніе святою иконою. вмѣстѣ съ вами и
„совсѣми православными людьми непре-
„станно молю Господа Бога, да умирить
„Онъ народъ русскій и да ниспошлетъ ему
„благочестіе и укрѣпленіе вѣры. Крѣпко надѣюсь,
„что все духовенство, особенно сельское, при-
„ложитъ искреннее и вполнѣ христіанское стараніе
„къ водворенію среди своей паствы мира и тишины
„и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ
„обязанностей, безъ чего, по правильному слову
„вашему, не возможно никакое плодотворное раз-
„витіе жизненныхъ силъ нашей Родины.“ (Пр. В.
1905, № 239.)

40.

Командиромъ 7-го армейскаго корпуса была 19-го ноября получена слѣдующая Высочайшая телеграмма:

„Выражаю вамъ Мою благодар-
„ность за энергичное и быстрое пода-
„вленіе мятежа. Объявите Брестскому полку,

„кровью своею запечатлѣвшему вѣрность долгу, что
„я возвращаю ему довѣріе и благоволеніе и сохра-
„няю ему знамя. Передайте частямъ, оставшимся
„вѣрными присягѣ и долгу, и ихъ начальникамъ
„Мою сердечную благодарность за доблестную
„службу. Разрѣшаю уволить запасныхъ этихъ
„частей. Николай.“ (Р. Инв. 1905, № 258.)

41.

21-го ноября, на парадѣ лейбъ-гвардіи Семенов-
скому полку царь обратился къ полку со слѣдую-
щими высоко милостивыми словами:

„Семеновцы!

„Какъ въ походахъ, такъ и въ мирное время, вы
„всегда радовали своихъ Шефовъ своею славною
„службою, и въ настоящіе смутные дни вы
„честно и преданно служите Престолу
„и Отечеству, вѣрны своему долгу и старымъ
„преданіямъ полка. Искреннее и душевное спасибо
„вамъ за вашу примѣрную службу.“

„Храните всегда такъ же свято завѣты вашего
„Основателя, Великаго Петра, и продолжайте слу-
„жить такъ же вѣрно, честно и доблестно, какъ
„ваши прадѣды, дѣды и отцы.“

„За ваше здоровье, братцы, за славу и про-
„двѣтаніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.“

Послѣ парада, во время завтрака, царь про-
изнесъ:

„Ея Величество и Я сердечно были рады „видѣть васъ, господа, вчера у Насъ и провести „вечерь въ средѣ вашей.“

„Я еще разъ сердечно благодарю „полкъ въ вашемъ лицѣ за честную, без- „завѣтную и примѣрную службу Мнѣ и „Родинѣ, а также за сегодняшній блестящій парадъ.“

„Я пью за то, чтобы полковая семья Семенов- „цевъ всегда являлась бы такою же крѣпкою, спло- „ченною, какою Я вижу ее въ настоящее время „къ Моему великому удовольствію. Пью за ваше „здоровье, господа, и здоровье Моей 1-й батареи.“
(Пр. В. 1905, № 252.)

42.

24-го ноября, во время приѣма депутаціи отъ тульского земства, въ отвѣтъ на рѣчь графа Бобринскаго, царь произнесъ:

„Отъ всего сердца бла- „годарю васъ за выраженныя чувства. Въ настоя- „щее тяжелое время Мнѣ особенно отраднo слы- „шать, что населеніе Тульской губерніи остается „вѣрнымъ своимъ исконнымъ завѣтамъ порядка и „правды.“

„Для полнаго осуществленія даруе- „мыхъ Мною свободъ необходимо пре- „жде всего возстановить порядокъ, но „вполнѣ достигъ этого возможно лишь при друж-

„номъ содѣйствіи всѣхъ вѣрныхъ своему долгу сыновъ Россіи.“

„Знаю, что нужда крестьянская велика. Помочь ей — Моя постоянная забота. Что было возможно сдѣлать для крестьянъ теперь же — сдѣлано. Много еще остается совершить; для этого необходимо возвращеніе къ мирной трудовой жизни и успокоеніе. Приложите къ этому ваши старанія; если вашему доброму примѣру послѣдуютъ другіе, то дѣло улучшенія крестьянскаго быта будетъ значительно облегчено.“

„Передайте пославшему васъ тульскому губернскому земскому собранію Мою сердечную признательность.“ (Пр. В. 1905, № 254.)

43.

1-го декабря, въ Царскомъ Селѣ, Государю имѣли счастье представляться депутаціи отъ: I) союза русскихъ людей, II) монархической партіи, III) союза землевладѣльцевъ, IV) общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, V) совѣта редакціи „Русское Крестьянство“, VI) общества крестьянъ села Воробьевы Горы подъ Москвой и VII) синодальный миссіонеръ, игуменъ Арсеній. При выходѣ Государя всѣ депутаціи привѣтствовали Его земнымъ поклономъ. Отъ имени депутаціи хоругвеносцевъ кн. Щербатовъ поднесъ Его Величеству икону. При-

нявъ икону и приложившись къ ней, царь поблагодарилъ хоругвеносцевъ, обѣщая, согласно ихъ просьбѣ, передать эту икону впослѣдствіи въ Чудовъ монастырь. Тотъ же кн. Щербатовъ удостоился представить Его Величеству адресъ отъ союза русскихъ людей, послѣ чего Государь обратился ко всѣмъ собравшимся со слѣдующими словами:

„Принимаю васъ въ увѣренности, что вижу передъ собою истинныхъ сыновъ Россіи, искони преданныхъ Миѣ и Отечеству.“

„Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предназначенному Мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу родину, что манифестъ, данный Мною 17-го октября, есть полное и убѣжденное выраженіе моей непреклонной и непреложной воли и актъ, не подлежащій измѣненію“.

„Для скорѣйшаго осуществленія дарованныхъ Мною реформъ необходимо при справедливой, строгой и твердой власти водворить спокойствіе и порядокъ въ потрясенной смутами Землѣ Русской.“

„Въ этой задачѣ вы должны дружнымъ содѣйствіемъ на мѣстахъ помочь поставленнымъ Мною властямъ и Миѣ.“

„Большой грѣхъ берутъ на душу тѣ, которые

„своими дѣйствіями и внушеніями создаютъ и под-
„держиваютъ смуту, разжигая страсти и взаимную
„вражду.“

„Да благословитъ Господь Богъ Россію, да
„умиритъ ее и да поможетъ всѣмъ намъ исполнить
„долгъ нашъ до конца.“ (Пр. В. 1905, № 269.)

44.

23-го декабря въ Царскосельскомъ дворцѣ со-
стоялся приемъ комиссіи отъ союза русскаго народа,
состоявшей изъ 23 лицъ. Предсѣдатель Дубровинъ
прочелъ адресъ, выслушавъ который, Государь про-
силъ передать царское спасибо подписавшимъ
адресъ.

Затѣмъ Дубровинъ поднесъ царю
два знака союза для Него и для Наслѣд-
ника.

„Хорошо“, отвѣчала
Государь, — „благодарю васъ“.

По выслушаніи слѣдующаго адреса Майкова,
Государь сказалъ:

„Возложенное на Меня
„въ Кремлѣ Московскомъ бремя власти
„Я буду нести Самъ, и увѣренъ, что рус-
„скій народъ поможетъ Мнѣ. Во власти
„Я отдамъ отчетъ передъ Богомъ.“

На послѣдовавшую затѣмъ рѣчь Майкова, Го-
сударь сказалъ:

„Благодарю васъ за искреннія чувства. Я вѣрю русскому народу.“

Въ отвѣтъ на адресъ отъ Ярославскаго отдѣла союза и рѣчь Триштанга, Государь отвѣтилъ:

„Поблагодарите всѣхъ русскихъ людей, примкнувшихъ къ союзу русскаго народа. Скоро, скоро возсіяетъ солнце правды надъ Землею Русской, и тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ. Передайте Мою благодарность ярославцамъ и вологодскимъ крестьянамъ.“

Въ отвѣтъ на рѣчь Булацеля, умолявшаго не вѣрить „тому, кого выдвигаютъ массоны и кто опирается только на инородцевъ“, и увѣрявшаго, что народъ „творитъ молитву за своего Самодержавнаго Царя и что эта молитва дороже всякихъ похвалъ заграничныхъ газетъ и банкировъ . .“ и закончившаго словами: „обопритесь на русскихъ людей — и никакія врата ада не одолѣютъ Русскаго Государя, окруженнаго своимъ народомъ“ — Государь, поблагодаривъ, изволилъ сказать:

„Да, я вѣрю, что съ вашей помощью Мнѣ и русскому народу удастся побѣдить враговъ Россіи.“

На рѣчь Баранова, который между прочимъ увѣрялъ, что „евреи въ члены союза безусловно

не принимаются, хотя бы и исповѣдывали православную вѣру“, что „настоящая смута на Святой Руси дѣло ихъ рукъ“, и умолялъ „не давать имъ равноправія съ нами, иначе они будутъ владычествовать надъ нами“, — Государь отвѣтилъ:

„Я подумаю.“

Затѣмъ Государь выслушалъ рабочаго Кузьмина и отвѣтилъ:

„Объединяйтесь, русскіе люди, Я „равсчитываю на васъ.“

Послѣ рѣчи Борисова Государь сказалъ:

„Благодарю, и передайте „Мою благодарность всѣмъ единомышленникамъ.“

За симъ государь спросилъ:

„Кто вы?“

Борисовъ отвѣтилъ, что онъ извозопромышленникъ, и что извозопромышленники употребили всѣ старанія удержать извозчиковъ отъ забастовки.

На это Государь спросилъ:

„И удалось?“

Борисовъ отвѣтилъ: „Удалось.“

На это Его Величество опять сказалъ:

„Передайте извозчикамъ Мою благодарность; объединяйтесь и старайтесь.“ (Моск. Вѣд. 1906, № 12.)

45.

По окончаніи смотра л.-гв. Семеновскому полку, офицеры и нижніе чины полка удостоились слѣдующихъ высокомиловитыхъ словъ монарха:

„Спасибо, Семеновцы, дорогие мои! Отъ всей души горячо благодарю васъ за вашу службу. Благодаря Вашей доблести, стойкости и вѣрности сломлена крамола въ Мо-„сквѣ.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

46.

31-го декабря 1905 г. во время смотра лейбъ-гвардіи казачьему Его Величества полку царь обратился къ полку со слѣдующими высокомиловитыми словами:

„Лейбъ-казаки! Въ теченіе 100 лѣтъ вы твердо и вѣрно служите своимъ Царямъ, Шефамъ и Отечеству, какъ въ военное время въ походахъ, такъ и въ мирное время; и теперь, въ тѣ смутные дни, которые Господь ниспослалъ Россіи, вы и все войско донское служите честно, вѣрно и беззавѣтно Мнѣ и Россіи. Въ вашемъ лицѣ благодарю донскихъ казаковъ, а всѣмъ вамъ, вѣрнымъ Моимъ казакамъ, сердечное спасибо за службу.“

„Гг. офицеры, отъ души благодарю

„васъ за вашу славную и примѣрную
„службу.“

„Въ знакъ Моего благоволенія къ войску и
„полку зачисляю вашего командира полка въ Мою
„свиту, а командующаго Моей сотней — назначаю
„Моимъ флигель-адъютантомъ.“ (Пр. В. 1906, № 4.)

1906.

47.

14-го января состоялся смотръ лейбъ-гвардіи
атаманскому Его Императорскаго Высочества На-
слѣдника Цесаревича полку. Послѣ обхода Госу-
дарь Императоръ передалъ Наслѣдника
Цесаревича командиру полка, ген.-ма-
іору Вершинину, который отнесъ Авгу-
стѣйшаго Шефа Государынѣ Импера-
трицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Вслѣдъ
за тѣмъ Государю Императору благоугодно было
обратиться къ полку со слѣдующими высокомило-
стивыми словами:

„Вотъ, братцы, вашъ Шефъ и
„Атаманъ. Съ этого дня Я желаю, чтобы первая
„сотня именовалась сотнею его Высочества.“

„Господа офицеры, искренне благодарю васъ за
„блестящій видъ, въ которомъ полкъ Мнѣ сегодня
„представился, а также за вашу вѣрную и слав-
„ную службу.“

„И вамъ, казаки, сердечное спасибо
„за вашу постоянную тяжелую и пре-
„данную службу Родинѣ и Миѣ. Убѣж-
„день, что полкъ будетъ такъ же вѣрно служить
„и Ему, какъ служить Миѣ и прежде слу-
„жилъ своимъ Царямъ. Увѣренъ, что молодые ка-
„заки проникнутся славными завѣтами донскихъ ка-
„заковъ.“

„Еще разъ спасибо вамъ, братцы. Въ вашемъ
„лицѣ, вмѣстѣ съ лейбъ-казаками, благодарю все
„войско донское.“

„Въ память сегодняшняго отличнаго смотра,
„которымъ вы Меня сильно порадовали, зачисляю
„вашего командира въ Свою свиту и назначаю
„полкового адъютанта флигель-адъютантомъ.“ (Пр.
В. 1906, № № 12, 13.)

48.

3-го февраля, во время смотра 27-му и 28-му
донскимъ казачьимъ полкамъ, царь осчастливилъ
ихъ слѣдующими высокомиловитыми словами:

„Господа полковые коман-
„диры, сотенные командиры и младшіе офицеры,
„выражаю вамъ Мою искреннюю благодарность
„за вашу службу и за тотъ блестящій смотръ, ко-
„торымъ вы Меня сегодня порадовали.“

„Казаки, скоро будетъ годъ, что Я васъ при-
„звалъ на службу для охраны спокойствія

„и порядка въ Моей столицѣ и ея окрестностяхъ. Десять мѣсяцевъ, какъ вы несете вашу тяжелую службу вѣрно и честно Россіи и Миѣ. Я знаю, что вы оставили свои семьи, дома, но Я прикажу о нихъ позаботиться, такъ что имъ никакого ущерба не будетъ.“

„Донское казачество честно и преданно несетъ службу Отечеству и Миѣ.“

„Благодарю васъ и въ вашемъ лицѣ все славное войско донское за вашу доблестную службу.“

„Спасибо вамъ, казаки, за службу, спасибо за сегодняшний смотръ.“ (Пр. В. 1906, № 29.)

49.

18-го января во время приѣма депутаціи крестьянъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, царь обратился къ депутатамъ со слѣдующею рѣчью:

„Я очень радъ васъ видѣть; вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно, то, что принадлежитъ помещику, принадлежитъ ему, то, что принадлежитъ крестьянину, принадлежитъ ему. Земля, находящаяся во владѣніи помещиковъ, принадлежитъ имъ на томъ же неотъемлемомъ правѣ, какъ и ваша земля принадлежитъ вамъ. Иначе не можетъ быть, и тутъ спора быть не можетъ. Я желаю,

„чтобы вы передали это своимъ односельчанамъ.
„Въ Моихъ заботахъ о васъ Я не забуду крестьянъ,
„янь, ваши нужды Мнѣ дороги, и Я объ нихъ буду
„заботиться постоянно, такъ же, какъ объ нихъ
„заботился Мой покойный Отецъ. Созывается
„Государственная Дума и совместно со Мною она
„обсудитъ, какъ это лучше рѣшить. На Меня вы
„всѣ можете рассчитывать, Я вамъ помогу, но
„повторяю, помните всегда, что право собственности
„свято и должно быть неприкосновенно.“
(Пр. В. 1906, № 16.)

50.

2-го февраля при приемѣ депутаціи тамбовскаго и тульскаго, дворянства, царь сказалъ:

„Сердечно благодарю васъ за выраженные
„чувства, ваши ходатайства будутъ приняты во
„вниманіе и все, что Я найду возможнымъ и
„полезнымъ сдѣлать, будетъ своевременно осуществлено.
„Вы знаете, какъ дороги Мнѣ интересы
„всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и интересы дворянства,
„но въ данное время Меня наиболѣе заботитъ вопросъ
„объ устройствѣ крестьянскаго быта и облегченіи земельной
„нужды трудящагося крестьянства при непремѣнномъ
„условіи сохраненія неприкосновенности частной
„собственности.“ (Пр. В. 1906, № 28.)

51.

9-го февраля, во время приема депутации владимирского дворянства, поднесшей адресъ, царь сказалъ:

„Я радъ видѣть васъ здѣсь.“

„Передайте владимирскому дворянству Мою „искреннюю благодарность за выраженные Мнѣ „чувства въ вашемъ адресѣ.“

„Ваша преданность и доблестное „служеніе Престолу и Родинѣ Мнѣ хо- „рошо извѣстны, Я въ нихъ всегда былъ увѣ- „ренъ.“

„Повторяю вамъ то, что уже сказалъ депу- „таціямъ тульского и тамбовскаго дворянства, что „благо всѣхъ сословіи Государства Мнѣ „одинаково дорого, и что при земель- „номъ устройствѣ крестьянъ право ва- „шей собственности остается непреко- „сновеннымъ.“

„По Моимъ указаніямъ вырабатываются теперь „мѣры для облегченія наиболѣе нуждающихся въ „землѣ трудящихся на ней крестьянъ, при не- „премѣнномъ условіи сохраненія неотъ- „емлемой частной земельной собствен- „ности.“

„Благодарю васъ отъ души за готовность „помочь Мнѣ.“ (Пр. В. 1906, № 34.)

52.

16-го февраля, при приемѣ депутаціи отъ Само-
державно-Монархической партіи, поднесшей адресъ,
царь сказалъ:

„Знаю и цѣню ваши чувства отъ
„души и благодарю васъ и въ вашемъ лицѣ всю
„Самодержавно-Монархическую Партію. Пере-
„дайте всѣмъ, уполномочившимъ васъ,
„что реформы, которыя Мною возвѣще-
„ны манифестомъ 17-го октября, будутъ
„осуществлены неизмѣнно, и права,
„которыя Мною даны одинаково всему
„населенію, неотъемлемы. Самодержа-
„віе же Мое останется такимъ, какимъ
„оно было встарь. Спасибо вамъ за вашу пре-
„данность.“ (Моск. Вѣд. 1906, № 46).

55.

Московскій генераль-губернаторъ адмиралъ
Дубасовъ, въ воскресенье 23-го апрѣля 1906 г.
тяжело раненый бомбой, брошенной неизвѣстнымъ
молодымъ человѣкомъ, удостоился получить отъ
Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Благодарю Бога, сохра-
„нившего вамъ жизнь столь нужную Миѣ.
„Надѣюсь, страданія невелики. Берегите себя и
„свои силы. Искренній привѣтъ вашей супругѣ
„Николай.“ (Нар. Ж. 1906, № 3.)

54.

Тронная рѣчь при открытіи Государственной Думы 27-го апрѣля. Его Величество, стоя, произнесъ громкимъ голосомъ :

„Всевышнимъ Промысломъ
„врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отечества по-
„будило Меня призвать къ содѣйствію въ законо-
„дательной работѣ выборныхъ отъ народа.“

„Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее
„Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ
„лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлю-
„бленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.“

„Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ.
„Вѣрю, что любовь къ Родинѣ, горячее желаніе
„послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.“

„Я же буду охранять непоколебимыми устано-
„вленія, Мною дарованныя, съ твердою увѣрен-
„ностью, что вы отдадите всѣ свои силы на само-
„отверженное служеніе Отечеству для выясне-
„нія нуждъ столь близкаго Моему сер-
„дцу крестьянства, просвѣщенія народа
„и развитія его благосостоянія, памятуя,
„что для духовнаго величія и благоденствія Госу-
„дарства необходима не одна свобода, не-
„обходимъ порядокъ на основѣ права.“

„Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть
„народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему

„въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроенное
„и просвѣщенное.“

„Господь да благословитъ труды, предстоящіе
„Миѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ
„и Государственной Думою, и да знаменуется день
„сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго
„облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея
„лучшихъ силъ.“

„Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ,
„на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте до-
„стойно довѣріе Царя и народа.“

„Богъ въ помощь Миѣ и вамъ.“ (Пр. В.)

55.

Именной Высочайшій Указъ, данный Прави-
тельствующему Сенату 8 іюля 1906 г.:

„На основаніи статьи 105 свода основныхъ
„государственныхъ законовъ, изданія 1906 года,
„повелѣваемъ: Государственную Думу распустить,
„съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной
„Думы на 20-е февраля 1907 года.“

„О времени производства новыхъ выборовъ
„въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ
„особыя указанія.“

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ учи-
„нить къ исполненію сего надлежащее распоря-
„женіе.“

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „Николай.“

Въ Петергофѣ, 8-го іюля 1906 года. (Пр. В.)

56.

Совершенно секретно. Командующему войсками Варшавскаго Военнаго Округа :

„При личномъ докладѣ воен. министра 26 сего августа Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить командующимъ войсками, что онъ требуетъ безусловнаго примѣненія новаго закона о военно-полевыхъ судахъ, опубликованнаго въ Правительств. Вѣстн. № 190 и Русск. Инвалидѣ №№ 186 и 187 ко всѣмъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ въ правилахъ о сихъ судахъ. Командующіе войсками и генераль-губернаторы, которые допустить отступленія отъ этого Высочайшаго повелѣнія, будутъ за это отвѣтственны лично передъ Его Величествомъ. Командующіе войсками должны озаботиться, чтобы по этимъ дѣламъ не представлять Государю телеграммъ о помилованіи.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ дополненіе къ шифрованной телеграммѣ военнаго министра за № 820.“

Подлинный подписалъ Начальникъ Главнаго Управленія ген.-лейт. Павловъ. (Н. А. 1907, № 1.)

57.

На рапортъ военнаго министра о смерти главнаго военнаго прокурора, генераль-лейтенанта Павлова, Государь собственноручно начертальъ:
„Трудно замѣнимая
„потеря честнаго и стойкаго человѣка.“
(Парт. Изв. 1907, № 4.)

58.

По Высочайшему Указу главное казначейство предложило отдѣленіямъ казенной палаты выдать окружнымъ комендантскимъ управленіямъ на улучшеніе содержанія войскъ, принимавшихъ участіе въ подавленія беспорядковъ: Московскому 120 000, Кавказскому 40 000, Варшавскому 70 000, Казанскому 45 000, Киевскому 70 000, Виленскому 85 000, и Одесскому 10 000 рублей. (Око, 1906, 14 окт.)

59.

„Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ. 10 ноября 1906 г. г. С.-Петербургъ.

Посылаю Тебѣ къ нашему полковому правднику текстъ высокомиловидныхъ словъ, съ коими

Государь Императоръ соизволилъ обратиться 18-го августа сего года, въ Александріи, къ депутаціи отъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, подносившей Государю Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу шашку :

„Гг. офицеры, поручаю вамъ „передать всему полку глубокую благодарность „Мою, Государыни Императрицы и маленькаго На- „слѣдника какъ за большую шашку, которую онъ, „Богъ дастъ, будетъ носить на службѣ, такъ и за „ту, которая теперь на немъ. Пусть эта шашка „будетъ еще звеномъ, о которомъ я говорилъ на „вашемъ блестящемъ смотре. Еще разъ даю ему „завѣтъ такъ же любить васъ, какъ я люблю и „уважаю дорогихъ Мнѣ Семеновцевъ. Вы, „уходящіе въ запасъ, скоро благополучно верне- „тесь по домамъ. Если кто васъ обидитъ или от- „несется не такъ какъ слѣдуетъ отнестись къ на- „стоящему Семеновцу, то я даю вамъ право обра- „титься прямо ко мнѣ. Да хранитъ васъ Богъ.“

Храни до гроба Священные слова Державнаго шефа полка, никому ихъ не давай и береги ихъ; чтобы они никогда ни въ чьи нечистыя руки не попали, и не безпокой зря священную Особу Государя Императора безъ крайней необходимости. Командиръ полка Генераль-Маіоръ Шильдеръ.“
(Нов. М. 1907, № 2.)

1907.

60.

Съѣздъ Союза Русскаго Народа, собравшійся въ Кіевѣ въ 1907 году въ отвѣтъ на выраженные имъ вѣрноподданническія чувства Государю Императору получили телеграмму отъ министра-президента Столыпина: „Государь Императоръ повелѣлъ благодарить съѣздъ за выраженные имъ вѣрноподданническія чувства.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

61.

4-го іюля 1907 года опубликованъ Именной Высочайшій Указъ о роспускѣ Второй Государственной Думы и новыя правила о производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

62.

Его Императорское Величество Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить председателя союза русскаго народа Дубровина нижеслѣдующей телеграммой:

„Передайте всѣмъ председателямъ „отдѣловъ и всѣмъ членамъ союза русскаго народа, „приславшимъ Мнѣ изъявленія одушевляющихъ

„ихъ чувствъ, Мою сердечную благодарность за „ихъ преданность и готовность служить престолу „и благу дорогой родины. Увѣренъ, что теперь „всѣ истинновѣрные и русскіе беззаветно любящіе „свое отечество сыны сплотятся тѣснѣе и постоянно „умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ до „стичь мирнаго обновленія нашей свя- „той и великой Россіи и усовершенствованія „быта великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ „Союзъ Русскаго Народа надежной „опорой служба для всѣхъ и во всемъ „примѣромъ законности и порядка. Ни- „колай.“ (Р. Зн. июль 1907.)

63.

На ходатайство о помилованіи приговорен-
ныхъ за участіе въ скопищѣ, учинив-
шемъ вслѣдствіе побужденій происте-
кавшихъ изъ племенной и религіозной
вражды къ евреямъ, похищеніе и истре-
бленіе чужого имущества, къ лишенію
всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заклю-
ченію въ тюрьмѣ, съ послѣдствіями для всѣхъ по
ст. 58₁ и 58₂ улож. о наказ., Государь Императоръ
всемиловитѣйше повелѣтъ соизволилъ:

„Даровать помилованіе.“ (Тов.
1907, № 288.)

64.

По ходатайству „Союза Русскаго Народа“ Высочайше даровано помилованіе:

1) 4 мѣщ., осужденнымъ въ каторгу за „самосудъ надъ революціонерами“; 2) троимъ, обвинявшимся „въ подстрекательствѣ къ избіеніямъ евреевъ въ октябрьскіе дни, въ нанесеніи имъ смертельныхъ побоевъ“ и осужденнымъ за это въ арестантскія роты; 3) двумъ казакамъ, „убившимъ съ дѣлюю грабежа еврейскаго лавочника“ и приговореннымъ къ 15 год. каторги; 4) городовому, осужденному въ арест. отд. „за убійство адвоката“ и 5) приговоренному судомъ за „участіе въ анти-еврейскихъ безпорядкахъ“. (Тов. 1907, № 232.)

65.

13-го ноября 1907 года, Государь Императоръ изволилъ послать свой портретъ съ собственноручной надписью въ Екатеринославскій отдѣлъ Союза Русскаго Народа. (Н. Д. 1909, № 1.)

66.

31-го декабря 1909 года, по Указу Его Величества былъ освобожденъ изъ подѣ стражи заключенный въ Гельсингфорскую тюрьму, Половневъ, осужденный финляндскимъ судомъ

за убійство депутата Государственной Думы М. Я. Герценштейна.

По Указу Его Величества были освобождены отъ отбытія наказаніи также и прочіе лица, осужденные за то-же преступленіе. (Рѣчь, 1910, № 2.)

67.

Въ приказѣ по военному вѣдомству Государь Императоръ изволилъ выразить Высочайшую благодарность чинамъ военно-судебнаго вѣдомства за тяжелые труды понесенные ими въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, при разсмотрѣніи столь многочисленныхъ дѣлъ, и вынесеніи по нимъ приговоровъ. (Рѣчь, авг., 1909.)

68.

По Указу Его Величества военно-окружными судами надъ лицами гражданскаго вѣдомства вынесено смертныхъ приговоровъ: въ 1905 г. — 72, въ 1906 г. — 450, въ 1907 г. — 1056, въ 1908 г. — 1741. Свѣдѣнія Департамента Полиціи (Н. Г. 1909, № 56.)

Разъясненіе

сокращеній употребленныхъ въ приложеніи.

З. Нар.—За Народъ. М. Вѣд.—Московскія Вѣдомости.
Нар. А.—Народная Армія. Н. Д.—Народное Дѣло. Нар.
Ж.—Народная Жизнь. Н. Г.—Наша Газета. Нов. М.—
Новая Мысль. О.—Око. Осв.—Освобожденіе. Прав. В.—
Правительственный Вѣстникъ. (Цитируемъ по „Собранію
рѣчей Императора Николая II“ составленному по официальнымъ
даннымъ книгоиздательствомъ „Другъ Народа“ въ С. П. Б.) П. Изв.
—Партиійныя Извѣстія. П. Г. Н.—Первый годъ Николая II.
(Хроника. Изданіе общества народнаго права.) Р. Росс.—Револуціонная Россія. Р. Зна.—Русское Знамя. Р. Инв.—Рус-
скій Инвалидъ. С. О.—Сынъ Отечества. Тов.—Товарищъ.
Qu. R.—Quarterly Review.

Указатель литературы.

А. Биографія, изслѣдованія, сборники статей, материалы и документы.

1. Амфитеатровъ, Александръ, Господа Обмановы, Берлинъ, 1902.
2. Болзанъ и смерть Александра III, Лондонъ, 1900.
3. Буршевъ, Вл., Долой царя! Лондонъ.
4. Верхоинцевъ, С., Конекъ-скакунокъ. Русская сказка. С. П. В. 1906.
5. Владиміровъ, В., Карательная экспедиція отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Москва. 1906.
6. Владиміровъ, В., Очерки современныхъ казней. Москва. 1906.
- 6а Гершуни, Григорій, Изъ недавняго прошлаго. Парижъ. 1908.
7. Доклады министра внутр. дѣлъ Николаю II. (Царскій Листокъ). Парижъ. 1909.
8. Климовъ, Василій, Расправы и расстрѣлы. Москва. 1906.
- 8а Коволяничкова, Зинаида Васильевна. Изданіе Сѣвернаго Областнаго Комитета П. С. Р. 1906.
- 8б Красное знамя. Сборникъ. Изд. П. С. Р. 1905.
9. Народное дѣло. Сборникъ. Изд. П. С. Р. 1909.
10. Орловъ, П., Царь Николай II, его среда и содѣятели. Давось. 1905.
11. Первая царская рѣчь. Женева. 1895.
12. Первый годъ Николая II. Хроника. Изданіе Общества Народнаго Права. 1896.
13. Погромы по официальнымъ документамъ. С. П. Б. 1908.
14. Полное собраніе рѣчей Императора Николая II. Составлено по официальнымъ даннымъ „Правительственнаго Вѣстника“. С. П. В. 1906.
15. Царь. Характеристика. Переводъ съ англійскаго. Изд. П. С. Р. 1905.
16. Царь-Постыдыцъ. Надгробное слово самодержавію. Женева. 1905. Изд. Р. С. Д. Р. II.
17. Цесаревичъ, его путешествіе и покушеніе на его жизнь 11-го мая 1891 г. Carouge-Genève. 1898.
18. Zilliacus, Komi, Das revolutionäre Rußland. Frankfurt a. M. 1905.
19. Ходатайство русскихъ литераторовъ объ облегченіи цензуры. Лондонъ. 1895.
20. Ходышка. Кровавыя жертвы коронаціи Николая II. Carouge-Genève. 1900.
21. Ular, Alexander, Die russische Revolution. Berlin. 1905.

В. Периодическія изданія.

1. Berliner Tageblatt 1907 Nr. 623; 1908 Nr. 72.
2. Былое. Сборникъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія. Парижъ. 1908—9. (№ 7—12).
- 2а Вѣстникъ русской революціи. Соціально-политическое обозрѣніе. Изд. П. С. Р. 1903.
3. За Народъ. Изд. Центр. Ком. П. С. Р. 1908—1910.
4. Знамя Труда. Центральный Органъ П. С. Р. 1907—1910.
- 4а Красное знамя. Журналъ политической и литературной. Парижъ. 1906.
5. Московскія Вѣдомости. (см. А. 14.)
6. Народная армія. Изданіе Всероссийскаго Офицерскаго Союза. 1907.
7. Народный Вѣстникъ. Общественно-политическій и литературный еженедѣльный журналъ. С. П. Б. 1906.
8. Народная жизнь. Изданіе еженедѣльное. С. П. Б. 1906.
9. Наша газета. Политическая, литературная и экономическая ежедневная газета. С. П. Б. 1908, 1909.
10. Новая мысль. Сборники статей. С. П. Б. 1906, 1907.
11. Око. С. П. Б. 1906. 14 окт.
12. Освобожденіе. Revue russe bi-mensuelle. Штутгартъ. 1903—1905.
13. Правительственный Вѣстникъ. (см. А. 14.)
14. Партийныя Извѣстія. Изд. Центр. Ком. П. С. Р. 1907.
15. Революционная Россія. Изданіе Партии Соціалистовъ-Революціонеровъ. 1902—1905.
- 15а Революционная Мысль. Изданіе группы социалистовъ-Революціонеровъ. 1908.
16. Revue. Paris. 1907. (Цитируемъ по Б. 1.)
17. Рѣчь. Петербургъ. 1906—1910.
18. Русское Знамя. Органъ Союза Русскаго Народа. С. П. Б. 1906—1910.
19. Русскій Инвалидъ. 1905. (см. А. 14.)
20. Сознательная Россія. Сборники на современныя темы. С. П. Б. 1906.
21. Simplizissimus. Illustrierte Wochenschrift. München. 1905.
22. Современное Обозрѣніе. Сборникъ съ приложеніемъ „Съ Родины на Родину“. Женева. 1895.
23. Сынъ Отечества. С. П. Б. 1905.
24. Товарищъ. Политическая, литературная и экономическая газета. 1906, 1907.
25. Tribune Russe. Revue mensuelle du mouvement Socialiste Révolutionnaire en Russie. Paris. 1904—1909.
26. Трудъ. Рабочая газета. Изданіе Пет. Ком. П. С. Р. С. Петербургъ, 1906—1908.
27. Quarterly Review. London. 1904. VI (см. А. 15.)
28. Ulk. Satirische Beilage zum Berliner Tageblatt. 1905.

Оглавленіе.

Предисловіе ко 2-му изданію	3
Вмѣсто предисловія	17
Дѣтство, отрочество, юность	25
Медовый мѣсяць	47
Семейная сценка	59
Первыя ягодки	69
При звукахъ чарующихъ вальса	81
„Государь хочетъ знать всю правду“	93
Entre les deux mon soeur balance	103
„Жеребцы Его Высочества“ или „Когда захочу, тогда отмѣню“?	115
Желтый билетъ	135
Августѣйшее Семейство	151
Еще кое-что про Августѣйшую Семью	179
Причуды, капризы, фантазіи, прихоти	199
Друзья и сподвижники	221
Царь и женщины	245
Заговоры царя („Ah, qu'ils quent ces députés!“)	253
Заговоры противъ царя	273
Приложеніе: Избранныя рѣчи Николая II, тайные документы, секретныя телеграммы царя и др.	289
Указатель литературы	338
Оглавленіе	340
